
ВРАТА
ЗА СИНИМ ГОРИЗОНТОМ...
ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
ФРЕДЕРИК ПОЛ

Врата
Фредерик Пол

Аннотация
Врата
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31

Аннотация

Это был, возможно, самый уникальный артефакт, найденный вышедшими наконец-то в космос землянами. Брошенная близ Венеры пересадочная станция, давным-давно забытая хозяевами - Хичи. Станция, где люди обнаружили многое. Но прежде всего - корабли. Чужие корабли, созданные по неизвестным нам, чужим технологиям.

Корабли, на которых можно было лететь очень далеко. А если повезёт случайно нажать на нужную кнопку - даже можно вернуться…

И люди, одержимые зовом далеких звезд, стали учиться летать. И - улетали. И некоторые из них возвращались…

Врата

Глава 1

Меня зовут Робинетт Броудхед: вопреки своему имени, я мужчина. Мой психоаналитик (я зову его Зигфрид фон Психоаналитик, хотя, конечно, это не его имя: у него вообще нет имени, потому что он машина) по этому поводу получает немало электронного удовольствия.

- Почему вас беспокоит, что некоторые считают это женским именем, Боб?

- Меня не беспокоит.

- Тогда почему вы постоянно об этом вспоминаете?

Он раздражает меня, вспоминая о том, что я вспоминаю. Я смотрю на потолок с подвешенными мобилями и светильниками, потом в окно. На самом деле это не окно. Движущаяся голограмма прибоя на мысе Каена; программирование Зигфрида очень эклектично. Спустя немного я говорю: "Меня так назвали родители, с этим я ничего не могу поделать. Я произношу Р-О-Б-И-Н-Е-Т-Т, но остальные обязательно произносят неверно".

- Вы знаете, что можно поменять имя.

- Если я это сделаю, - говорю я, и я уверен, что прав, - ты скажешь, что у меня навязчивое желание защитить свои внутренние дихотомии.

- На самом деле я скажу, - говорит Зигфрид со своим тяжелым механическим юмором, - что не нужно использовать специальные психоаналитические термины. Я был бы благодарен, если бы вы просто сказали, что чувствуете.

- Я чувствую, - в тысячный раз отвечаю я, - что я счастлив, у меня никаких проблем. Да и почему бы мне не быть счастливым?

Так мы играем словами, и мне это не нравится. Мне кажется, что в его программе какая-то ошибка. Он говорит: "Скажите мне, Робби, почему вы несчастны?"

Я ничего не отвечаю. Он настаивает: "Я думаю, вы обеспокоены".

- Вздор, Зигфрид, - говорю я, испытывая легкое отвращение, - ты всегда так говоришь. Я ни о чем не беспокоюсь.

Он вкрадчиво заявляет: "Нет ничего плохого в том, чтобы сказать, как себя чувствуешь".

Я снова смотрю в окно, я сержусь, потому что начинаю дрожать и не знаю почему. "Ты мне надоел, Зигфрид, понимаешь?"

Он что-то отвечает, но я не слушаю. Гадаю, зачем я трачу здесь свое время. Если есть человек, имеющий все основания для счастья, то этот человек я. Я богат. Хорошо выгляжу. Не стар, и к тому же у меня Полная медицина, так что в следующие пятьдесят лет я могу быть любого возраста - по выбору. Живу я в Нью-Йорке под Большим Пузырем; тут может позволить себе жить только очень богатый и к тому же известный человек. У меня летние апартаменты, выходящие на Тапанское море и на плотину Палисейдс. И девушки сходят с ума из-за моих трех браслетов-"вылетов". На Земле не очень много старателей, даже в Нью-Йорке. Все дико хотят услышать мой рассказ о том, что там на самом деле в туманности Ориона или в Большом Магеллановом Облаке (Разумеется, я не был ни в одном из этих мест. О том единственном интересном месте, где я побывал, я не люблю говорить).

- Если вы действительно счастливы, - говорит Зигфрид, выждав положенное количество микросекунд, - зачем вы приходите сюда за помощью?

Терпеть не могу, когда он задает вопрос, который я и сам себе задаю. Не отвечаю. Ежусь на матраце из пластиковой пены, снова занимая удобное положение; чувствую, что сеанс предсто-

ит долгий и мерзкий. Если бы я знал, почему мне нужна помощь, зачем бы она была мне нужна?

- Роб, вы сегодня неразговорчивы, - говорит Зигфрид в маленький динамик в голове матраца. Иногда он использует очень жизнеподобный манекен, который сидит в кресле, постукивает карандашом и время от времени насмешливо улыбается. Но я ему сказал, что нервничаю из-за этого. - Почему бы вам просто не сказать мне, о чем вы думаете?

- Я ни о чем особенном не думаю.

- Расслабьтесь. Говорите все, что придет в голову. Боб.

- Я вспоминаю... - говорю я и замолкаю.

- Что вспоминаете, Роб?

- Врата?

- Это скорее вопрос, чем утверждение.

- Может, так и есть. Ничего не могу поделать. Именно это я вспоминаю: Врата.

У меня есть все основания помнить Врата. Там я добыл деньги, браслеты и все остальное. Я вспоминаю тот день, когда покинул Врата. Это был, сейчас сообразим, 31 день 22 орбиты, значит, отсчитывая назад, шестнадцать лет и несколько месяцев с того времени, как я оставил Землю. Тридцать минут спустя после того, как меня

выписали из больницы, я получил деньги, сел на корабль и улетел. Не мог больше ждать ни минуты.

Зигфрид вежливо говорит: "Пожалуйста, Робби, говорите вслух, о чем вы думаете".

- Я думаю о Шикетее Бакине, - отвечаю я.

- Да, вы упоминали его, я помню. А что же о нем?

Я не отвечаю. Старый безногий Шикетей Бакин жил в соседней комнате, но я не хочу обсуждать это с Зигфридом. Я корчусь на своем круглом матраце, думая о Шики и стараясь не заплакать.

- Вы, кажется, расстроились, Боб.

На это я тоже не отвечаю. Шики - единственный человек, с которым я попрощался на Вратах. Странно. В нашем статусе была большая разница. Я старатель, а Шики мусорщик. Ему платили ровно столько, чтобы он не умер с голоду, потому что он выполнял грязную работу, и даже на Вратах кто-то должен убирать мусор. Но рано или поздно он станет слишком старым и больным даже для этой работы. Тогда, если ему повезет, его просто выбросят в космос, и он там умрет.

Если же не повезет, его, возможно, отправят обратно на планету. Здесь он тоже умрет и

очень скоро, но вначале несколько недель проживет беспомощным калекой.

Во всяком случае он был моим соседом. Каждое утро он с трудом вставал и тщательно вычищал каждый квадратный дюйм своей каморки. Она становилась грязной, потому что на Вратах всегда множество мусора, несмотря на все попытки его убрать. Вычистив все, даже основания маленьких кустиков, которые он с трудом вырастил и оформил, он брал обломки, бутылочные крышки, клочки бумаги и снова разбрасывал там, где только что вычистил. Забавно! Я никогда не мог понять, в чем разница, но Клара говорила... Клара говорила, что понимает.

- Боб, о чем вы только что думали? - спрашивает Зигфрид.

Я сворачиваюсь клубком и что-то бормочу.

- Я не понимаю, что вы только что сказали, Робби.

Я молчу. Думаю, что стало с Шики. Вероятно, он уже умер. И вдруг мне становится грустно от смерти Шики так далеко от Нагои, и мне снова хочется плакать. Но я не могу. Я корчусь и извиваюсь. Бьюсь о пенопластовый матрац, пока не начинают протестующе скрипеть удерживающие меня ремни. Ничего не помогает.

Боль и стыд не уходят. Я доволен собой, доволен тем, что стараюсь изгнать эти чувства, но у меня не получается, и отвратительный сеанс продолжается.

Зигфрид говорит: "Боб, вам требуется много времени для ответа. Вы что-нибудь утаиваете?"

Я отвечаю с благородным негодованием: "Что за нелепый вопрос? Если бы я утаивал, откуда мне об этом знать? - Я молчу, обследуя уголки своего мозга в поисках того, что я утаил от Зигфрида. Ничего не нахожу. Рассудительно говорю, - Кажется, ничего нет. Я не чувствую, что утаиваю что-то. Скорее хочу сказать так много, что не знаю, с чего начать".

- Начинайте с любого, Роб. Первое, что приходит в голову.

Это кажется мне глупым. Откуда мне знать, что первое, когда все перемешалось? Отец? Мать? Сильвия? Клара? Бедный Шики, пытающийся передвигаться без ног, порхая, как ласточка в амбаре, охотящаяся за насекомыми: точно так же Шики ловит мусор в воздухе Врат?

Я касаюсь тех мест в мозге, где больно. Я знаю по предыдущему опыту, что будет больно. Так я себя чувствовал в семь лет, когда бегал по Скальному парку вместе с другими детьми и

пытался обратить на себя внимание.

| *481 - IRRAY (0) = IRRAY (P) 13,320*
| *Я думаю, вы обеспокоены. 13,325*
| *482 - XTERNAIS; 66AA3 IF; 5B 13,330*
| *GOTO* 7Z3 13,335*
| *XTERNAIS @ 01R IF @ 7 13,340*
| *GOTO* 7Z4 13,345*
| *Вздор, Зигфрид, 13,350*
| *Ты всегда так говоришь. 13,355*
| *XTERNAIS C99997AA! IF c8 13,360*
| *GOTO* 7Z4 IF ? GOTO 13,365*
| *** 7Z10 13,370*
| *Я ни о чем не 13,375*
| *Не беспокоюсь. 13,380*
| *483 - IRRAY. ВЗДОР.. ВСЕГДА. 13,385*
| *БЕСПОКОИЛСЯ/ НЕТ. 13,390*
| *484 - Почему бы не сказать 13,395*
| *Об этом? 13,400*
| *485 - IRRAY (P) = IRRAY(Q)ВВОД 13,405*
| *УСПОКОИТЕЛЬНОГО ТОНА 13,410*
| *Нет ничего плохого в том, 13,415*
| *Чтобы сказать, 13,420*
| *Как себя чувствуешь. 13,425*
| *487 - IRRAY (Q) = IRRAY(R)GOTO 13,430*
| *** 1 GOTO* 2 GOTO 13,435*
| *** 3 13,440*

| *489 - Ты мне надоел, 13,445*
| *Зигфрид, 13,450*
| *Понимаешь? 13,455*
| *XTERNALS c1! IF! GOTO 13,460*
| ***7Z10 IF ** 7Z10! GOTO 13,465*
| *** 1 GOTO ** 2 GOTO ** 3 13,470*
| *IRRAY БОЛЬ 13,475*

Или когда мы оказались вне реального пространства и поняли, что попали в ловушку, а из ничего появилась призрачная звезда, улыбаясь, как Чеширский кот. У меня сонм таких воспоминаний, и все они причиняют боль. Да, это так. Они само воплощение боли. В указателе моей памяти против них написано "Болезненно". Я знаю, где отыскать их, и знаю, как бывает больно, когда они всплывают на поверхность. Но пока я их не выпущу, они не причинят мне боли.

- Я жду, Боб, - говорит Зигфрид.

- Думаю, - отвечаю я. И тут мне приходит в голову, что я опаздываю на урок гитары. Это напоминает мне еще о чем-то, я смотрю на пальцы левой руки, проверяю, не отросли ли ногти: мне хотелось бы, чтоб мозоли стали больше и тверже. Я не очень хорошо играю на гитаре, но большинство слушателей не слишком критичны, а я получаю удовольствие. Но нужно все

время упражняться и помнить. Сейчас посмотрим, думаю я, как перейти от фа-мажор к соль на седьмой струне.

- Боб, - говорит Зигфрид, - сеанс был не очень продуктивным. Осталось десять-пятнадцать минут. Почему бы вам не сказать мне первое, что придет в голову... прямо сейчас?

Первое я отвергаю и говорю второе. "Первое, что приходит мне в голову; я вспоминаю, как плакала мать, когда погиб отец".

- Не думаю, чтобы это на самом деле было первым, Боб. Позвольте высказать предположение. Первая мысль была о Кларе.

В груди у меня сжимается. Дыхание перехватывает. Неожиданно передо мной возникает Клара, какой она была шестнадцать лет назад, и ни на час старше... Я говорю; "Кстати, Зигфрид, я думаю, что хочу поговорить о своей матери". И позволяю себе вежливый примирительный смешок.

Зигфрид не вздыхает покорно, но он молчит так, что создает то же впечатление.

- Понимаешь, - говорю я, тщательно обходя все, не относящееся к этой теме, - она хотела после смерти отца снова выйти замуж. Не сразу. Не хочу сказать, что она обрадовалась его смер-

ти или что-нибудь такое. Нет, она его любила. Но теперь я понимаю, что она была здоровая молодая женщина - очень молодая. Сейчас подумаем... ей было тридцать три. И если бы не я, она, конечно, вышла бы замуж. У меня чувство вины, я не дал ей вторично выйти замуж. Я пришел к ней и сказал; "Мама, тебе не нужен мужчина. Я буду мужчиной в семье. Я о тебе позабочусь". Но, конечно, я не мог. Мне тогда было пять лет.

- Мне кажется, вам было девять, Робби.

- Да? Сейчас подумаем. Зигфрид, ты, кажется, прав... - Я стараюсь проглотить большой комок, образовавшийся в горле, давлюсь и начинаю кашлять.

- Скажите, Роб, - настойчиво говорит Зигфрид. - Что вы хотели сказать?

- Будь ты проклят, Зигфрид!

- Давайте, Роб! Говорите.

- Что говорить? Боже, Зигфрид! Ты меня прижал к стене. Этот вздор никому не приносит пользы.

- Боб, пожалуйста, скажите, что вас беспокоит.

- Заткни свою грязную жестяную пасть! - Вся боль, от которой я так старательно уходил, вырывается наружу, и я не могу с ней справиться.

- Боб, я предлагаю, чтобы вы попытались...

Я бьюсь о ремни, вырываю клочья пены из матраца, реву: "Заткнись! Я не хочу тебя слушать! Я не могу справиться, неужели не понятно? НЕ могу! НЕ могу справиться!"

Зигфрид терпеливо ждет, пока я не перестану плакать, что происходит совершенно неожиданно. И тут, прежде чем он успевает что-то сказать, я устало говорю; "Дьявол, Зигфрид, все это ничего не дает. Я думаю, что нужно прекратить. Наверно, есть люди, которым твои услуги нужны больше, чем мне".

- Что касается этого, - отвечает он, - то я с ними встречаюсь в назначенное время.

Я вытираю слезы бумажным полотенцем и ничего не отвечаю.

- Я думаю, что мы еще можем кое-чего достичь, - продолжает он. - Но решать, будем ли мы продолжать сеансы или нет, должны вы.

- Есть в восстановительной комнате что-нибудь выпить? - спрашиваю я его.

- Не то, о чем вы думаете. Но мне говорили, что на верхнем этаже этого здания очень хороший бар.

- Что ж, - говорю я, - я просто удивляюсь, что я тут делаю.

Пятнадцать минут спустя, подтвердив сеанс

на следующей неделе, я пью кофе в восстановительной комнате Зигфрида. Прислушиваюсь, не начал ли плакать его следующий пациент, но ничего не слышу.

Я умываюсь, повязываю шарф, приглаживаю вихор на голове. Потом поднимаюсь в бар. Официант знает меня и проводит к столику, выходящему на юг, к нижнему краю Пузыря. Он взглядом показывает на высокую медноволосую девушку, в одиночестве сидящую за столиком, но я отрицательно качаю головой. Выпиваю, восхищаясь ногами медноволосой девушки и думая о том, куда отправиться на ужин, потом отправляюсь на урок гитары.

Глава 2

Сколько себя помню, я всегда хотел стать старателем. В шесть лет отец и мать взяли меня на ярмарку в Чейни. Горячие сосиски и воздушная соя, разноцветные шары, наполненные водородом, цирк с собаками и лошадьми, колесо счастья, игры, прогулки. И еще надувная палатка с непрозрачными стенами, вход стоит доллар, и там выставка предметов из туннелей хичи на Венере. Молитвенные веера и огненные жемчужины, зеркала из настоящего металла хичи, и все это можно купить по двадцать пять долларов за штуку. Папа сказал, что они не настоящие, но для меня они были самыми настоящими. Впрочем мы не могли себе позволить потратить двадцать пять долларов. Да если подумать, мне и не нужно было зеркало. Лицо в веснушках, выступающие зубы, волосы, которые я зачесывал назад и перевязывал. Тогда только что обнаружили Врата, и я помню, как по пути домой в аэробусе папа говорил об этом. Они думали, что я сплю, но меня разбудила тоска в его голосе.

Если бы не мама и я, он нашел бы возможность отправиться туда. Но такой возможности у него

не было. Год спустя он умер. И я унаследовал от него работу, как только достаточно подрос.

Не знаю, работали ли вы когда-нибудь на пищевых шахтах, но, конечно, слышали о них. В этой работе ничего привлекательного. В двенадцать лет я начал с половины рабочего дня и за половинную плату. К шестнадцати у меня был статус отца - сверловщик шпуров; хорошая оплата и трудная работа.

Но что делать с этой оплатой? Для Полной медицины ее недостаточно. Недостаточно даже для ухода из шахты, всего лишь история местного успеха. Работаешь шесть часов и десять отдыхаешь. Восемь часов сна, и ты снова на ногах, а вся одежда провоняла сланцем. Курить можно только в специально изолированных помещениях. Всюду оседает маслянистый туман. И девушки тоже пропахли и тоже измучены работой.

Мы все жили одинаково; много работали, гонялись за женщинами друг друга и играли в лотерею. И много пили того дешевого крепкого пойла, что делалось в десяти милях от нас. Иногда на бутылке была этикетка шотландского виски, иногда водки или бурбона, но все это из одних и тех же шламовых колонн. Я ничем не отличался от остальных... только однажды выиг-

рал в лотерею. И это был мой выездной билет.

Но до этого я просто жил.

Моя мать тоже работала на шахте. После смерти отца во время взрыва на шахте она вырастила меня с помощью шахтных яслей. Мы с ней ладили, пока у меня не произошел первый психический срыв. Мне тогда было двадцать шесть. У меня начались неприятности с девушкой, а потом я по утрам просто не мог встать. И меня увезли. Меня не было больше года, а когда меня выпустили из бокса, мать уже умерла.

Это моя вина. Нет, я не планировал ее смерть. Я хочу сказать, что она жила бы, если бы не тревожилась обо мне. На лечение нас обоих просто не хватало средств. Мне нужна была психотерапия. А ей новое легкое. Она его не получила и умерла.

Мне ненавистна стала наша квартира после ее смерти, но либо нужно было оставаться в ней, либо переселяться в общежитие для холостяков. А мне совсем не нравилась мысль о жизни по соседству с таким количеством людей. Конечно, я мог жениться. Но не женился. Сильвия, девушка, с которой у меня были неприятности, к этому времени исчезла. Но я вовсе не был против брака. Может, вы решите, что я был против из-за своих психиатрических трудностей и из-за того,

что так долго жил с матерью. Это не так. Мне очень нравились девушки. Я был бы счастлив жениться на одной из них и растить ребенка.

Но не в шахтах.

| *ДОМ ХИЧИ*
|
| *Прямо из забытых туннелей Венеры!*
|
| *Редкие религиозные предметы. Бесценные*
| *жемчуга, принадлежавшие забытой расе.*
| *Поразительные научные открытия.*
|
| *ГАРАНТИРУЕТСЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ КАЖДОГО ПРЕДМЕТА!*
|
| *Скидка для учащихся и студентов*
|
| *ЭТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ СТАРШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!*
|
| *Впервые по доступным ценам*
| *Взрослые - $ 2-50 Дети - $ 1-00*
| *Дельберт Кайн, доктор философии,*
| *Старатель*

Я не хотел оставлять сыну то, что оставил мне отец.

Сверлить шпуры для зарядов - очень тяжелая работа. Сейчас используют паровые факелы с нагревательными спиралями хичи, и сланец вежливо расходится, как воск. Но тогда мы сверлили и взрывали. Спускаешься в шахту в скоростной клети и начинаешь свою смену. Стена шахты, скользкая и вонючая, движется со скоростью в шестьдесят километров в час в десяти дюймах от твоего плеча. Я видел, как выпивший шахтер протянул руку к стене, и вместо руки у него остался обрубок. Потом выбираешься из клети и еще километр или больше скользишь по дощатому настилу по пути к забою.

Сверлишь стену. Устанавливаешь заряды. Потом прячешься в каком-нибудь тупике, пережидая взрыв и надеясь, что все рассчитал правильно, и вся эта вонючая маслянистая масса не обрушится на тебя (Если тебя погребет заживо, ты можешь прожить в сланце неделю. Такое бывало. Если человека не извлекут в первые три дня, он обычно больше ни к чему не пригоден). Потом, если все сошло благополучно, начинаешь увертываться от погрузчиков по пути к

следующему забою.

Говорят, маски задерживают большую часть углеводорода и скальной пыли. Но вонь они не задерживают. И я не уверен насчет углеводородов. Моя мать не единственная работница шахты, нуждавшаяся в новом легком. И конечно, не единственная, кто не сумел за него заплатить.

А когда смена кончена, куда же тебе деваться?

Идешь в бар. Идешь в спальню с девушкой. Играешь в карты. Смотришь телевидение.

Выходишь из дома не часто. Для этого нет особой причины. Несколько крошечных парков, на которых постоянно подсаживают растения; в Скальном парке есть даже живые изгороди и газон. Бьюсь об заклад, вам не приходилось видеть газон, который моют, натирают (стиральным порошком!) и просушивают горячим воздухом каждую неделю, иначе он погибнет. Парки мы в основном оставляли детям.

Кроме парков, только поверхность Вайоминга, которая, сколько хватает глаз, выглядит как поверхность Луны. Нигде ничего зеленого. Ничего живого. Ни птиц, ни белок, ни насекомых. Несколько грязных болотистых ручьев, почему-то ярко-красных под маслянистой пленкой. Говорят, нам повезло; у нас шахты. В Колорадо,

где открытые разработки, еще хуже. Мне всегда трудно было в это поверить, да и сейчас трудно, но я никогда не проверял.

И помимо всего прочего вонь, и вид, и звуки работ. Оранжево-коричневый закат в дымке. Постоянный запах. Весь день и всю ночь рев печей, которые перемалывают и пережигают мергель, чтобы извлечь из него кероген, грохот конвейеров, которые где-то нагромождают отработанный материал. Видите ли, чтобы извлечь нефть, приходится нагревать камень. Когда его нагреешь, он расширяется, как воздушная кукуруза. И девать его некуда. Его нельзя затолкать обратно в шахту; его слишком много. Когда добываешь гору мергеля и извлекаешь из него нефть, оставшегося достаточно для двух гор. Так с ним и поступают. Воздвигают новые горы.

А избыточное тепло от экстракторов нагревает теплицы, и на нефти прорастает плесень, ее снимают, просушивают, спрессовывают... и на следующее утро мы едим ее на завтрак.

Забавно. Говорят, в старину нефть просачивалась прямо на поверхность! И люди приезжали в автомобилях и поджигали ее.

По телевидению постоянно идут передачи, рассказывающие, как важна наша работа, как

весь мир зависит от нашей пищи. Это верно. Нам не нужно об этом напоминать. Если мы перестанем работать, в Техасе начнется голод и заболеют дети в Орегоне. Мы все это знаем. Мы ежедневно добавляем к мировому рациону пять триллионов калорий, половину протеина для примерно одной пятой населения Земли. Это все из дрожжей и бактерий, которые выращиваются на вайомингской сланцевой нефти, а также в Юте и Колорадо. Мир нуждается в этой пище. Но нам это стоило почти всего Вайоминга, половины Аппалачей, большей части смолистых песков Атабаски... и что станут делать люди, когда последние капли углеводорода превратятся в дрожжи?

Конечно, не моя проблема, но я об этом думаю.

Впрочем это перестало быть моей проблемой, когда я выиграл в лотерею на следующий день после Рождества. В том году мне исполнилось двадцать шесть. Выигрыш двести пятьдесят тысяч долларов. Достаточно, чтобы по-королевски прожить год. Можно жениться и содержать семью, если мы оба будем работать и не станем слишком много тратить.

Или достаточно для билета в один конец до Врат. Я отнес билет в туристическое агент-

ство. Там мне обрадовались; не слишком много работы. У меня оставалось примерно десять тысяч долларов. Я не считал, сколько именно. Купил выпивку всей своей смене. В моей смене пятьдесят человек, да присосалось много посторонних, и пирушка продолжалась двадцать четыре часа.

Потом я сквозь вайомингскую пургу добрался снова до агентства. Пять месяцев спустя я кружил вокруг астероида, нас вызывал бразильский крейсер. Я был на пути к тому, чтобы стать старателем.

Глава 3

Зигфрид никогда не отказывается от темы. Он никогда не говорит: "Ну, Боб, я думаю, хватит с нас этого". Но иногда, когда я долго лежу на матраце, не очень склонный отвечать, шучу или напеваю что-нибудь в нос, он, немного выждав, говорит:

- Я думаю, можно перейти к другим вопросам, Боб. Вы кое-что сказали недавно, нужно об этом поговорить. Вы помните тот последний раз...

- Последний раз, когда я говорил с Кларой, верно?

- Да, Боб.

- Зигфрид, я всегда знаю, что ты собираешься сказать.

- Это неважно, Боб. Так о чем это я? Хотите поговорить о том, что вы тогда чувствовали?

- Почему бы и нет? - Я зубами чищу ноготь среднего пальца правой руки. Осматриваю его и говорю:

- Я понимаю, что это был важный момент. Может, худший момент моей жизни. Хуже, чем когда Сильвия обманула меня, или когда я узнал о смерти матери.

- Может, вы предпочитаете поговорить об одном из этих случаев, Роб?

- Вовсе нет. Ты сам предложил поговорить о Кларе. Давай говорить о Кларе.

Я усаживаюсь на пенном матраце и ненадолго задумываюсь. Меня очень интересуют трансцедентальные проявления: иногда мне нужно решить какую-нибудь проблему, я обращаюсь к своей мантре и получаю готовый ответ - продать рыбную ферму в Байе и купить на бирже водопровод. Тогда сделка оказалась очень выгодной. Или - пригласить Рейчел в Мериду, кататься на водных лыжах в заливе Кампече. Это впервые привело ее в мою постель, а ведь до того все испробовал.

Зигфрид говорит: "Вы не отвечаете, Роб".

- Я думаю о твоих словах.

- Пожалуйста, Роб, не нужно о них думать. Просто говорите. Скажите, что вы сейчас испытываете к Кларе.

Я стараюсь честно понять это. Зигфрид не даст мне обратиться к помощи технических служб, поэтому я пытаюсь разглядеть в себе подавленные чувства.

- Ну, не очень много, - говорю я. - Во всяком случае на поверхности.

- Вы помните, что чувствовали тогда, Боб?

- Конечно.

- Попытайтесь снова почувствовать то, что чувствовали тогда, Боб.

- Хорошо. - Я послушно мысленно восстанавливаю ситуацию. Я разговариваю с Кларой по радио. Дэйн что-то кричит из шлюпки. Мы все без ума от страха. Внизу под нами расходится голубой туман, и я впервые вижу призрачную тусклую звезду. Трехместник... нет, это был Пятиместник... ну, в нем воняет рвотой и потом. Тело мое болит.

Я все помню, хотя солгал бы, если бы утверждал, что позволяю себе снова чувствовать это.

Я лежу, слегка усмехаясь. "Зигфрид, там такая боль, вина, отчаяние, что я просто не могу с этим справиться". Иногда я поступаю с ним так, говорю какую-нибудь крайне болезненную истину тоном, каким просят воды или коктейль на приеме. Так я поступаю, когда хочу предотвратить приступ. Не думаю, чтобы это срабатывало. В Зигфриде масса устройств хичи. Он гораздо совершеннее, чем машины в институте, где меня впервые лечили. Он постоянно контролирует все мои физические параметры: проводимость кожи, пульс, бета-активность и

все прочее. Он получает данные о натяжении ремней, удерживающих меня на матраце; это показывает, насколько яростно я вырываюсь. Он измеряет громкость моего голоса и сканирует все обертоны. И к тому же он понимает смысл слов. Зигфрид исключительно умен, особенно если принять во внимание, насколько он глуп.

Иногда обмануть его очень трудно. К концу сеанса я слабею, чувствую, что еще минута, и я погружусь в боль, которая уничтожит меня.

Или излечит. Может, это одно и то же.

| *322 - Не знаю, зачем 17,095*
| *Я к тебе прихожу, 17,100*
| *Зигфрид. 17,105*
| *323 - IRRAY. ПОЧЕМУ? 17,110*
| *324 - Напомню вам, Робби, 17,115*
| *Что вы уже 17,120*
| *Использовали 17,125*
| *Три желудка и, дайте 17,130*
| *Вспомнить, почти пять 17,135*
| *Метров кишок. 17,140*
| *325 - Язва, рак. 17,145*
| *326 - Что-то съедает 17,150*
| *Вас, 17,155*
| *Боб. 17,160*

Глава 4

И вот Врата все больше и больше вырастают в иллюминаторах корабля с Земли.

Астероид. Или ядро кометы. Примерно десять километров в диаметре по самой длинной оси. В форме груши. Снаружи комковатый обожженный камень с голубыми проблесками. Внутри это врата во вселенную.

Шери Лоффат прижалась к моему плечу, все остальные будущие старатели теснились за нами, глядя в иллюминатор. "Боже, Боб. Посмотри на эти крейсеры!"

- Проверяют всех прилетающих, - сказал кто-то за нами, - и вылавливают нас из космоса.

- Ничего незаконного не найдут, - сказала Шери, но фраза ее прозвучала с вопросительной интонацией. Крейсеры выглядели зловеще, они ревниво кружили вокруг астероида, наблюдая, чтобы никто не украл тайны. Эти тайны стоят больше, что кто-нибудь в состоянии заплатить.

Мы теснились у иллюминаторов. Разумеется, глупо. Мы могли погибнуть. Конечно, маловероятно, чтобы при маневрах на орбите рядом с Вратами или бразильским крейсером мы полу-

чили бы большую дозу дельта-м, но достаточно небольшой коррекции орбиты, чтобы нас разбрызгало. Была и другая возможность. Поворот на четверть окружности, и мы смотрим прямо на близкое солнце. А на таком расстоянии это слепота. Но мы хотели видеть.

Бразильский крейсер не собирался останавливать нас. Мы видели вспышки с обеих сторон; наши документы проверяют при помощи лазеров. Это нормальная процедура. Я сказал, что крейсеры сторожили Врата от воров: на самом деле они больше следили друг за другом, чем за кем-нибудь еще. Включая нас. Русские не доверяли китайцам, китайцы подозревали русских, бразильцы не верили венерианцам. Все вместе недоверчиво относились к американцам.

Итак, четыре остальных крейсера внимательно следили за бразильцем, который тщательно проверял нас. Но мы знали, что, если наши кодированные навигационные сертификаты, выданные пятью разными консулатами в порту отправления, не совпадут с образцом, дальше не последует выяснения. Дальше - торпеда.

Забавно. Я мог представить себе эту торпеду. Мог представить солдата с холодным взглядом, который нацелит и выпустит эту торпеду, и наш

корабль расцветет как оранжевый огненный цветок, и мы превратимся в отдельные атомы на орбите... Я уверен, что торпеду должен был на бразильском крейсере запустить помощник оружейника Френси Эрейра. Позже мы с ним стали приятелями. Его не назовешь хладнокровным убийцей. Я целый день плакал у него на руках после своего последнего возвращения; это было в больнице: предполагалось, что он обыскивает меня в поисках контрабанды. Френси плакал со мной вместе.

Крейсер отодвинулся, нас потянуло в сторону, мы снова собрались у иллюминатора, наш корабль сближался с Вратами.

- Похоже на оспу, - сказал кто-то в группе.

Действительно: и некоторые оспины открыты. Это места стоянки кораблей, находящихся в полете. Некоторые навсегда остаются открытыми, потому что корабли не возвращаются. Но большинство стоянок закрыты утолщениями и выглядят как гигантские шляпки грибов.

Шляпки - это сами корабли, ради них и существуют Врата.

Корабли нелегко увидеть. И сами Врата тоже. Прежде всего у астероида низкое альбедо, да он и невелик; как я сказал, десять километров в

самой большой оси, по экватору вращения. Но его могли обнаружить. После того, как первая туннельная крыса вывела к нему, астрономы задавали себе вопросы, почему они не обнаружили его на столетие раньше. Теперь, зная, куда смотреть, они легко его находят. Иногда он ярче семнадцатой величины с Земли. Просто. Можно было подумать, ожидать, что его обнаружат при самом обычном составлении звездной карты.

Но дело в том, что этот участок звездного неба не картографировался достаточно тщательно. К тому же Врата - совсем не то, что искали астрономы.

Звездная астрономия обычно нацелена в сторону от Солнца. Она сосредоточена в плоскости эклиптики, а у Врат орбита под прямым углом к этой плоскости. Поэтому Врата проваливались в щели.

Пьезофон захрипел и произнес: "Причаливаем через пять минут. Займите койки. Закрепите ремни".

Мы почти на месте.

Шери Лоффат протянула руку сквозь ремни и коснулась моей руки. Я пожал ее руку. Мы не спали с ней, никогда не встречались, пока она не оказалась в соседней койке на корабле, но виб-

рации здесь чрезвычайно сексуальны. Как будто мы собирались заняться сексом самым лучшим возможным образом; но это не секс, это Врата.

Когда люди начали рыться в поверхности Венеры, они обнаружили подземелья хичи.

Никаких хичи они не нашли. Если хичи и были некогда на Венере, то их там не осталось. Не нашли даже погребенного тела, которое можно было бы изучить. Были только туннели, пещеры, несколько мелких артефактов - технологические чудеса, которые удивили людей и заставили попытаться их воспроизвести.

Потом была найдена составленная хичи карта Солнечной системы. На ней был Юпитер со спутниками, и Марс, и внешние планеты, и пара Земля-Луна. И Венера, помеченная черным на сверкающей синей поверхности карты. И Меркурий. И еще один объект, единственный, помимо Венеры, обозначенный черным; тело, орбита которого заходила внутрь орбиты Меркурия и выходила за орбиту Венера; но эта орбита под углом в девяносто градусов к плоскости эклиптики и никогда не пересекается с планетами. Тело, не отмеченное земными астрономами.

Возникло предположение: это астероид или

комета - в данном случае разница только семантическая, - которые по какой-то причине представляли для хичи особый интерес.

| *(Копия вопросов и ответов во время лекции*
| *профессора Хеграмета)*
|
| *В. На что были похожи хичи?*
| *Профессор Хеграмет. Никто не знает. Не нашли*
| *ничего похожего на фотографию или рисунок. Или*
| *книгу. Нашли только две-три карты.*
| *В. А не было ли у них какой-нибудь системы*
| *накопления знаний, наподобие письменности?*
| *Профессор Хеграмет. Конечно, она должна была у*
| *них быть. Но я не знаю, какова она. У меня есть*
| *догадка... ну, это только предположение.*
| *В. Какое именно?*
| *Профессор Хеграмет. Подумайте о наших*
| *собственных способах и о том, как они*

были бы

| восприняты в дотехнологические времена. Если бы мы

| дали, допустим, Евклиду, книгу, он догадался бы,

| что это такое, хотя не сумел бы прочитать ее. Но

| что если бы ему дали магнитофонную ленту? Он не

| знал бы, что с нею делать. У меня есть подозрение,

| нет, убеждение, что в наших руках имеются "книги"

| хичи, только мы их не узнаем. Брусок металла хичи.

| Может быть, Й-спираль на кораблях, назначение

| которой до сих пор не известно. Это не новая

| мысль. Все эти предметы исследовались в поисках

| магнитных кодов, микродорожек, химического рисунка

| - ничего не обнаружили. Но, может, у нас просто

| нет инструмента для прочтения этих

записей.

| В. В этих хичи есть что-то, чего я не понимаю.

| Почему они оставили все эти туннели и прочие

| места? Куда отправились?

| Профессор Хеграмет. Юная леди, и меня это

| более, чем интересует.

Вероятно, рано или поздно по этим указаниям тело увидели бы в телескопе, но в этом не было необходимости. Знаменитый Сильвестр Маклен - впрочем, тогда он не был знаменит: всего лишь одна из туннельных крыс Венеры - обнаружил корабль хичи, улетел на Врата и умер там. Но сумел дать знать об этом людям, взорвав свой корабль. Корабль NASA, исследовавший хромосферу Солнца, получил другое задание, он добрался до Врат, и они были открыты людьми.

А внутри оказались звезды.

Внутри, если быть несколько менее поэтичным и более точным, находились примерно тысяча космических кораблей в форме толстых грибов. Они нескольких разновидностей и размеров. Самые маленькие с головкой в виде пуговицы, похожие на грибы, которые выраща-

вают в шахтах Вайоминга, когда выбран весь сланец, и которые продают в супермаркетах. Самые большие заострены, как сморчки. Внутри грибных головок находятся жилые помещения и источник энергии, действия которого никто не понимает. Стебли - ракетные шлюпки с химическим горючим, похожие на тот аппарат, который высадился на Луну в первой космической программе.

Никто не смог установить, что приводит в движение шляпки и что их направляет.

Это одно из тех обстоятельств, которые заставляют нас нервничать; нам предстоит испытать то, чего никто не понимает. Вылетев в корабле хичи, вы буквально ничего не можете контролировать. Курс заложен в систему управления, и никто не знает, как это сделано: можно выбрать курс, но, выбрав, изменить уже нельзя: и вы не знаете, куда он вас приведет, как не знаете, что в вашем ящике с хлопушками, пока не откроете его.

Но они действовали. Все еще действовали, пролежав, может быть, полмиллиона лет.

Первый парень, который решился испытать такой корабль, преуспел. Корабль поднялся из своего углубления на поверхности астеро-

ида. Превратился в яркую туманность и исчез.

А спустя три месяца вернулся, и в нем находился изголодавшийся, но торжествующий астронавт. Он был у другой звезды! Он облетел большую серую планету с клубящимися желтыми облаками, сумел направить корабль назад - и вернулся на то же место, под действием запрограммированного указателя курса.

Тогда взяли другой корабль, большой, в форме сморчка, с экипажем из четырех человек, снабдили большим количеством продовольствия и инструментами. Корабль отсутствовал около пятидесяти дней. На этот раз астронавты не только достигли другой солнечной системы, но и использовали шлюпку, чтобы спуститься на поверхность планеты. Жизни там не было... но когда-то она была.

Они нашли остатки. Немного. Несколько поломанных кусков металла на горе, избежавшей общего разрушения, охватившего планету. В радиоактивной пыли нашли кирпич, керамический болт, полурасплавленную штуку, похожую на хромовую флейту.

И началась погоня за звездами... и мы участники этой погони.

Глава 5

Зигфрид - очень умная машина, но временами мне кажется, что что-то в нем не так. Он всегда просит меня рассказывать ему свои сны. Но иногда, когда я рассказываю ему сон, который должен ему понравиться, сон типа "большое красное яблоко для учителя", полный фаллических символов, фетишизма, комплексов вины, он меня разочаровывает. Он ухватывается за деталь, которая не имеет к этому никакого отношения. Я рассказываю ему сон, а он сидит, щелкает, жужжит, трещит - конечно, он ничего подобного не делает, просто я это так себе представляю, - и потом говорит:

- Давайте поговорим о другом, Боб. Меня интересует то, что вы сказали об этой женщине, Джель-Кларе Мойнлин.

Я говорю: "Зигфрид, ты снова охотишься за химерами".

- Я так не думаю, Боб.

- Но сон! Разве ты не видишь, как он важен? Что ты скажешь о материнской фигуре в нем?

- Позвольте мне выполнять мою работу, Боб.

- А у меня есть выбор? - угрюмо спрашиваю я.

- У вас всегда есть выбор, Боб, но я хотел бы напомнить вам ваши слова, сказанные недавно. - Он замолкает, и я слышу собственный голос, записанный где-то на его лентах.

Я говорю: "Зигфрид, там такая боль, вина, отчаяние, что я просто не могу с этим справиться".

Он ждет, чтобы я что-нибудь сказал.

Немного погодя я говорю.

- Отличная запись, - признаю я, - но я предпочел бы поговорить о комплексе матери в своих снах.

- Мне кажется более продуктивным исследование другого момента, Боб. Возможно, они связаны.

- Правда? - Я готов обсудить эту теоретическую возможность самым отвлеченным и философским образом, но он быстро возвращает меня на землю.

- Ваш последний разговор с Кларой, Боб. Пожалуйста, скажите, что вы при этом чувствуете.

- Я уже говорил тебе. - Мне это совсем не нравится, пустая трата времени, и я хочу, чтобы он понял это по тону моего голоса и напряжению удерживающих ремней. - Это даже хуже, чем с матерью.

- Я знаю, что вы хотели бы поговорить о матери, Боб, но, пожалуйста, сейчас не надо. Расскажите мне о Кларе. Что вы испытываете сейчас?

Я стараюсь честно понять это. Это-то я могу сделать. В конце концов я вовсе не обязан говорить все. Но могу сказать только: "Не очень много".

Немного погодя он говорит: "И это все? "Не очень много"?

- Да. Немного. - На поверхности. Я помню, что чувствовал тогда. Очень осторожно роюсь в памяти, чтобы посмотреть, что это такое. Опускаюсь в голубой туман. Впервые вижу тусклую звезду-призрак. Говорю с Кларой по радио, а Дэйн что-то шепчет мне на ухо... Снова закрываю память.

- Больно, Зигфрид, - небрежно говорю я. Иногда я пытаюсь обмануть его, говоря эмоционально заряженные фразы тоном, каким просят чашку кофе, но, кажется, с ним это не срабатывает. Зигфрид замеряет интенсивность звука, вслушивается в обертоны, но слушает также дыхание, измеряет паузы, а не только вдумывается в значение слов. Он очень умен, особенно учитывая, как он глуп.

Глава 6

Пять сержантов, по одному с каждого крейсера, обыскали нас, проверили удостоверения и передали чиновнице корпорации. Шери захихикала, когда обыскивавший ее русский коснулся чувствительного места, и спросила меня шепотом; "Как ты думаешь. Роб, что мы можем сюда протащить контрабандой?"

- Тшшш, - сказал я. Чиновница приняла наши посадочные карточки у китайского сержанта, исполнявшего обязанности старшего, и вызывала нас по именам. Всего нас было восемь человек. "Добро пожаловать на борт, - сказала она. - Каждому из вас назначен сопровождающий. Он поможет вам поселиться, ответит на ваши вопросы, подскажет, куда обращаться за медицинской помощью и где находятся ваши классы. Со счета каждого из вас вычтены одиннадцать сотен пятьдесят долларов; это стоимость вашего пребывания на Вратах в течение десяти дней. Остальное вы можете снять в любое время, выписав П-чек. Сопровождающий покажет вам, как это делать. Линскотт!"

Темнокожий человек средних лет из Кали-

форнии поднял руку. "Ваш сопровождающий Шота Тарашвили. Броудхед!"

- Я здесь.

- Дэйн Мечников, - сказала чиновница.

Я оглянулся, но Дэйн Мечников уже подходил ко мне. Он крепко пожал мне руку, повел в сторону и сказал:

- Привет!

Я задержался.

- Я бы хотел попрощаться со своими спутниками.

- Вы все будете жить рядом, - ответил он. - Идемте. И вот через два часа после прибытия на Врата у меня была комната, сопровождающий и контракт. Я немедленно подписал соглашение. Даже не прочел его. Мечников удивился. "Не хотите знать, что там говорится?"

- Не сейчас. - Я хотел сказать, какая разница. Если мне не понравятся условия, я могу изменить свои намерения, но какой у меня тогда выбор? Перспектива стать старателем меня ужасно пугала, я не хотел умереть. Мне вообще ненавистна мысль о смерти, мысль о том, что я перестану существовать, и все прекратится, когда я знаю, что остальные будут продолжать жить, и заниматься сексом, и радоваться - без

меня, и я в этом не буду участвовать. Но все же мысль о возвращении на шахту вызывала во мне еще большее отвращение.

Мечников подвесился за петлю на воротнике на стену, чтобы не мешать мне разбирать вещи. Это рослый бледный человек, не очень разговорчивый. Не очень привлекательный человек, но он, по крайней мере, не смеялся над моей неумелостью на первых порах. На Вратах почти нулевая гравитация. А я раньше никогда не испытывал низкое тяготение; в Вайоминге это невозможно, поэтому я постоянно ошибался.

Когда я что-то сказал об этом, Мечников ответил: "Привыкнете. Нет ли у вас затяжки марихуаны?"

- Боюсь, что нет.

Он вздохнул, слегка похожий на висящего на стене Будду с поджатыми ногами.

Он взглянул на часы и сказал: "Чуть позже угощу вас выпивкой. Таков обычай. Но до двадцати двух ста это неинтересно. Тогда "Голубой Ад" будет полон людьми, и я вас со всеми познакомлю. Посмотрите, что вы сможете подобрать. Вы как, нормальны в смысле секса?"

- Вполне.

| 1. Я, _____, будучи в здравом уме,

| настоящим передаю все права на любые открытия,

| артефакты, объекты, любые ценности, которые смогу

| обнаружить в результате своих исследований,

| ставших возможными в результате информации и

| умений, предоставленных мне Советом Врат,

| вышеуказанному Совету.

| 2. Совет Врат обладает полным правом

| продавать, отдавать в аренду или распоряжаться

| любым другим образом всеми артефактами, объектами,

| ценными предметами, обнаруженными в результате

| моей деятельности в соответствии с настоящим

| контрактом. Совет согласен предоставить мне 50%

| (пятьдесят процентов) от доходов, возникших в

| результате такой продажи, отдачи в аренду или

| другого распоряжения находками, включая стоимость

| исследовательского полета, а также стоимость моего

| прилета на Врата и стоимость жизни на них, и 10%

| (десять процентов) последующих доходов. Я

| согласен, что этим ограничиваются все

| обязательства Совета относительно меня, и ни по

| каким причинам ни в какое время обязуюсь не

| требовать никакой дополнительной оплаты.

| 3. Я безвозвратно передаю Совету Врат право

| принимать решения любого типа относительно

| эксплуатации, продажи, отдачи в аренду любых

| открытий, включая право объединять мои открытия с

| другими с целью эксплуатации, аренды или продажи,

| и в этом случае Совет Врат устанавливает мою доле

| прибыли при таком объединении: я предоставляю

| Совету Врат также право воздерживаться от

| эксплуатации моих открытий и находок по своему

| решению.

| 4. Я отказываюсь от любых претензий к Совету

| Врат в случае возможного ранения, аварии и иных

| происшествий, возникших в результате моей

| исследовательской деятельности.

| 5. Если возникнут какие-нибудь несогласия,

| связанные с настоящим соглашением, я признаю, что

| спор должен быть разрешен исключительно в

| соответствии с законами и прецедентами самих Врат,

| и никакие другие законы и прецеденты не будут

| иметь отношения к данному случаю.

- Ну, как хотите. Тут вы сами по себе. Я вас кое с кем познакомлю, а дальше - ваше дело. Вам лучше привыкать сразу. Карточку получили?

- Карточку?

- Она в том пакете, что вам дали.

Я начал наобум раскрывать ящики, пока не нашел данный мне конверт. Внутри оказалась копия контракта, буклет, озаглавленный "Добро пожаловать на Врата", ордер на комнату, анкета о состоянии здоровья, которую я должен заполнить до 08:00 следующего утра... и свернутый листок. Развернув его, я увидел нечто вроде монтажной схемы с надписями.

- Вот она. Можете определить, где находитесь? Запомните номер своей комнаты: уровень Бейб, квадрат Восток, туннель восемь, комната сорок один. Запишите это.

- Это уже написано, Дэйн, в моем ордере.

- Ну, тогда не теряйте его. - Дэйн протянул руку за шею и отцепился. Он медленно опустился на пол. - Осмотритесь немного сами. Я зайду за вами попозже. Хотите что-нибудь спросить?

Я подумал. Дэйн нетерпеливо посматривал на

меня. "Ну... не возражаете, если я спрошу о вас, Дэйн? Вы уже были вовне?"

- Шесть полетов. Ну, пока. Встретимся в двадцать два-сто. - Он распахнул гибкую дверь, выскользнул в зеленые джунгли коридора и исчез. Я опустился - медленно, осторожно - на свой единственный стул и постарался понять, что нахожусь на пороге вселенной.

Не знаю, как дать вам понять, что такое вселенная, увиденная с Врат; все равно что ты молод, и в твоем распоряжении Полная медицина. Как меню в лучшем ресторане мира, когда кто-то другой оплачивает чек. Как девушка, с которой ты только что встретился и которой понравился. Как нераспакованный подарок.

Первое, что поражает вас на Вратах, это теснота туннелей. Они кажутся еще теснее, потому что уставлены ящиками с растениями. Затем головокружение от малого тяготения и вонь. Врата начинаешь воспринимать постепенно, по частям. Невозможно все увидеть сразу; в конце концов это всего лишь лабиринт туннелей в скалах. Я не уверен даже, что все эти туннели обследованы. Несомненно, есть целые мили их, где никто не бывал или бывают крайне редко.

Такими были хичи. Они брали астероид,

покрывали его металлической оболочкой, прорывали туннели, заполняли туннели своим имуществом - ко времени открытия туннели были совершенно пусты, как и все во вселенной, принадлежавшее хичи. И потом покидали - по неизвестной причине.

В центре Врат расположен Хичиград. Это пещера в форме веретена в геометрическом центре астероида. Говорят, когда хичи строили Врата, они здесь жили. Мы тоже жили там, вернее, рядом, все новички с Земли. (И отовсюду. Как раз перед нами пришел корабль с Венеры). Тут компания размещает нас. Позже, если разбогатеешь в старательском рейсе, можешь переселиться ближе к поверхности, где чуть больше тяготения и чуть меньше шума. Несколько тысяч человек в то или иное время уже дышали воздухом, которым я дышу, пили воду, которую я пью, и испускали свои запахи в атмосферу. Большинства этих людей здесь уже нет. Но запахи остаются.

Но меня не очень беспокоили запахи. Меня вообще ничего не беспокоило. Врата - это мой выигрышный лотерейный билет к Полной медицине, к девятикомнатному особняку, к детям и радости. Однажды я уже выиграл в ло-

терею. И стал дерзким по отношению к шансам следующего выигрыша.

Все очень возбуждало, хотя в то же время было очень тусклым. Особой роскоши не было. За свои 238 575 долларов ты получаешь билет на Врата, десятидневное снабжение продовольствием, жильем и воздухом, краткий курс управления кораблем и приглашение записаться на следующий стартующий корабль. Или на любой другой корабль, который тебе понравится.

Из всего этого Корпорация не извлекает никакой прибыли. Все идет по себестоимости. Это не означает, что все дешево, и тем более не означает, что ты получаешь что-то очень хорошее. Еда по существу та же, что я выкапывал и ел всю свою жизнь. Комната размером с кабину большого грузовика, с одним стулом, множеством ящиков, складным столом и гамаком, который можно по диагонали протянуть от угла к углу, если хочешь спать.

Моими соседями оказалась семья с Венеры. Я краем глаза заглянул к ним через открытую дверь. Только представьте себе! Они вчетвером спали в таком помещении! По двое в гамаке, и гамаки были прикреплены крест-накрест. По другую сторону комната Шери. Я поскребся в

ее дверь, но она не ответила. Дверь не закрыта. На Вратах никто не закрывает двери - тут нечего красть. Шери в комнате не было. Повсюду валялась ее одежда.

Я решил, что она отправилась знакомиться с Вратами, и пожалел, что не заглянул чуть раньше. Мне бы хотелось побродить с кем-нибудь. Прислонившись к иве, которая росла в туннеле, я достал свою карту.

Она подсказала мне, что поискать. На ней были места, обозначенные "Центральный парк" и "Озеро Верхнее". Что это такое? Я призадумался также над "Музеем Врат", что звучало интересно, и над "Терминальной больницей" - а это звучало страшновато. Позже я узнал, что терминал - это конец рейса, когда возвращаешься из полета. Корпорация должна была понять, как мрачно это звучит. Но Корпорация никогда не щадила чувств старателей.

Но на самом деле я хотел увидеть корабль!

Осознав эту мысль, я понял, что очень этого хочу. Поразмыслил, как пробраться к поверхности, где размещаются корабли. Держась за перила одной рукой, я попробовал другой держать раскрытую карту. Мне не потребовалось много времени, чтобы определить, где я. Я находил-

ся на пятилучевом пересечении, которое на карте было обозначено как "Восток Звезда Бейб Ж". Один из пяти туннелей вел к шахте, но я не мог определить, какой именно.

Я попытался наудачу, зашел в тупик, повернул назад и в поисках указаний постучал в первую попавшуюся дверь. Она открылась. "Простите..." - начал я... и замолчал.

Человек, открывший дверь, казался таким же высоким, как я; но на самом деле таким не был. Глаза его находились на уровне моих. Но ниже талии он кончался. Ног у него не было.

Он что-то сказал, но я не понял; не по-английски. Но мое внимание было привлечено к иному. За его спиной виднелась тонкая натянутая материя, он легко помахивал крыльями, оставаясь в воздухе. При малом тяготении Врат это нетрудно. Но видеть все равно удивительно. Я сказал; "Простите. Я только хотел спросить, как пройти на уровень Таня". - Я пытался отвести взгляд от крыльев и не мог.

Он улыбнулся - белые зубы на гладком старом лице. Черные глаза и черные коротко подстриженные волосы. Протиснулся мимо меня в коридор и сказал на превосходном английском: "Конечно. Первый поворот направо. Идите к

следующей звезде, оттуда второй поворот налево. Он будет обозначен", - и он подбородком указал направление к звезде.

| *Добро пожаловать на Врата!*
|
| *Поздравляем!*
|
| *Вы один из немногих, кому в этом году удалось*
| *стать партнером "Врата Энтерпрайз, Инк." Первая*
| *ваша обязанность - подписать меморандум о*
| *соглашении. Можно не делать этого немедленно.*
| *Можете изучить меморандум и посоветоваться с*
| *юристами, если считаете нужным.*
|
| *Однако, пока вы не подпишете меморандум, вы не*
| *имеете права занимать помещения Корпорации,*
| *питаться в столовых Корпорации или учиться на*
| *курсах, организованных Корпорацией.*

| *Для посетителей или тех, кто не хочет сразу*
| *подписывать меморандум, имеется отель "Врата" и*
| *ресторан.*
| *Врата стоят недешево*
|
| *С целью покрыть расходы на содержание Врат все*
| *должны оплачивать ежедневный расход воздуха на*
| *человека, температурный контроль, управление и*
| *другие службы.*
|
| *Если вы гость, стоимость всего этого включена*
| *в счет отеля.*
|
| *О плате остальных даются специальные указания.*
| *При желании можно оплатить стоимость содержания на*
| *год вперед. Отказ от ежедневной платы на человека*

| *вызовет немедленное удаление с Врат.*
|
| *Примечание. В последнем случае наличие корабля*
| *не гарантируется.*

Я поблагодарил его и оставил плавающим в воздухе. Мне очень хотелось оглянуться, но казалось, это дурная манера. Странно. Мне и в голову не приходило, что на Вратах могут быть калеки.

Каким наивным я был тогда.

Увидев этого человека, я увидел Врата такими, какими не знал их по статистике. Статистика очень наглядная, мы все, будущие старатели, ее изучали. Примерно восемьдесят процентов кораблей возвращаются без результатов. Примерно пятнадцать процентов вообще не возвращаются. Таким образом, в среднем один из двадцати старателей возвращается с чем-то таким, что Врата - а следовательно, и все человечество - смогут использовать. Большинство будет счастливо, если просто вернет себе стоимость прилета сюда.

Ну, а если в полете вы будете ранены... тогда плохо. Терминальная больница хорошо оборудована. Но туда еще нужно добраться. А до того могут пройти месяцы. Если вас ранит на

противоположном конце пути - а так обычно и бывает, - мало что можно сделать для вас, пока вы не вернетесь на Врата. Но к тому времени уже трудно бывает собрать вас целиком, а иногда вообще сохранить вам жизнь.

Кстати, за обратный путь с вас не берут плату. Корабли почти всегда возвращаются с меньшим экипажем, чем вылетают. Это называется утечка.

Возврат бесплатный... но для кого?

Я спустился на уровень Таня, свернул в тунель и столкнулся с человеком в фуражке и с повязкой на руке. Полиция Корпорации. Он не говорил по-английски, но выглядел внушительно. Он показал вверх. Я поднялся на один уровень, подошел к другому стволу и попытался снова.

Единственное отличие - на этот раз охранник говорил по-английски. "Тут пройти нельзя", - сказал он.

- Я просто хотел посмотреть корабли.

- Конечно. Нельзя. Нужно получить голубой значок, - он показал свой. - Получают специалисты корпорации, экипажи кораблей или важные персоны.

- Я из экипажа.

Он улыбнулся. "Вы новичок с земного корабля, верно? Друг, членом экипажа ты станешь, когда подпишешься на полет, не раньше. Возвращайся назад".

Я убеждающе сказал: "Вы ведь понимаете, что я чувствую. Просто хочу взглянуть".

- Нельзя, пока не закончишь курс. Но в процессе обучения вас приведут сюда. А после ты увидишь больше, чем захочешь.

Я еще немного поспорил, но на его стороне было слишком много аргументов. Однако когда я шел к лифту, пол подо мной вздрогнул и долетела волна звука. Мне показалось, что астероид вот-вот взорвется. Я посмотрел на охранника, тот пожал плечами. "Я сказал, что их нельзя видеть, - заметил он. - Слышать можно".

Я подавил "Ух ты!" и "Боже!", рвавшиеся из меня, и спросил: "А куда этот направился?"

- Приходи через шесть месяцев. Может, тогда узнаем.

Ну, радоваться было нечему. Тем не менее я испытывал возбуждение. После всех лет работы в шахтах я здесь. И не только на Вратах, но рядом с неустрашимыми старателями, которые только что отправились в путь за счастьем и несметным богатством! Наплевать на риск. Вот

это настоящая жизнь!

Поэтому я не очень думал, куда иду, и в результате снова заблудился. Через десять минут я добрался до уровня Бейб.

По туннелю от моей комнаты шел Дэйн Мечников. Казалось, он меня не узнает. Вероятно, он прошел бы мимо, если бы я не остановил его за руку.

- А, - сказал он. - Опаздываете.

- Я был на уровне Таня, пытался посмотреть на корабли.

- Нельзя без синего значка или браслета.

Ну, это я уже знал. Я поплелся за ним, не тратя энергию на разговор.

Лицо у Мечникова бледное, а вдоль линии челюсти изысканные курчавые бакенбарды. Казалось, они навощены, каждый волосок стоял отдельно. "Навощены" не совсем подходящее слово. Что-то в этих бакенбардах было странное. Они двигались целиком, а когда он говорил или улыбался, по ним проходила волна. Попав в "Голубой Ад", Мечников начал улыбаться. Он угостил меня выпивкой, объяснив при этом, что таков обычай, но что обычай требует только одной порции. Я купил вторую. Он стал улыбаться, когда я, вопреки очереди, заказал и третью.

В "Голубом Аду" шумно, говорить нелегко, но я рассказал, что слышал отлет. "Вернор, - ответил он, поднимая стакан. - Пусть у них будет хороший полет". У него на руке было шесть браслетов из голубого металла хичи, каждый не толще проволоки. Они слабо позвякивали.

- Это они? - спросил я. - По одному за каждый полет?

Он отпил половину своей порции. "Верно. Теперь я пойду танцевать". - Я смотрел, как он направился к женщине в просторном розовом сари. Не очень разговорчивый человек, это уж точно.

С другой стороны, при таком шуме вообще очень трудно разговаривать. Да и не очень потанцуешь. "Голубой Ад" в самом центре Врат, это часть веретенообразной пещеры. Центробежная сила тут совсем маленькая, и весишь не больше двух-трех фунтов. Начнешь танцевать вальс или польку и обнаружишь, что летишь. Поэтому тут танцевали созданные для четырнадцатилетних танцы, когда совсем не касаешься партнера. Стараешься удержать ноги на месте, а остальное делает, что хочет. Я люблю подержаться. Но нельзя иметь все сразу. Но танцевать я люблю.

Я увидел Шери с другой женщиной, старше ее, по-видимому, ее сопровождающей. Потанцевал с ней. "Как тебе тут нравится?" - закричал я. Она кивнула и что-то крикнула в ответ, но что именно, я не расслышал. Танцевал с рослой темнокожей женщиной с двумя голубыми браслетами, потом снова с Шери, потом с девушкой, которую подвел ко мне Дэйн Мечников; по-видимому, хотел от нее избавиться, потом с высокой девушкой со строгим лицом и такими черными густыми бровями, каких мне не приходилось видеть под женской прической. (Волосы она убрала в два конских хвоста, и он плыли за ней, когда она двигалась). У нее тоже было несколько браслетов. А между танцами я пил.

Столы были рассчитаны на группы по восемьдесять человек, но никто не рассаживался по восемь или десять. Сидели, где хотели, занимали места друг друга, не беспокоясь о возвращении хозяина. За одним столом со мной сидело несколько человек в белых бразильских мундирах, они разговаривали друг с другом на португальском. На какое-то время подсел человек с одной золотой серьгой в ухе, но я не понимал, что он говорит (Впрочем, я прекрасно понял, чего он хочет).

Это одна из основных сложностей жизни на Вратах. И всегда так было. Врата похожи на большой международный съезд, на котором испортилось все оборудование для перевода. Постоянно слышится нечто вроде лингва франка - смесь десятка языков, типа "Ecoue, gospodin, eu es verruckt". *[Послушай, господин, ты с ума сошел, - смесь французского, русского, латинского и немецкого. - Прим, перев.]*. Я дважды танцевал с одной бразилианкой, худой маленькой девушкой с орлиным носом и красивыми карими глазами, и пытался обменяться с ней несколькими простыми словами. Может, она и поняла меня. Один из бывших с ней мужчин хорошо говорил по-английски, он представился и представил всех остальных. Ни одного из имен я не запомнил. Но этого мужчину звали Франсиско Эрейра. Он угостил меня выпивкой, позволил угостить всех остальных, и тут я сообразил, что видел его раньше; он входил в наряд, который обыскивал нас по прибытии.

Пока мы разговаривали об этом, Дэйн подошел ко мне и сказал: "Я собираюсь поиграть. Пока, если не хочешь идти со мной".

Не самое теплое приглашение, но в "Голубом Аду" становилось все более шумно. Я потащил-

ся за ним и обнаружил первоклассное казино, совсем рядом с "Голубым Адом", со столами для блекджека, покера, медленно движущейся рулеткой, картами, костями и с отгороженным веревкой участком для баккара. Мечников направился к столам для блекджека; он стоял, барабаня пальцами по спинке стула, ожидая, пока освободится место. Примерно в это время он заметил, что я увязался за ним.

- О! - Он осмотрелся. - Во что вы хотите играть?

- Во все это я играю, - сказал я, немного глотая слова. И немного прихвастнув. - Может, немного в баккара.

Он впервые вначале с уважением, а потом с насмешкой, посмотрел на меня. "Минимальная ставка пятьдесят".

На моем счету еще оставалось шесть тысяч долларов. Я пожал плечами.

- Пятьдесят тысяч, - добавил он.

У меня перехватило дыхание. Он с отсутствующим видом занял место за игроком, у которого заканчивался запас фишек. "Можете поиграть в рулетку за десять долларов. Но большинство начинают со ста. А вот там где-то, мне кажется, десятидолларовый автомат" - Тут он нырнул на освободившееся место, и больше я его не

видел. Я осмотрелся и увидел, что чернобровая девушка сидит за тем же столом и внимательно изучает свои карты. На меня она не смотрела.

Я понял, что не могу себе позволить играть здесь. Понял также, что в сущности и выпивку не могу себе позволить. Органы равновесия уже подсказывали мне, что я слишком много выпил. И понял, что мне нужно как можно быстрее добраться до своей комнаты.

| *Что такое Врата?*
|
| *Врата - это артефакт, созданный так*
| *называемыми хичи. Он создан на астероиде или на*
| *ядре кометы. Время его создания неизвестно, но*
| *оно, несомненно, предшествует человеческой*
| *цивилизации.*
|
| *Внутри Врат среда напоминает земную, только*
| *здесь относительно малое тяготение. (На самом деле*
| *тяготения вообще нет, но центробеж-*

ная сила,

| возникающая при вращении Врат, создает аналогичный

| эффект).. Если вы с Земли, первые несколько дней

| будете испытывать некоторые трудности при дыхании

| из-за низкого атмосферного давления. Однако

| парциальное давление кислорода аналогично высоте в

| две тысячи метров на Земле и вполне достаточно для

| сохранения здоровья.

| Сильвестр Маклен - отец Врат

|

| Врата были открыты Сильвестром Макленом,

| исследователем туннелей на Венере, который при

| раскопках обнаружил пригодный к действию корабль

| хичи. Он сумел войти в этот корабль и прилетел на

| Врата; сейчас этот корабль находится в доке 5-33.

| К несчастью, Маклен не сумел вернуться, и хоть он

| дал о себе знать, взорвав топливный бак

| посадочного аппарата, ко времени прилета

| исследователей он был мертв.

|

| Маклен был смелым и изобретательным человеком,

| и табличка на доке 5-33 является данью памяти его

| уникальных заслуг перед человечеством.

| Представители различных религий в соответствующее

| время совершают службы.

Глава 7

Я на матраце, и мне не очень удобно. Физически, я имею в виду. Недавно мне сделали операцию. Вероятно, швы еще не рассосались.

Зигфрид говорит: "Мы говорим о вашей работе, Боб".

Скучно. Но безопасно. Я отвечаю: "Я ненавидел свою работу. Да и кто бы не возненавидел пищевые шахты?"

- Но вы продолжали работать, Боб. Вы не пытались перейти куда-то. Вы могли бы работать, например, на морских фермах. И вы не окончили школу.

- Хочешь сказать, что я застрял в дыре?

- Я ничего не хочу сказать, Боб. Я спрашиваю, что вы об этом думаете.

- Ну, наверно, ты прав. Я думал о переменах. Много думал, - говорю я, вспоминая, как это было в самом начале с Сильвией. Я помню, как мы с ней сидели январским вечером в кокпите планера - нам просто некуда больше было деться - и говорили о будущем. Что мы будем делать. Как победим обстоятельства. Но, насколько я могу судить, в этом нет ничего интересного для

Зигфрида. Я уже все рассказал Зигфриду о Сильвии, которая в конечном счете вышла замуж за акционера. Но мы расстались задолго до этого. - Вероятно, - говорю я, собираясь и пытаясь получить от сеанса хоть что-нибудь за свои деньги, - у меня что-то вроде стремления к смерти.

- Я предпочел бы, чтобы вы не использовали психоаналитические термины, Боб.

- Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Я знал, что время проходит. Чем дольше я остаюсь в шахтах, тем труднее мне оттуда выбраться. Но все остальное выглядело не лучше. И были компенсации. Моя девушка Сильвия. Моя мать, пока она была жива. Было даже иногда забавно. Полеты на планерах. Над холмами прекрасно, с высоты даже Вайоминг не выглядит так уж плохо, а запах нефти почти не чувствуется.

- Вы упомянули свою подругу Сильвию. Вы с ней ладили?

Я колеблюсь, потирая живот. У меня в нем почти полметра новых внутренностей. Стоят они ужасно дорого, такие штуки, и иногда кажется, что прежний владелец требует их обратно. Интересно, кем он был. Или она. Как умер? И умер ли? Может, он до сих пор жив. Я слышал, что бедняки продают части самих себя. Хоро-

шенькая девушка может продать грудь или ухо.

- Вы легко сближаетесь с девушками, Боб?

- Теперь да.

- Не теперь, Боб. Мне кажется, вы говорили, что в детстве легко сходились.

- Разве так бывает?

- Если я правильно понял ваш вопрос, Робби, вы спрашиваете, вспоминает ли кто-нибудь детство, как абсолютно счастливое время. Конечно, ответ "нет". Но у некоторых людей впечатления детства отражаются на жизни сильнее, чем у остальных.

- Да. Оглядываясь назад, я думаю, что немного боялся своей возрастной группы - прости, Зигфрид. Я хотел сказать, других детей. Все они были знакомы. У них находилось все время, что сказать друг другу. Тайны. Общие дела. Интересы. Я был одиноким ребенком.

- Вы были единственным ребенком, Робби?

- Ты это и так знаешь. Да. Может, в этом все дело. Мои родители работали. И не хотели, чтобы я играл возле шахт. Опасно. Там действительно опасно для детей. Можно пораниться у машин. Иногда отходы обваливаются и могут завалить. Случаются выбросы газа. Я оставался дома, смотрел телевизор, слушал кассеты. Ел. Я был

толстым ребенком, Зигфрид. Любил все калорийное, с крахмалом, с сахаром. Меня баловали, покупали больше еды, чем мне было нужно.

| *507 - IRRAY ЗРЕЛОСТЬ GOTO 26,830*
| **M88 26,835*
| *508 - Может быть, именно 26,840*
| *Вы хотите, 26,845*
| *А вам вместо этого 26,850*
| *Кто-то говорит, 26,855*
| *Чего вы хотите 26,860*
| *511 - XTERNALS a IF a GOTO.. 26,865*
| *512 - Может быть, Зигфрид, 26,870*
| *Старый жестяной божок, 26,875*
| *Но я чувствую, что 26,880*
| *Зрелость - это смерть 26,885*

Мне и сейчас нравится быть избалованным. Теперь у меня диета высшего класса - не по питательности, но в тысячу раз дороже. Я ем настоящую икру. Часто. Ее привозят из аквариума в Галвестоне. У меня настоящее шампанское и масло... "Я помню, как лежу в кровати, - говорю я. - Кажется, я маленький, может, мне три года. У меня говорящий медведь. Я взял его с собой в постель, и он рассказывал мне сказки, а я совал ему в уши карандаш. Я его любил,

Зигфрид".

Я замолкаю, и Зигфрид тут же берет приманку. "Почему вы плачете, Робби?"

- Не знаю! - кричу я, слезы текут у меня по лицу, я смотрю на часы, вижу, как сквозь слезы дрожат зеленые цифры. - Ох! - говорю я обычным тоном, сажусь, слезы по-прежнему текут по лицу, но фонтан уже иссяк. - Мне пора, Зигфрид. У меня свидание. Ее зовут Таня. Красивая девушка. Хьюстонский симфонический. Она любит Мендельсона и розы, и я хочу подобрать несколько этих темно-синих гибридов, которые подойдут к ее глазам.

- Роб, у нас осталось почти десять минут.

- В другой раз поговорим подольше. - Я знаю, что он этого не может сделать, и торопливо добавляю:

- Можно мне воспользоваться твоей ванной? Мне очень нужно.

- Вы хотите избавиться от чувств испражнениями, Роб?

- О, не будь так умен. Я знаю, что говорю. Я знаю, это напоминает типичный заместительный механизм...

- Роб.

- ... ну, ладно, позже, я сбегаю. Мне честно нуж-

но идти. В ванную, я хочу сказать. И в цветочный магазин. Таня - особенная девушка. Красивая. Я не о сексе говорю, хотя это тоже здорово. Она может с... она может...

- Роб, что вы пытаетесь сказать? Я перевожу дыхание и умудряюсь сказать: "У нее прекрасно получается оральный секс".

- Роб?

Я узнаю этот тон. У Зигфрида большой набор интонаций, но некоторые я уже узнаю. Он считает, что напал на какой-то след.

- Что?

- Боб, как вы это называете, когда женщина занимается с вами оральным сексом?

- Боже, Зигфрид, что это за глупость?

- Как вы называете, Боб?

- Ты это сам знаешь.

- Как называете, Боб?

- Ну, говорят, например, "Она меня ест".

- Другие выражения, Боб?

- Да множество! "Давать головку", например. Я думаю, что слышал тысячу названии.

- А какие еще, Боб?

Я настраивал себя на гнев и боль, и они неожиданно прорываются. "Не играй со мной в эти проклятые игры, Зигфрид! - Внутренности

у меня переворачивает, я боюсь испачкать брюки. Все равно что снова стал ребенком. - Боже, Зигфрид! Ребенком я разговаривал со своим медведем. Теперь мне сорок пять лет, и я по-прежнему разговариваю с глупой машиной, будто она живая!"

- Но ведь есть и другие названия, правда, Боб?

- Их тысячи! Какое тебе нужно?

- Я хочу, чтобы вы использовали выражение, которое хотели произнести и не смогли. Боб, пожалуйста, скажите его. Это выражение имеет для вас особый смысл, поэтому вы и не можете просто так произнести его.

Я съеживаюсь на матраце и плачу на этот раз по-настоящему.

- Пожалуйста, скажите, Боб. Что это за слово?

- Будь ты проклят, Зигфрид! Спуститься! Вот оно. Спуститься, спуститься, спуститься!

Глава 8

Доброе утро, - произносит кто-то в самой середине сна, в котором я застрял в зыбучих песках в центре туманности Ориона. - Я принес вам чаю.

Я открываю один глаз. Смотрю через край гамака в пару угольно-черных глаз на песочного цвета лице. Я одет, меня мучает похмелье. Что-то пахнет очень плохо; я начинаю сознавать, что это я сам.

- Меня зовут Шикетей Бакин, - говорит человек, принесший мне чай. - Пожалуйста, выпейте этот чай. Это вам поможет.

| *Кому принадлежат Врата?*
|
| *Врата уникальны в истории человечества, и было*
| *сразу осознано, что их нельзя передавать никакой*
| *группе лиц и ни одному правительству. Поэтому была*
| *основана "Врата Энтерпрайзис, Инк".*
|

| Врата Энтерпрайзис (обычно именуемая

| Корпорация) - это наднациональная корпорация,

| главными членами которой являются Соединенные

| Штаты Америки, Советский Союз, Объединенные Штаты

| Бразилии, Венерианская Конфедерация и Новый Народ

| Азии. Ограниченными партнерами Корпорации являются

| все те, кто, подобно вам, подписал меморандум о

| соглашении.

Я смотрю немного дальше и вижу, что он кончается у талии. Это тот самый безногий с крыльями, которого я видел накануне. "Ух, - говорю я, стараюсь изо всех сил и умудряюсь ответить: - Доброе утро". Туманность Ориона быстро тускнеет, с ней исчезает ощущение, что меня протаскивают сквозь быстро каменеющее газовое облако. Но плохой запах остается. Даже по стандартам Врат в комнате очень плохо пахнет, и я понимаю, что меня вырвало на пол. И всего миллиметры отделяют меня от нового

приступа рвоты. Бакин, искусно помахивая крыльями, умудряется поднести к моему рту закрытый сосуд. Потом поднимается вверх и садится на мои шкаф. И говорит:

- У вас сегодня, кажется, медицинский осмотр в ноль восемь сто.

- Правда? - Я с трудом беру чашку и делаю глоток. Чай очень горячий, несладкий и почти безвкусный, но он, кажется, помогает мне справиться со своими внутренностями. Рвота отступает.

- Да. Я так думаю. Так бывает обычно. Вдобавок, ваш п-фон звонил несколько раз.

Я снова произношу: "Ух".

- Вероятно, ваш сопровождающий звонит, чтобы напомнить вам. Теперь семь пятнадцать, мистер...

- Броудхед, - хрипло говорю я, потом более разборчиво; - Меня зовут Боб Броудхед.

- Да. Я взял на себя смелость проверить, проснулись ли вы. Пожалуйста, пейте чай, мистер Броудхед. Наслаждайтесь пребыванием на Вратах.

Он кивнул, упал вперед, пролетел к двери и исчез. При каждом изменении положения в голове начинало стучать, я выбрался из гамака, стараясь не ступать на отвратительные пятна

на полу, и кое-как умылся. Подумал о бритье, но у меня уже двенадцатидневная щетина, и я решил пока не бриться. Больше я не выгляжу небритым, да и сил у меня не было.

С опозданием в пять минут я добрался до медицинского смотрового кабинета. Остальные из моей группы уже были здесь, и мне пришлось ждать и проходить осмотр последним. У меня взяли три образца крови; из пальца, из вены на руке и из мочки уха. Я был уверен, что все в порядке. Впрочем это неважно. Медицинский осмотр - простая формальность. Если вы пережили полет в космическом корабле к Вратам, то выживете и в корабле хичи. Если только что-нибудь не произойдет. В этом случае вы, вероятно, не выживете вообще, каким бы здоровым вы ни были.

У меня нашлось время выпить чашку кофе с тележки, которую кто-то подвез к столу (частное предпринимательство на Вратах? Никогда о нем не слышал), и вовремя пришел в аудиторию на первое занятие. Мы встретились в большой комнате на уровне Собака, узкой и с низким потолком. Сидения были размещены по двое вдоль прохода - похоже на преобразованный в класс автобус. Шери пришла позже, свежая и веселая, и села рядом со мной: вся наша группа

была здесь, все семеро прилетевшие с Земли, а также семья с Венеры и несколько других новичков. "Ты плохо выглядишь", - прошептала Шери, когда инструктор занялся бумагами на своем столе.

- Что, так заметно похмелье?

- На самом деле нет. Но, вероятно, оно сказывается. Я слышала, как ты пришел вчера вечером. Вообще-то, - задумчиво добавила она, - весь тунель это слышал.

Я мигнул. Запах я по-прежнему ощущал, но большая его часть, очевидно, внутри меня. Никто не сторонился меня, даже Шери.

Инструктор встал и некоторое время задумчиво смотрел на нас. "Ну, ладно, - сказал он и снова посмотрел на бумаги. Потом покачал головой. - Я веду курс управления кораблями хичи. - Я заметил у него целую связку браслетов. Сколько, сосчитать не мог, но не меньше полудюжины. Мимолетно подумал, что это за люди, которые столько раз вылетали и все еще не разбогатели. - Это один из трех курсов, которые вы прослушаете. Второй - как выживать в незнакомой среде. Третий - как распознавать, что ценно. Но мой курс по управлению кораблем, и мы начнем с управления. Все за мной".

Мы встали и потащились за ним, вышли из помещения, спустились по туннелю, вошли в шахту, миновали охранника - может, того самого, что прогнал меня накануне. На этот раз он только кивнул инструктору и смотрел, как мы проходим. Мы оказались в длинном широком туннеле с низким потолком, из пола торчал десяток металлических прямоугольных цилиндров. Они походили на обгоревшие древесные стволы, и прошло несколько мгновений, прежде чем я понял, что это такое.

Я глотнул.

- Это корабли, - прошептал я Шери громче, чем собирался. Несколько человек с любопытством оглянулись на меня. Среди них, как я заметил, была девушка, с которой я танцевал вечером, та самая, с черными бровями. Она кивнула мне и улыбнулась. Я увидел браслеты у нее на руке и удивился, что она тут делает - и как ей повезло за игорным столом.

Инструктор собрал нас вокруг себя и сказал: "Как только что кто-то сказал, это корабли хичи. Приземляющаяся часть. То есть шлюпка. В ней вы высаживаетесь на планету, если, конечно, вам повезет и вы откроете планету. Они не очень велики, но в каждом из этих мусорных

баков помещается пять человек. Конечно, не очень удобно. Но поместиться можно. Вообще-то один человек всегда остается в главном корабле, так что в шлюпке бывает не больше четверых".

| *Правила принятия душа*
|
| *Этот душ автоматически выдает воду в течение*
| *сорока пяти секунд.*
|
| *Вам разрешается пользоваться душем один раз в*
| *три дня.*
|
| *Добавочный душ может быть получен путем вычета*
| *с вашего счета 5 долларов за 45 секунд.*

| *Что делает Корпорация?*
|
| *Целью Корпорации является иссле-дование*
| *космических кораблей, оставленных хичи, а также*
| *продажа, эксплуатация или любое другое*

| использование артефактов, предметов, сырья или
| других ценностей, обнаруженных при помощи этих
| кораблей.
|
| Корпорация поощряет коммерческое использование
| технологий хичи и отдает их в аренду на основе
| выплаты части дохода.
|
| Этот доход используется для выплаты доли
| ограниченных партнеров, таких, как вы, которые
| совершили ценные открытия; для поддержания Врат в
| рабочем состоянии; для выплаты главным партнерам
| сумм, которые покрывают содержание крейсеров,
| находящихся на орбите; для создания резервов на
| непредвиденный случай; для субсидирования самих

| исследовательских программ.

| В финансовом году, завершившемся 30 февраля,

| общий доход Корпорации превысил 3,7 триллионов

| долларов США.

Он подвел нас к ближайшему, и все удовлетворили свою потребность коснуться его, поцарапать или похлопать. Потом он начал лекцию.

- Когда Врата были открыты, на них находилось девятьсот двадцать четыре корабля. Около двухсот оказались недействующими. Обычно мы не знаем почему; они просто не работают. Триста четыре корабля побывали в полетах хотя бы по одному разу. Тридцать три из них теперь здесь и готовы к очередному рейсу. Остальные еще не испытаны. - Он взобрался на приземистый цилиндр, сел и продолжал:

- Прежде всего вы должны решить, полетите ли вы в одном из этих тридцати трех кораблей или в таком, который раньше не был испытан. Людьми, я имею в виду. Вам нужно сделать выбор. Свои преимущества есть у каждого решения. Многие впервые испытываемые корабли не возвращаются назад, так что тут есть риск. Ну,

это понятно, верно? Никто ведь не обслуживал эти корабли Бог знает сколько лет, с тех пор как хичи оставили их здесь.

- С другой стороны, риск связан и с теми кораблями, которые уже побывали в полете и благополучно вернулись. Мы считаем, что некоторые корабли не вернулись, потому что у них кончилось горючее. Беда в том, что мы не знаем, каково это горючее, сколько его и как определить, когда оно кончается.

Он похлопал по металлическому пню. "Этот и все остальные рассчитаны на экипаж из пяти хичи. Насколько мы можем судить. Но мы их посылаем с экипажем из трех человек. Похоже, хичи были терпимей друг к другу в тесном замкнутом пространстве, чем люди. Есть корабли больше и меньше этого, но в последнее время процент невернувшихся среди них очень высок. Наверно, просто полоса неудач, но... Во всяком случае я лично отправился бы в трехместном. А вы решайте сами.

- Теперь вы подходите ко второму выбору; с кем именно вы полетите. Держите глаза раскрытыми. Ищите товарищей... Что?

Шери размахивала рукой, привлекая его внимание. "Вы сказали "очень высок". А сколько

именно?"

Инструктор терпеливо ответил: "В последнее время возвращается три из десяти пятиместных. Это самые большие корабли. На некоторых из вернувшихся экипаж был мертв".

- Да, - сказала Шери, - действительно очень высок.

- Но все же это не так плохо, если сравнить с одноместными. За две орбиты вернулись только два одноместных. Вот это действительно плохо.

- Почему это так? - спросил отец семейства туннельных крыс. Их фамилия была Форхенд. Инструктор некоторое время смотрел на него.

- Если узнаете, - сказал он, - обязательно расскажите другим. Теперь. Что касается подбора экипажа. Лучше лететь с тем, кто уже побывал в полете. Может, вам удастся договориться с ним, может, не удастся. Разбогатевшие старатели обычно прекращают работу; те, кто все еще охотится за богатством, могут не пожелать принимать к себе новичков. Так что большинству новичков приходится отправляться с другими девственниками. Гм.

- Он задумчиво осмотрелся. - Что ж, попробуем. Разбейтесь на группы по трое - не думайте о том, кто в вашей группе, партнеров подбирают

не так, - и забирайтесь в один из открытых аппаратов. Ничего не трогайте. Считается, что они дезактивированы, но должен вас предупредить, что они не всегда остаются такими. Просто заберитесь туда и ждите инструктора.

Так я впервые услышал, что есть и другие инструкторы. Осмотрелся, пытаясь понять, кто же наши учителя, а кто новички, а инструктор спросил: "Есть ли вопросы?"

Шери снова. "Да. Как вас зовут?"

- Неужели я снова забыл? Я Джимми Чу. Рад познакомиться со всеми вами. Начнем.

Теперь я знаю гораздо больше своего инструктора, включая и то, что случилось с ним орбиту спустя. Бедный старина Джимми Чу, он отправился до моего первого вылета и вернулся, когда я был во втором полете, вернулся абсолютно мертвым. Вспышка. Говорят, глаза запеклись в его черепе. Но в то время он знал все, и все это казалось мне очень интересным и удивительным.

И вот мы вползи в странный эллиптический люк; через него протискиваешься мимо двигателей и попадаешь в шлюпку, а оттуда по лестнице можно попасть и в сам корабль.

| Корабли Врат пригодны к межзвездным полетам со

| скоростью выше скорости света. Энергия двигателей

| не установлена (см, руководство пилота). На

| корабле имеется также обычный ракетный двигатель,

| использующий жидкий водород и жидкий кислород для

| контроля положения в пространстве и для высадки

| посадочного аппарата, которым снабжен межзвездный

| корабль.

|

| Имеются три разновидности кораблей,

| обозначенные как класс один, класс три и класс

| пять в соответствии с числом членов экипажа.

| Некоторые корабли имеют дополнительные тяжелые

| конструкции и обозначаются как "бронированные".

| Большинство бронированных кораблей пятиместные.

|

| Каждый корабль запрограммирован на

| автоматическое достижение ряда целей. Возврат

| также автоматический и практически весьма

| надежный, Ваш курс управления кораблем достаточен

| для подготовки к безопасному руководству кораблем.

| Но см. инструкцию пилота по технике безопасности.

Мы огляделись, три Али Бабы в пещере сокровищ. Услышали шум наверху, показалась чья-то голова. Густые брови и красивые глаза, принадлежали они девушке, с которой я танцевал накануне вечером. "Забавляетесь? - спросила она. Мы жались друг к другу, стараясь держаться подальше от любых подвижных деталей, и я сомневаюсь, чтобы мы выглядели забавляющимися. - Ничего, - продолжала она. - Осматривайтесь, привыкайте. Вот эта вертикальная полоска колес с торчащими

спицами, видите? Это селектор целей. Важнее всего сейчас не трогать его - а, может, никогда. А вот эта золотая спираль рядом с вами вон там, блондинка. Кто-нибудь хочет погадать, что это такое?"

"Вы вон там, блондинка", одна из дочерей Форхендов, отшатнулась и покачала головой. Я тоже, но Шери решилась. "Может, вешалка для шляп?"

Инструкторша задумчиво смотрела на эту штуку. "Гм. Нет, не думаю. Но надеюсь, вы, новички, узнаете ответ. Никто из нас его не знает. Иногда в полете она разогревается: никто не знает, почему. Туалет вот здесь. С ним вам будет очень забавно. Но если научиться, как он работает. Можете прицепить свои гамаки и спать тут - или где захотите. Вон в том углу углубление - это мертвое пространство. Если кто-то из экипажа хочет побыть наедине, его углубление можно завесить. Небольшое уединение".

Шери сказала: "Почему никто из вас не называет своих имен?"

Инструкторша улыбнулась. "Я Джель-Клара Мойнлин. Хотите еще что-нибудь знать обо мне? Я вылетала дважды, ничего не нашла и теперь убиваю время в ожидании подходящего рейса. И

пока работаю помощником инструктора".

- Откуда вы знаете, какой рейс подходящий? - спросила девушка Форхенд.

- Умница. Хороший вопрос. Один из тех вопросов, которые я хочу от вас услышать. Он означает, что вы думаете. Но если на него есть ответ, я его не знаю. Посмотрим. Вы уже знаете, что этот корабль трехместный. Он уже сделал шесть вылетов, но есть основания полагать, что топлива в нем еще на пару хватит. Я полетела бы скорее в нем, чем в одноместном. Одноместный - для азартных игроков.

- Мистер Чу говорил об этом, но мой отец просмотрел все записи с самой первой орбиты, и с одноместными получается не так уж плохо, - сказала девушка Форхенд.

- Ваш отец мог бы спросить у меня, - ответила Джель-Клара Мойнлин. - Дело не только в статистике. Одноместные ужасны. И во всяком случае, если повезет, одному со всем не справиться, нужны товарищи: один остается на орбите, мы обычно оставляем в корабле одного: по крайней мере есть надежда, что, если дела пойдут плохо, кто-то придет на помощь. А двое садятся в шлюпку и отправляются осматриваться. Конечно, если повезет, приходится еще разделяться.

Если найдешь что-нибудь действительно важное, приходится побегать. А если не повезет, одна треть ничего не хуже, чем все.

- Но тогда не лучше ли в пятиместном? - спросил я.

Клара взглянула на меня и подмигнула; я не думал, что она помнит вчерашний танец. "Может, да, а может, и нет. Дело в том, что пятиместные имеют почти неограниченные возможности выбора цели".

- Пожалуйста, говорите по-английски, - попросила Шери.

- У пятиместных масса целей, которых не достигают трех- и одноместные. Мне кажется, это потому, что некоторые из этих целей опасны. Корабль, который вернулся в худшем состоянии из всех, был пятиместным. Весь обожжен, побит, погнут: непонятно, как он вообще вернулся. Никто не знает, где он побывал. Я слышала; говорят, он был в фотосфере звезды. Экипаж ничего не смог сообщить, все погибли, конечно...

- С другой стороны, - задумчиво продолжала она, - бронированные трехместные имеют почти такой же разброс целей, что и пятиместные. Тут уж как повезет. Ну, давайте покончим с этим. Вы, - она указала на Шери, - садитесь сюда.

Мы с девушкой Форхенд съежились, чтобы освободить как можно больше места. Его было немного. Если все убрать из трехместного корабля хичи, получится помещение размером пять метров на три и на три, но, конечно, если убрать все, корабль никуда не двинется.

Шери села перед колонной колес со спицами, пошевелилась, стараясь устроиться поудобнее. "Какие задницы были у этих хичи?" - пожаловалась она.

Инструкторша сказала: "Еще один хороший вопрос, и такой же ответ. Если узнаете, скажите нам. Корпорация поместила на сиденье эту решетку. Она не относится к оригинальному оборудованию. Ну вот, теперь вы смотрите на селектор целей. Положите руку на одно из колес. Только на одно. Другие не трогайте. Теперь поверните его. - Она с беспокойством следила, как Шери положила руку на нижнее колесо, толкнула пальцами, потом взялась всей рукой, уперлась в М-образной формы ручки кресла и надавила. Наконец колесо шевельнулось, и вдоль всей колонны замигали огоньки.

- Да! - сказала Шери. - Они, должно быть, были ужасно сильные!

Мы по очереди пробовали повернуть это

колесо - в тот день Клара не разрешала нам притрагиваться к другим, - и когда настала моя очередь, я удивился: потребовалась вся сила мышц, чтобы сдвинуть колесо. Не похоже, чтобы оно просто заржавело: такое впечатление, будто оно должно поворачиваться с трудом. И если подумать, сколько неприятностей случится, если в полете случайно повернешь колесо, вероятно, так оно и есть.

Конечно, теперь я знаю обо всем этом гораздо больше, чем тогда мой инструктор. И дело не в том, что я так уж умен. Потребовались и все еще требуются усилия множества людей, просто чтобы догадаться, как происходит выбор цели на указателе курса.

В сущности это вертикальный ряд индикаторов чисел. Огоньки означают номера. Понять это нелегко, потому что они вовсе не похожи на цифры. Цифровая система не позиционная, не десятичная. (Очевидно, хичи выражали числа как суммы простых, но это выше моего понимания). Программисты корпорации сумели прочесть эти номера, но не непосредственно, а при помощи компьютерного переводчика. Первые пять цифр, очевидно, обозначают положение цели в пространстве, начиная снизу

вверх. (Дэйн Мечников говорит, что правильный порядок не снизу вверх, а спереди назад, и это кое-что говорит о хичи. Они были ориентированы на три измерения, как первобытные люди, а не на два, как мы). Вам кажется, что трех чисел достаточно, чтобы указать положение любой точки во вселенной, верно? Я хочу сказать, что если сделать трехмерное изображение Галактики, любую точку в ней можно определить тремя измерениями. Но хичи для этого требовалось пять. Значит ли это, что они воспринимали пять измерений? Мечников говорит, нет...

Во всяком случае, когда установлены пять первых чисел, остальные семь можно выбрать произвольно, и вы все равно отправитесь в путь, нажав сосок двигателя.

Обычно поступают так: наудачу выбирают четыре первых числа. Затем поворачивают пятое колесо, пока не появляется предупреждающее розовое свечение. Иногда оно слабое, иногда яркое. Если нажать плоскую овальную часть под соском, остальные огоньки начнут перемещаться всего на несколько миллиметров туда и сюда, и свечение становится ярче. Когда огоньки останавливаются, свечение яр-

ко-розовое и очень сильное. Мечников говорит, что это устройство автоматической тонкой настройки. Машина допускает человеческую ошибку - прошу прощения, я хотел сказать ошибку хичи, - и когда подходишь достаточно близко к цели, окончательная подгонка происходит автоматически. Вероятно, он прав.

(Конечно, каждая крупица этих знаний стоила множества времени и денег, не говоря уже о человеческих жизнях. Опасно быть старателем. Но для самых первых старателей это походило на самоубийство).

Иногда можно пройти весь цикл с пятью огоньками и ничего не получить. В таком случае нужно выругаться. Потом изменить один из первых четырех огоньков и начать сначала. Цикл занимает всего несколько секунд, но пилоты-испытатели перебирают сотни вариантов, прежде чем получат хороший цвет.

Конечно, к тому времени, как я отправился в первый полет, пилоты-испытатели и программисты выработали несколько сот установок, цвет которых был признан хорошим, но которые еще не были опробованы. Или таких установок, которые были испробованы, но к которым не стоило возвращаться. Или таких

установок, после которых экипаж не вернулся.

Но тогда я ничего этого не знал, и когда сел на модифицированное сидение хичи, все мне казалось новым, новым, новым. Не знаю, сумею ли дать вам понять, что я тогда чувствовал.

Я хочу сказать, что сидел на том месте, где миллион лет назад сидел хичи. Передо мной располагался селектор целей. Корабль мог отправиться куда угодно. Куда угодно! Если правильно подберу цель, могу оказаться возле Сириуса, Проциона, даже в Магеллановом Облаке.

Инструкторше надоело висеть вниз головой, она протиснулась за мной и положила руку мне на плечо. "Ваша очередь, Броудхед". И я почувствовал, как ее грудь коснулась моей спины.

Мне не хотелось трогать колеса. Я спросил: "А нельзя ли сказать, что именно ты выбрал?"

- Вероятно, можно, - ответила она, - если ты - хичи с подготовкой пилота.

- А не значит ли один цвет, что ты отправишься дальше чем при другом?

- Этого никто не смог установить. Конечно, все время стараются. Целый отряд сопоставляет установки целей вернувшихся кораблей с тем местом, где они оказались. Но пока ничего не нашли. Ну, давайте, Броудхед. Положите руку

на первое колесо, которое уже поворачивали другие. Толкайте. Для этого нужно больше силы, чем вам кажется.

И правда. В сущности я боялся надавить достаточно сильно, чтобы оно сработало. Клара наклонилась, положила свою руку на мою, и я понял, что приятный мускусный маслянистый запах, который я ощущал в последнее время, принадлежит ей. Это не был на самом деле мускус; ее половые аттрактанты вошли в контакт с моими хеморецепторами. По сравнению с вонью Врат это был прекрасный запах.

Но тем не менее я не добился никакого цвета, хотя старался пять минут. Наконец Клара прогнала меня, и я уступил место Шери для еще одной попытки.

Когда я вернулся в свою комнату, кто-то уже прибрал ее. Я с благодарностью подумал, кто бы это мог быть, но слишком устал, чтобы думать долго. Пока не привыкнешь, малое тяготение изматывает; все время перенапрягаешь мышцы, потому что приходится осваивать новую установку для движений.

Я повесил гамак и уже задремал, когда кто-то заскребся в мою дверь.

Послышался голос Шери: "Боб?"

- Что?

- Ты спишь?

Очевидно, нет, но я правильно понял ее вопрос. "Нет. Лежу и думаю".

- Я тоже... Боб?

- Да?

- Можно мне лечь в твой гамак?

Я сделал усилие, чтобы окончательно проснуться и обдумать этот вопрос.

- Мне очень нужно, - сказала она.

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*

|

| *Откуда вы знаете, что вы не унитарий?*

| *Образуется товарищество Врат. 87-539.*

|

| *Требуются бисексуалы для Сафо и Лесбии.*

| *Вначале полет, затем счастливая жизнь в Северной*

| *Ирландии. Постоянный тройственный брак. 87-033 или*

| *87-034.*

|

| *Берегите силы. Сберегайте плату, не рискуйте*

| конфискацией во время полета. Распоряжения на
| случай невозвращения выполняются за ту же плату.
| 88-125.

| Правила безопасности для кораблей Врат
|
| Механизм межзвездного полета, по-видимому,
| содержится в ящике, размещенном под центральным
| килем трех- и пятиместных кораблей и в санитарных
| устройствах одноместного.
|
| Никто не сумел успешно открыть эти ящики.
| Каждая такая попытка заканчивалась взрывом
| мощностью примерно в одну килотонну. Сейчас
| проводятся исследования в целью проникнуть в эти
| ящики, не вскрывая их, и если у вас есть

| какая-нибудь информация относительно этого, вы

| должны немедленно связаться с офицером Корпорации.

|

| Ни при каких обстоятельствах не пытайтесь сами

| открыть ящик! Такие попытки, а также управление

| кораблем, в котором совершались такие попытки,

| строжайше запрещены. Наказание - немедленное

| лишение всех прав и высылка с Врат.

|

| Устройство выбора курса также содержит в себе

| потенциальную опасность. Ни при каких

| обстоятельствах нельзя менять установку цели,

| находясь в полете. Ни один корабль, в котором

| осуществлялась такая попытка, не вернулся.

- Хорошо. Конечно. Я хочу сказать, что рад.

- Она скользнула в мою комнату, и я подвинулся в гамаке, который начал медленно раскачиваться. Она забралась в него. На ней была тенниска и трусы, она была теплой и мягкой, и мы мягко раскачивались в гамаке.

- Секса не нужно, жеребец, - сказала она.

- Посмотрим, как получится. Боишься?

Дыхание у нее сладкое: я чувствовал его у себя на щеке. "Чем больше думаю, тем больше боюсь".

- Почему?

- Боб... - Она устроилась поудобнее и повернулась, чтобы смотреть мне в лицо. - Знаешь, ты иногда говоришь глупости.

- Прости.

- Посмотри, что мы делаем. Садимся в корабль и не знаем, долетит ли он туда, куда должен долететь. И даже не знаем, куда он должен лететь. Летим быстрее света, и никто не знает как. Не знаем, на сколько улетаем, не знаем, куда летим. Можем лететь всю оставшуюся жизнь и не вернуться сюда. Можем столкнуться с чем-то таким, что убьет нас в две секунды. Верно? Верно. И ты спрашиваешь, почему я боюсь?

- Да я просто разговариваю. - Я прижимаюсь к ее спине, беру в руки грудь, не агрессивно, а

просто потому, что приятно.

- И не только это. Мы ничего не знаем о тех, кто построил эти корабли. Откуда мы знаем, что это вообще не розыгрыш с их стороны? Может, так они заманивают свежее мясо на небеса хичи?

- Да, не знаем, - согласился я. - Повернись.

- И корабль, который нам показали сегодня, совсем не такой, как я думала, - сказала она, поворачиваясь и обнимая меня за шею.

Откуда-то послышался резкий свист. Я не мог определить, откуда.

- Что это?

- Не знаю. - Свист повторился. Он звучал и в туннеле, и - громче - в моей комнате. - А, это фон. - Я слышал собственный пьезофон и те, что установлены на стенах. Все они свистели одновременно. Свист прекратился и послышался голос:

- Говорит Джим Чу. Кто хочет видеть, как выглядит корабль, вернувшийся из тяжелого рейса, приходите к станции доков четыре. Сейчас начинают.

Я услышал голоса в соседней комнате Форхендов, слышал стук сердца Шери. "Пойдем", - сказал я.

- Да. Но мне... не очень хочется.

Корабль добрался до Врат, но не совсем. Один из крейсеров засек его. Теперь буксир доставил его в док Корпорации, куда обычно приземляются только ракеты с планет. Здесь достаточно места для пятиместного. А этот трехместный... вернее, то, что от него осталось.

- О, Боже, - прошептала Шери. - Боб, как ты думаешь, что с ними случилось?

- С людьми? Они умерли. - В этом не было сомнения. Корабль превратился в утиль. Стебель шлюпки исчез, остался только сам межзвездный корабль, грибная шляпка, расколотая, обожженная. Расколотая! Металл хичи, который не поддается даже электрической дуге!

Но самого плохого мы не видели.

Мы никогда не видим самого плохого, только слышим о нем. Один человек все еще был в корабле. Вернее по всей внутренности корабля. Он буквально расплескался по контрольной рубке, и его останки прикипели к стенам. Но отчего? Высокая температура и ускорение, вне всякого сомнения. Может, он оказался в верхних слоях атмосферы солнца. Или на низкой орбите над нейтронной звездой? Разница в тяготении могла разорвать корабль и экипаж. Но мы этого никогда не узнаем.

Остальных членов экипажа вообще не было. Не то, чтобы это легко было установить. Но в перечне органов фигурировали только одна челюсть, один таз, один позвоночник - хотя из многих небольших кусков. Может, остальные двое были в шлюпке?

- В сторону!

Шери схватила меня за руку и потянула с дороги. Появились пять военных в мундирах; американец и бразилец в синем, русский - беж, венерианец в белом и китаец в черно-коричневом. Американский и венерианский военные оказались женщинами. На лицах у них у всех было одинаковое выражение - смесь дисциплины и отвращения.

- Пошли. - Шери потащила меня. Она не хотела смотреть, как роются в останках. Я тоже. Вся группа, Джимми Чу, Клара и остальные инструкторы потянулись к своим комнатам. Но недостаточно быстро. Мы все время оглядывались. Когда открыли люк корабля, до нас долетел запах. Не знаю, как описать его. Как будто перегнивший мусор поджарили на корм свиньям. Даже в вонючем воздухе Врат это трудно было перенести.

Клара осталась на своем уровне. Когда я по-

желал ей спокойной ночи, я впервые заметил, что она плачет.

Мы с Шери попрощались с Форхендами у их двери, я повернулся к Шери, но она меня опередила.

- Пойду спать, - сказала она. - Прости, Боб, знаешь, я больше не хочу.

Глава 9

Не знаю, зачем я все время возвращаюсь к Зигфриду фон Аналитику? Мои сеанс в среду в середине дня, и ему не нравится, если я перед этим пью или принимаю наркотики. Я много плачу за эти дни. Вы не знаете, сколько стоит жить, как я живу. Квартира над Вашингтон Сквер стоит восемьдесят тысяч долларов в месяц. Плюс три тысячи за право жить под Большим Пузырем. (Оставаться на Вратах не стоило бы столько!). Много приходится платить за меха, вино, дамское белье, драгоценности, цветы... Зигфрид говорит, что я пытаюсь купить любовь. Хорошо, так и есть. А что в этом плохого? Я могу себе это позволить. И это не говоря уже о том, сколько стоит Полная медицина.

Впрочем, Зигфрид мне ничего не стоит. Плата за Полную медицину покрывает любую психиатрическую терапию по моему выбору. За ту же цену я могу получить групповой сеанс или внутренний массаж. Иногда я подшучиваю над Зигфридом. "Даже принимая во внимание, что ты всего лишь груда ржавых болтов, - говорю я, - проку от тебя никакого. Но стоишь ты дорого".

Он спрашивает:

- У вас возникает сознание собственной ценности, когда вы говорите, что я ни на что не годен?

- Нет.

- Тогда почему вы все время напоминаете себе, что я машина? Или что я ничего не стою? Или что я не могу переступить границы своей программы?

- Потому, что ты меня достал, Зигфрид. - Я знаю, что это его не удовлетворит, поэтому объясняю:

- Ты испортил мне утро. Моя подруга С. Я. Лаврова осталась вчера вечером у меня. Да, она - это нечто. - И я немного рассказываю Зигфриду о С.Я., включая, как она уходит от меня в обтягивающих брюках, с длинными золотыми волосами, свисающими до пояса.

- Звучит неплохо, - комментирует Зигфрид.

- Клянусь твоими болтами. Но по утрам она просыпается медленно. Только она по-настоящему оживет, приходится покидать свой летний дом на Таппановом море, чтобы явиться сюда.

- Вы ее любите, Боб?

Ответ "нет", поэтому я хочу сказать "да". Я говорю: "Нет".

- Я думаю, это честный ответ, - одобрительно говорит он. И неодобрительно:

- Поэтому вы сердитесь на меня?

- Не знаю. Просто плохое настроение.

- Можете объяснить причины?

Он ждет, поэтому немного погодя я говорю: "Ну, вечером я проиграл в рулетку".

- Больше, чем вы можете себе позволить?

- Боже! Нет. - Но это все равно раздражает. Есть и другое. Становится холоднее. Мой дом на Таппановом море не под Пузырем, поэтому завтракать на его пороге с С.Я, оказалось не такой уж хорошей мыслью. Я не хочу рассказывать об этом Зигфриду. Он скажет что-нибудь рациональное, например, почему бы не поесть в помещении. И мне придется рассказывать ему, что ребенком у меня была мечта - дом, выходящий на Таппановое море, и завтрак на его пороге. Мне исполнилось двенадцать, когда перегородили Гудзон. Я часто мечтал о том, как стану большим человеком и буду жить, как богатые. Ну, он все это уже слышал.

Зигфрид прочищает горло. "Спасибо, Боб, - говорит он, давая знать, что время кончилось. - Придете на следующей неделе?"

- Как всегда, - улыбаюсь я. - Как летит время. Я сегодня хотел уйти немного пораньше.

- Правда, Боб?

- У меня свидание с С.Я., - объясняю я. - Она вечером приезжает ко мне в летний дом. Откровенно говоря, это лучшее лекарство, чем встречи с тобой.

Он говорит: "Это все, чего вы хотите от взаимоотношений, Робби?"

- Ты имеешь в виду только секс? - Ответ в этом случае "нет", но я не хочу давать ему знать, чего жду от отношений с С. Я. Лавровой. Я говорю:

- Она отличается от всех моих подруг, Зигфрид. Она не бедна. У нее хорошая работа. Я восхищаюсь ею.

Ну, не совсем, на самом деле. Вернее, мне все равно, восхищаюсь я ею или нет. У С.Я. одна особенность, которая восхищает меня даже больше, чем самый прекрасный женский зад, какой когда-либо сотворял Господь. Она специалист в области информатики. Она окончила университет в Академгородке, работала в институте машинного разума Макса Планка, а теперь преподает у аспирантов. Она больше знает о Зигфриде, чем сам Зигфрид о себе, и это предоставляет мне интересные возможности.

Глава 10

Примерно на пятый свой день на Вратах я встал рано и позавтракал, окруженный туристами, игроками с воспаленными глазами - из казино по соседству в веретене и моряками с крейсеров в увольнительной. Завтрак был роскошный и стоил роскошно. Но он того стоил - из-за туристов. Я чувствовал на себе их взгляды. Я знал, что они говорят обо мне, особенно тот гладколицый пожилой африканец - дагомеец или ганиец, мне кажется, со своей очень молодой, очень пухлой, украшенной драгоценностями женой. По их мнению, я бесстрашный герой. Конечно, у меня на руке нет браслетов, но некоторые ветераны их не носят.

Я наслаждался, подумывал о заказе настоящих яиц с беконом, но это слишком даже для моей эйфории, поэтому удовлетворился апельсиновым соком (к моему удивлению, он оказался настоящим), бриошью и несколькими чашками черного голландского кофе. Мне не хватало только хорошенькой девушки на ручке моего кресла. Присутствовали две хорошеньких женщины - как будто с китайского крейсера: обе

не отказывались обменяться радиопосланиями с помощью глаз, но я решил приберечь их для какого-нибудь будущего свидания, заплатил по счету (это оказалось довольно болезненно) и отправился на занятия.

По пути вниз я встретился с Форхендами. Мужчина - кажется, его звали Сесс - оторвался от ведущего вниз кабеля и подождал меня, чтобы вежливо поздороваться. "Мы вас не видели за завтраком", - сказала его жена, поэтому я рассказал им, где был. Младшая дочь, Лу, кажется, позавидовала. Мать уловила это и потрепала ее: "Не расстраивайся, милая. Мы так поедим перед возвращением на Венеру. - И мне:

- Теперь приходится считать каждый пенни. Но нам повезет, и у нас уже есть планы, как распорядиться доходами".

- Они есть у нас всех, - ответил я, но в голове у меня рождалась какая-то мысль. - Вы на самом деле вернетесь на Венеру?

- Конечно, - ответили они все тем или иным образом - и как будто все удивились. И это удивило меня. Мне не приходило в голову, что эти туннельные крысы считают горячие душные ямы своим домом. Сесс Форхенд, должно быть, заметил мое выражение. Замкнутая семья, но

замечали все. Он улыбнулся и сказал:

- В конце концов это наш дом. Врата тоже - некоторым образом.

Это поразительно. "Вообще-то мы родственники первого человека, нашедшего Врата. Сильвестра Маклена. Слышали о нем?"

- Кто о нем не слышал?

- Он нечто вроде моего двоюродного брата. Наверно, знаете всю историю.

- Я начал говорить да, но, очевидно, он очень гордился своим братом, и я не могу его винить в этом, поэтому пришлось прослушать несколько видоизмененное семейное предание: "Он был в туннеле на Южном полюсе и нашел корабль. Бог знает, как ему удалось поднять корабль на поверхность, но удалось, он вошел в него и, очевидно, нажал сосок двигателя, и корабль направился туда, куда был запрограммирован, - сюда.

- Разве Корпорация не платит дивиденды? - спросил я. - Ведь за открытия платят, а какое открытие больше достойно платы?

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*

|

| *Можно заказать изысканные блюда. Сечуан,*

| Калифорния, Кантониз. Блюда для приемов. Вонги,
| телефон 83-242.
|
| Карьера лекторов и обозревателей ждет
| ветеранов со множеством браслетов. Подписывайтесь
| на курс публичных лекций в голографический записи.
| Пригодным для работы гарантируется не менее 3000
| долларов в неделю. 86-542.
|
| Добро пожаловать на Врата! Наша уникальная
| служба позволяет быстрее налаживать контакты. 200
| имен, указаны предпочтения. Знакомства за 50
| долларов. 88-963.
| СПИСОК ПРЕДСТОЯЩИХ РЕЙСОВ
|
| 30-107 ПЯТИМЕСТНЫЙ.
| Три вакансии англоязычных. Терри Якамора
| (83-675) или Джей Пардук (83-004).

|

| 30-108 ТРЕХМЕСТНЫЙ.

| Бронированный. Одно место, язык английский или

| французский, ПРЕМИЯ ГАРАНТИРОВАНА.

| Дорлин Сегре (88-108).

|

| 30-109 ОДНОМЕСТНЫЙ.

| Проверочный рейс. Предыдущие полеты

| завершились благополучно.

| Спросить старшего по стартам.

|

| 30-110 ОДНОМЕСТНЫЙ.

| Бронированный. ПРЕМИЯ ГАРАНТИРОВАНА.

| Спросить старшего по стартам.

|

| 30-111 ТРЕХМЕСТНЫЙ. Открытый список.

| Спросить старшего по стратам.

|

| 30-112 ТРЕХМЕСТНЫЙ.

| Предположительно кратковременный полет.

| Открытый список. Минимум гарантирован.

| Спросить старшего по стартам.

| *30-113 ОДНОМЕСТНЫЙ.*

| *Четыре вакансии на Вратах-2. Транспортировка в*

| *надежном пятиместном.*

| *Тикки Трамбалл (87-869).*

- Во всяком случае не нам, - невесело сказала Луиза Форхенд: с деньгами у Форхендов, должно быть, плохо. - Конечно, Сильвестр и не собирался открывать Врата. Вы ведь слышали, что нам говорили в классе: у кораблей автоматический возврат. Прилетишь куда-нибудь, нажмешь сосок двигателя и возвращаешься сюда. Но Сильвестру это не помогло; он ведь уже был здесь. Возвратный рейс после Бог знает когда происшедшей остановки.

- Он был умен и силен, - подхватил Сесс. - Таким и должен быть исследователь. Он не запаниковал. Но когда прилетели исследователи, у него кончились запасы жизнеобеспечения. Он мог бы прожить немного дольше. Он мог бы использовать жидкий кислород и Р-2 из шлюпки, чтобы получать воздух и воду. Я часто думаю, почему он этого не сделал.

- Потому что он все равно умер бы с голоду, - вмешалась Луиза, защищая своего родствен-

ника.

- Да, наверно. Ну, нашли его тело, в руке он держал записи. Он перерезал себе горло.

Хорошие люди, но я все это уже слышал, а из-за них опаздываю на занятия.

Разумеется, занятия вовсе не были такими уж захватывающими. Мы проходили подвешивание гамаков (основной курс) и смывание туалета (продвинутый курс). Может, вы спросите, почему нас почти не учили управлению самими кораблями. Это очень просто. Эти штуки летят сами по себе, как и говорили мне Форхенды и все остальные. Даже шлюпками управлять не так уж трудно, хотя тут нужно приложить руку к приборам. Оказавшись в шлюпке, нужно только отыскать на трехмерном голографическом изображении окружающей местности тот пункт, куда вы хотите отправиться, и совместить с ним светлое пятнышко. Шлюпка туда и отправляется. Она сама рассчитывает траекторию и корректирует ее в случае необходимости. Конечно, требуется определенная мышечная координация движений, чтобы научиться совмещать это пятно, но система снисходительна к ошибкам.

Между уроками развешивания гамаков и смывания туалетов мы говорили о том, что будем

делать, когда кончим обучение. Расписание полетов постоянно пополняется, нажатием кнопки можно вызвать его на пьезоэкран в аудитории. Некоторые предстоящие вылеты сопровождались именами: кое-какие из этих имен мне были знакомы. Тикки Трамбалл - девушка, с которой я танцевал и раз или два обедал в столовой.

Она пилот-перевозчик, и теперь набирала себе экипаж. Я подумывал о том, чтобы присоединиться к ней. Но наши мудрецы сказали, что перевозка - это пустая трата времени.

Надо вам рассказать, кто такой пилот-перевозчик. Это парень, который перевозит свежие экипажи на Врата-2. Примерно с десяток пятиместных регулярно занимаются этим. Они берут с собой четверых старателей (для этого Тикки и нужны люди), отвозят их туда, а потом возвращаются, захватив с собой вернувшихся старателей - если таковые окажутся - и их находки. Обычно что-нибудь есть.

Мы все мечтаем, чтобы нам так же повезло, как экипажу, обнаружившему Врата-2. Вот они действительно добились. Врата-2 - это просто другие Врата, не больше и не меньше, только находятся на орбите вокруг другой, не нашей, звезды. И никаких особых сокровищ на Вра-

тах-2 не было, как и на наших Вратах; хичи все тщательно убрали, за исключением своих кораблей. И кораблей там было меньше; примерно сто пятьдесят сравнительно с тысячью на наших старых околосолнечных Вратах. Но и сто пятьдесят кораблей - это ценная находка. Не говоря уже о том, что эти корабли нацелены на пункты, до которых не добраться со старых Врат.

До Врат-2 как будто четыреста световых лет, и полет занимает сто девять дней в один конец. Центральная звезда Врат-2 - ярко-голубая, типа В. Полагают, что это Альциона в Плеядах, но есть кое-какие сомнения. На самом деле не она центральная звезда Врат-2. Врата-2 вращаются не вокруг большой яркой звезды, а вокруг красного карлика поблизости. Говорят, карлик образует с яркой звездой двойную систему, но говорят также, что это невозможно из-за разницы в возрасте двух звезд. Еще несколько лет споров, и, вероятно, истина будет установлена. Можно только гадать, почему хичи поместили свой звездный перекресток рядом с такой неприметной звездой, но о хичи вообще много приходится гадать.

Но это никак не отражается на счетах экипажа, обнаружившего Врата-2. Они получают

проценты со всех открытий, которые сделают отсюда старатели! Не знаю, сколько они уже заработали, но, должно быть, десятки миллионов на каждого. А может, и сотни. И поэтому не стоит отправляться с пилотом-перевозчиком; шансов на открытия не больше, а уж делиться найденным придется.

И вот мы изучали список предстоящих полетов и обсуждали их в свете своего пятидневного опыта. Опыта оказалось не очень. Мы обратились к Джель-Кларе Мойнлин за советом. В конце концов она уже дважды была в полетах. Она рассматривала список, поджав губы. "Терри Якамора - хороший парень, - сказала она. - Пардука не знаю, но, может, стоит попытать счастья с ним. О рейсе Дорлина забудьте. Там обещана миллионная плата, но объявили не все. Специалисты Корпорации поработали с искателем целей. Они смонтировали компьютер, который должен вмешаться в поиск целей. Я этому не доверяю. И, конечно, ни при каких обстоятельствах не рекомендую одноместный".

Лу Форхенд спросила: "А сами вы, Клара, какой бы выбрали?"

Она задумчиво нахмурилась, потерла темную левую бровь кончиками пальцев. "Может

быть, Терри. Ну, любой. Но я пока не собираюсь вылетать. - Я хотел спросить почему, но она у же отвернулась от экрана и сказала: - Ну, ладно, группа, возвращаемся к тренировкам. Помните; мочиться - вверх: потом вниз, закрыть, считать до десяти и снова вверх".

Я отпраздновал окончание недельного курса, предложив угостить Дэйна Мечникова выпивкой. Не таким было мое первоначальное намерение. Вначале я собирался купить выпивку Шери и выпить ее в постели, но она куда-то ушла. Поэтому я поработал с кнопками пьезофона и отыскал Мечникова.

Он как будто удивился моему приглашению. "Спасибо, - сказал он, как будто что-то обдумывая. - Вот что я вам скажу. Помогите перенести кое-что, и тогда я угощу вас".

Поэтому я отправился к нему - всего на один уровень ниже Бейб: комната его немногим больше моей, пустая, если не считать двух набитых вещевых мешков. Он взглянул на меня почти по-дружески. "Ну вот вы и старатель", - сказал он.

- Еще нет. Нужно закончить еще два курса.

- Ну, во всяком случае больше не увидимся. Я отправляюсь завтра с Терри Якамора.

Я удивился. "Разве вы не вернулись только

что? Кажется, десять дней назад?"

- Оставаясь тут, денег не заработаешь. Я просто ждал подходящего экипажа. Придете на мой прощальный прием? Номер Терри. В двадцать сто.

- Подходяще, - ответил я. - Можно привести Шери?

| *Этот Парк находится под постоянным контролем*
|
| *Добро пожаловать в него. Не рвите цветы или*
| *фрукты. Не причиняйте вреда растениям. В парке вы*
| *можете съесть упавшие плоды в следующих*
| *количествах*
|
| *Виноград, ягоды - 8 на человека*
| *Другие небольшие фрукты - 6 на человека*
| *Апельсины, лаймы, груши - 1 на человека*
|
| *Нельзя убирать гравий с дорожек. Мусор*
| *складывайте в специальные контейнеры.*
|

| *Отдел обслуживания*
| *Корпорация Врата.*

- О, конечно, она тоже приглашена, я думаю. Если не возражаете, там я вас и угощу. Помогите мне перенести эти вещи.

Он собрал удивительное количество вещей. Я удивлялся, как он умудряется держать их в комнатке, почти такой же крохотной, как моя; три фабричных контейнера, набитых доверху, голодиски и проигрыватель, книжные ленты и несколько настоящих книг. На Земле все это весит больше, чем я могу поднять, - вероятно, пятьдесят-шестьдесят кило, но, конечно, на Вратах поднять их легко; трудно только тащить по коридорам и спускать и поднимать в шахтах. Моим главным затруднением была только масса, а вот Мечникову пришлось тащить предметы громоздкие и хрупкие. Тащили мы около часу. И оказались в части астероида, в которой я раньше никогда не бывал. Здесь пожилая пакистанка пересчитала места, выписала Мечникову квитанцию и потащила вещи по густо заросшему растениями коридору.

- Фу, - сказал он. - Ну, спасибо.

- Не стоит. - Мы двинулись назад к стволу. Вероятно, Мечников понимал, что он у меня в долгу,

поэтому он поддерживал разговор.

- Ну, как курс?

- Только что кончил и по-прежнему понятия не имею, как управлять этими проклятыми кораблями.

- А вы и не должны, - раздраженно ответил он. - Курс не должен научить вас этому. Курс дает только общее представление. А учишься всегда на практике. Труднее всего со шлюпкой, конечно. Ну, вы ведь получили ленты?

- О, да. - Шесть кассет. Каждый из нас после недельного курса получил набор. На кассетах все, что нам уже говорили, плюс сведения о различных приборах, которые Корпорация может установить на корабле хичи.

- Прослушивайте их. Если у вас есть голова, вы захватите их в полет. Там у вас будет для них достаточно времени. А корабли в основном летят сами по себе.

- Так-то лучше, - сказал я, сомневаясь в этом. - Пока. - Он махнул рукой и, не оглядываясь, спустился в шахту. Очевидно, я согласился с его предложением насчет угощения на приеме. Где, кстати, оно ему ничего не будет стоить.

Я подумал, не поискать ли Шери, и решил, что не стоит. Я оказался в незнакомой части

Врат, а карту свою, конечно, забыл. Брел наудачу мимо звездных перекрестков: некоторые туннели пахли пылью и запустением, народу было немного, потом оказался в районе, заселенном, очевидно, преимущественно восточно-европейцами. Языки были мне незнакомы, но с вездесущих ив свисали указатели и надписи на кириллице или каком-то еще более странном письме. Я пришел к лифту, немного подумал и направился вверх. Чтобы не заблудиться на Вратах, нужно двигаться вверх, до веретена, где всякий "верх" кончается.

Но тут я заметил, что проезжаю мимо Центрального парка, и решил немного посидеть под деревьями.

Центральный парк - на самом деле не парк. Это большой туннель вблизи от центра вращения астероида, отведенный под растительность. Тут я нашел апельсиновые деревья (это объясняло сок) и виноградные лозы, а также папоротники и мхи, но никакой травы. Не знаю, почему. Может, потому что сажают только виды, способные расти при недостаточном количестве света - главным образом блеск голубого металла хичи, а трава не может его эффективно использовать в своих фотохимических преобразованиях. Глав-

ная причина существования Центрального парка, конечно, всасывание окиси углерода и возвращение кислорода: поэтому и по всем туннелям много растительности. И еще растения глушат запахи - считается, что глушат, - и дают некоторое количество пищи. Весь парк примерно восьмидесяти метров в длину, а в высоту вдвое выше моего роста. Достаточно широк для нескольких извилистых тропинок. Растения как будто произрастают на настоящей земной почве. На самом деле это гумус, изготовленный из канализационных отходов - на Вратах несколько тысяч человек пользуются туалетами, - но это не заподозришь, глядя на почву или даже принюхиваясь к ней.

Первое дерево, достаточно большое, чтобы под ним сидеть, для этого не годилось. Это оказалась шелковица, и под ней была натянута тонкая сеть, чтобы собирать падающие плоды. Я прошел мимо по тропе и увидел женщину с ребенком.

Ребенок! Я не знал, что на Вратах есть дети. Маленькая девочка, лет полутора, игравшая большим мячом. В низком тяготении мяч передвигался медленно и напоминал воздушный шар.

- Привет, Боб! - Еще один сюрприз: со мной

поздоровалась Джель-Клара Мойнлин. Не задумываясь, я ответил: "Я не знал, что у вас маленькая дочь".

- У меня ее и нет. Это Кэти Френсис, и мама иногда отдает мне ее ненадолго. Кэти, это Боб Броудхед.

- Здравствуй, Боб, - сказала девочка, изучая меня с расстояния в три метра. - Ты друг Клары?

- Надеюсь. Она моя учительница. Хочешь поиграть в "лови и бросай"?

Кэти закончила разглядывать меня и сказала, тщательно произнося каждое слово, как взрослая: "Я не знаю, как играть в "лови и бросай", но я могу собрать для тебя шесть ягод шелковицы. Больше нельзя".

- Спасибо. - Я подобрался поближе к Кларе, которая смотрела на девочку, обхватив колени руками. - Умная девочка.

- Вероятно. Трудно судить; здесь не с кем ее сравнивать, слишком мало детей.

- Она ведь не старатель?

Я в общем-то не шутил, но Клара тепло рассмеялась. "Ее родители входят в постоянный штат. Ну, большую часть времени. Сейчас ее мать в рейсе: те, что тут работают, иногда отправляются в рейсы. Трудно столько времени проводить,

просто стараясь догадаться, кем были хичи, и не пробовать на практике разрешить загадки".

- Это опасно.

Она велела мне замолчать. Вернулась Кэти, в каждой ладони неся по три ягоды и стараясь не раздавить их. Шла она странно, как будто не используя мышцы бедер и икр; просто отталкивалась по очереди от пола и плыла некоторое время в воздухе. Я потом сам попытался так ходить; оказалось, что это самый эффективный способ передвижения при почти полном отсутствии тяготения, но рефлексы все время подводили меня. Вероятно, нужно родиться на Вратах, чтобы естественно пользоваться этим способом.

Клара в парке была гораздо свободней и женственней, чем Клара-инструктор. Брови, казавшиеся мужскими и сердитыми, посветлели и выглядели дружелюбно. И от нее по-прежнему хорошо пахло.

Было очень приятно болтать с ней, а Кэти изящно расхаживала вокруг, играя мячом. Мы говорили о местах, в которых побывали, и не нашли ничего общего. Единственным общим оказалось то, что я родился в один день с ее младшим - на два года - братом.

| *ПРИКАЗ ПО КРЕЙСЕРУ США*

| *1. Следующие члены экипажа назначаются в*

| *патруль по контрабанде и осмотру:*

| *ЛинкиТина - W/O*

| *Маско Казимир - BsnM1*

| *Мирачи Йори - S2*

| *2. Следующим членам экипажа предоставляется*

| *24-часовое увольнение на Врата:*

| *Грайсон Кэти - LtJG*

| *Харви Айвен - RadM Лед*

| *Кэрил - S1*

| *Холл Вильям - S1*

| *3. Все члены экипажа повторно предупреждаются*

| *о необходимости избегать ссор и споров с членами*

| *экипажей других кораблей, независимо от*

| *национальности и обстоятельств и воздерживаться от*

| *сообщения закрытой информации кому бы*

то ни было.

| Нарушители будут полностью лишены увольнительных,

| а также могут быть подвергнуты наказанию по

| приговору военного суда.

|

| 4. Обязанности на Вратах - это привилегия, а

| не право. Если хотите выполнять их, нужно их

| заслужить.

|

| Капитан крейсера США

- Вы любили своего брата? - спросил я, начиная древний гамбит.

- Конечно. Он был ребенком. Но он Овен, рожденный под Меркурием и Луной. И, конечно, это сделало его непостоянным и мрачным. Я думаю, жить ему было бы трудно.

Меня не интересовало, что стало с ее братом; гораздо больше хотелось спросить, на самом ли деле она верит в этот вздор, но это казалось бестактным, да и она продолжала говорить: "Я сама Стрелец. А вы... О, конечно, вы такой же, что и Дэви".

- Вероятно, - сказал я вежливо. - Я... ммм... не очень увлекаюсь астрологией.

- Это не астрология, а генетиалогия. Первое суеверие, второе наука.

- Гм.

Она рассмеялась. "Вижу, вы насмешник. Неважно. Если верите - хорошо, не верите - что ж, не нужно верить в закон тяготения, чтобы разбиться, падая с двухсотого этажа".

Кэти, которая села рядом с нами, вежливо спросила: "Вы спорите?"

- Нет, милая. - Клара погладила ее по голове.

- Это хорошо, Клара, потому что мне нужно в ванную, а я не знаю, как это здесь сделать.

- Нам все равно пора. Приятно было повидаться. Боб. Не скучайте. - И они ушла рука об руку, Клара старалась подражать походке девочки. Очень приятно было на них посмотреть...

Вечером я прихватил с собой Шери на прощальный прием Дэйна Мечникова. Клара была здесь, она выглядела еще лучше в своем костюме с голым животом. "Я не знал, что вы знакомы с Дэйном Мечниковым", - сказал я.

- Который это? Меня пригласил Терри. Пошли внутрь?

Прием выплеснулся в туннель. Я посмотрел

внутрь и был удивлен, как много там места; у Терри Якаморы было две комнаты, каждая вдвое больше моей. Ванная отдельная, и в ней на самом деле ванна - или, по крайней мере, душ. "Хорошая квартира", - восхищенно сказал я и вскоре от одного из гостей узнал, что Клара живет в этом же туннеле по соседству. Это изменило мое мнение о Кларе; если она может позволить себе такую дорогостоящую квартиру, что она все еще делает на Вратах? Почему не отправляется домой тратить деньги и наслаждаться? Или напротив: если она здесь, то почему тратит время, работая инструктором - это вряд ли дает ей возможность оплатить все расходы, - и не отправляется за новой добычей?

Я потерял Шери, но тут она сама подошла после медлительного, почти неподвижного фокстрота и привела с собой партнера. Очень молодой человек - мальчик, в сущности: лет девятнадцати. Внешность его показалась мне знакомой: темная кожа, почти белые волосы, небольшая бородка от бачка до бачка - полоской под подбородком. Он не прилетел с Земли вместе со мной. И в нашем классе его не было. Но где-то я его видел.

Шери познакомила нас. "Боб, ты знаком с Фран-

ческо Эрейрой".

- Нет.

- Он с бразильского крейсера. - И тут я вспомнил. Он был один из инспекторов, осматривавших запеченные куски мяса на корабле, который мы видели несколько дней назад. Судя по нашивкам на рукаве, он торпедист. Экипажи крейсеров охраняют Врата и проводят на нем увольнительные. Тут кто-то поставил ленту с записью хоры, дыхание у нас слегка перехватывало, и мы оказались с Эрейрой рядом. Оба пытались посторониться и не мешать танцующим. Я сказал ему, что вспомнил, где его видел.

- О, да, мистер Броудхед. Я помню.

- Тяжелая работа, - сказал я, чтобы что-нибудь сказать. - Верно?

Вероятно, он достаточно выпил, чтобы ответить. "Видите ли, мистер Броудхед, - рассудительно сказал он, - технический термин для описания этой части моей работы - "поиск и регистрация". Не всегда так тяжело. Например, вскоре вы, несомненно, отправитесь в рейс, а когда вернетесь, я или кто-нибудь другой с такими же обязанностями обыщет каждое углубление в вашем корабле, мистер Броудхед. Я выверну ваши карманы, взвешу, измерю и сфотографирую

все в вашем корабле. Чтобы быть уверенным, что вы не утаили что-нибудь ценное от Корпорации. Потом я зарегистрирую все находки: если ничего не обнаружено, я напишу на бланке "ноль", и какой-нибудь член экипажа с любого другого крейсера проделает то же самое. Мы всегда работаем парами".

Мне это не показалось забавным, но и не таким плохим, как я считал вначале. Я сказал ему об этом.

Он сверкнул мелкими, очень белыми зубами. "Когда нужно обыскивать таких старателей, как Шери и Джель-Клара, то совсем неплохо. Этим можно даже наслаждаться. Но мужчин мне обыскивать неинтересно, мистер Броудхед. Особенно мертвых. Приходилось вам бывать в присутствии пятерых человек, которые погибли примерно три месяца назад и не были забальзамированы? Так было на первом корабле, который я осматривал. Не думаю, чтобы еще когда-нибудь мне было так плохо".

Тут подошла Шери, пригласила его на следующий танец, и вечер продолжался.

Приемы бывали часто. Так всегда было, просто мы, новички, не включились еще в общество: но по мере приближения к окончанию курса мы

знакомились со все новыми и новыми людьми. Были прощальные вечеринки. И вечеринки по случаю возвращения, хотя такие происходили реже. Даже если экипаж возвращался, не всегда было что праздновать. Иногда экипаж отсутствовал так долго, что утрачивал всех друзей. Иногда, особенно если повезло, старатели не хотели иметь ничего общего с Вратами - лишь бы побыстрее убраться домой. А иногда вечеринок не было, потому что в палатах интенсивной терапии Терминальной больницы они не разрешены.

Но мы занимались не только приемами; нужно было и учиться. К концу курса мы, предположительно, были специалистами в управлении кораблями, технике выживания и оценке найденного. Только не я, не я. А Шери в этом смысле была еще хуже. С управлением она справлялась, и для оценки найденного у нее был острый глаз. Но она никак не могла вдолбить в голову курс выживания.

Заниматься с ней перед экзаменом было невозможно.

- Ну, ладно, - говорил я ей, - звезда типа А, планета с поверхностным тяготением 0.8 П, парциальное давление кислорода 130 миллибар:

все это означает, что на экваторе температура плюс сорок градусов Цельсия. Что ты наденешь на прием?

Она обвиняюще говорит: "Ты мне даешь легкий случай. Почти Земля".

- Так каков ответ, Шери?

Она задумчиво почесывает под грудью. Потом нетерпеливо качает головой. "Ничего. Я хочу сказать, что на пути вниз я буду, конечно, в комбинезоне, но на поверхности могу ходить в бикини".

- Чепуха! Земные условия означают вероятность биологии земного типа. А это означает болезнетворные микробы, которые съедят тебя.

- Ну, ладно, - плечи ее обвисают, - я буду носить костюм, пока не проверю наличие болезнетворных микробов.

- А как ты это сделаешь?

- Воспользуюсь проклятой сумкой, придурок. - И торопливо добавляет, прежде чем я успеваю что-нибудь сказать:

- Я хочу сказать, достану, допустим, диски базового метаболизма из холодильника и активирую их. Двадцать четыре часа проведу на орбите, дожидаясь, чтобы они созрели, потом, опустившись на поверхность, выставлю их и про-

изведу измерения с помощью... гм... моей С-44.

- С-33. Такой штуки, как С-44, не существует.

- Все равно. Да, и еще возьму набор антител, чтобы в случае каких-нибудь проблем сделать себе укол и приобрести временный иммунитет.

- Кажется, все верно, - с сомнением говорю я. На практике, конечно, ей не нужно это все помнить. Она прочтет инструкции на контейнерах, или прослушает ленты, или, что еще лучше, с ней будет кто-нибудь опытный и подскажет. Но всегда есть вероятность чего-нибудь непредвиденного, и она останется одна. И, конечно, ей еще предстоит сдать последний экзамен. "Что еще, Шери?"

- Самое обычное, Боб. Что, мне опять проходить по всему списку? Ладно. Радиореле, запасной ранец-двигатель, геологическую сумку, десятидневный пищевой рацион - да, конечно, я ничего не стану есть найденного на планете, даже если увижу рядом с кораблем ресторан Макдональдс. Еще запасной тюбик помады и несколько гигиенических пакетов.

Я жду. Она шаловливо улыбается и тоже ждет. "А как же оружие?"

- Оружие?

- Да, черт возьми. Почти земные условия, значит, вероятна жизнь.

- А, да. Посмотрим. Ну, конечно, если оружие понадобится, я его захвачу. Но, минутку, вначале я с орбиты поищу следы метана в атмосфере. Если в спектре нет линий метана, значит, нет и жизни, и мне не о чем беспокоиться.

- Нет только млекопитающих, и тебе есть о чем беспокоиться. А насекомые? Пресмыкающиеся? Длаглатчи?

- Длаглатчи?

- Я придумал это слово. Оно означает тип жизни, о которой мы ничего не знаем. Эти существа не выделяют метан, но зато едят людей.

- А, конечно. Ну, возьму ручное оружие и двадцать комплектом патронов с разрывными пулями. Давай еще вопрос.

Так мы и продолжали. Вначале при повторении мы отвечали на вопросы так: "Ну, мне не о чем беспокоиться, ведь там будешь ты" или "Поцелуй меня лучше, глупая". Но скоро это прекратилось.

И несмотря ни на что, мы кончили курс. Все кончили.

Мы устроили прием по случаю окончания; мы с Шери, и четверо Форхендов, и остальные прилетевшие с нами с Земли, и еще шесть-семь

из разных мест. Посторонних не приглашали, но наши инструкторы не были посторонними. Пришли все пожелать нам удачи. Клара пришла поздно, быстро что-то выпила, расцеловала нас всех, даже парня-финна с языковым блоком, который все инструкции получал только с лент. Вот у него будут проблемы. Инструктивные ленты есть на всех языках, и даже если на данном конкретном диалекте нет, используют компьютерный перевод с ближайшего родственного языка. Достаточно, чтобы изучить курс, но потом начинаются проблемы. По-видимому, вас не примет экипаж, если вы ни с кем не можете разговаривать. Этот парень ни одного другого языка не знал, а на Вратах не было ни одного человека, владеющего финским.

Мы заняли туннель на три двери в обоих направлениях от наших - Шери, Форхендов и моей. Танцевали и пели допоздна. Потом вызвали на экран список предстоящих полетов с вакантными местами и, полные пива и травки, бросили жребий, кому выбирать первым. И я выиграл.

Что-то произошло у меня в голове. Я не протрезвел. Не в этом дело. Я по-прежнему был весел, чувствовал внутреннюю теплоту и был открыт для любых личных сигналов со стороны

окружающих. Но часть моего мозга открылась, выглянула пара трезвых глаз, взглянула на будущее и сделала оценку. "Что ж, - сказал я, - пожалуй, пропущу свой шанс. Сесс, вы номер два; выбирайте".

- Тридцать один ноль девять, - быстро сказал он: все Форхенды давно уже приняли решение на семейном совещании. - Спасибо, Боб.

Я помахал ему рукой. Он в сущности ничем мне не обязан. Это одноместный корабль, а я ни за какие коврижки не полетел бы на одноместном. И вообще ни один номер в списке мне не нравился. Я улыбнулся Кларе и подмигнул; она выглядела серьезной, но потом, по-прежнему серьезная, подмигнула в ответ. Я знал: она поняла, что я понял - ни в одном из этих рейсов не стоит участвовать. Лучшие сразу после объявления перехватываются ветеранами и постоянными работниками.

Шери выбирала пятой, и когда настал ее черед, посмотрела прямо на меня. "Я собираюсь отправиться в трехместном, если меня возьмут. А как ты. Боб? Пойдешь со мной или нет?"

Я усмехнулся. "Шери, - начал я рассудительно, - никто из ветеранов этого не хочет. Корабль бронирован. Ты не знаешь, в какой ад он может

отправиться. Мне не нравится такое количество зеленого (Никто в сущности не знает, что означают цвета, но существует суеверие, что слишком много зеленого цвета свидетельствует об опасности рейса)".

- Но это единственный доступный трехместный, и обеспечена награда.

- Не для меня, милая. Спроси Клару: она тут давно, и я уважаю ее мнение.

- Я тебя спрашиваю, Боб.

- Нет. Подожду чего-нибудь получше.

- Я не стану ждать, Боб. Я уже поговорила с Виллой Форхенд, и она согласна. Если придется, мы полетим с... с кем угодно, - сказала она и посмотрела на парня-финна, который пьяно улыбался, глядя на список. - Но... мы ведь договаривались отправиться вместе.

Я покачал головой.

- Оставайся и можешь сгнить тут, - вспыхнула она. - Твоя подружка трусит не меньше тебя!

Трезвые глаза в моем мозгу взглянули на Клару, на застывшее, неподвижное выражение ее лица; я с удивлением понял, что Шери права. Клара подобна мне. Мы оба боимся лететь.

| Жилетт, Роналд, покинул Врата в прошлом году.

| Всякий имеющий сведения о его нынешнем

| местонахождении, пожалуйста, информируйте жену

| Аннабель, Канадский район, Марс, Тарсис.

| Вознаграждение.

|

| Победители, вновь отправляющиеся в рейсы.

| Пусть ваши деньги работают, пока вы отсутствуете.

| Инвестиция, ссуда под проценты, покупка земли и

| недвижимости. Скромная плата за консультации.

| 88-301.

|

| Порнодиски для длительных одиночных полетов.

| 50 часов за 500 долларов. Удовлетворяются любые

| интересы. Также необходимы модели, 87-108.

Глава 11

Я говорю Зигфриду: "Боюсь, сеанс у нас будет не очень продуктивным. Я истощен. Сексуально, если ты понимаешь, что я имею в виду".

- Я определенно понимаю, что вы имеете в виду, Боб.

- Поэтому мне не о чем говорить.

- Помните какие-нибудь сны?

Я ежусь на матраце. Так уж получилось, что я кое-что помню. И говорю: "Нет". Зигфрид всегда просит меня рассказывать свои сны. А мне это не нравится.

Когда он впервые заговорил об этом, я ему сказал, что редко вижу сны. Он терпеливо ответил: "Вероятно, вы знаете, Боб, что все видят сны. Но, проснувшись, вы можете не помнить свой сон. Однако если постараетесь, можете и вспомнить".

- Нет, не могу. Ты можешь. Ты машина.

- Я знаю, что я машина, Боб, но мы говорим о вас. Хотите попробовать небольшой эксперимент?

- Может быть.

- Это нетрудно. Держите рядом с постелью карандаш и листок бумаги. Как только проснетесь,

запишите все, что помните.

- Но я вообще ничего не помню из своих снов.

- Мне кажется, стоит попытаться, Боб.

Что ж, я сделал это. И знаете, я действительно начал припоминать свои сны. Вначале небольшие фрагменты, обрывки. Я их записывал и иногда рассказывал Зигфриду, и он был счастлив. Он так любит сны.

Я в них особого смысла не вижу... Ну, не вначале. Но потом что-то случилось - я превратился в новообращенного.

Однажды утром я проснулся от сна, такого неприятного и такого реального, что я какое-то время сомневался, сон ли это или действительность, и такого ужасного, что я не осмеливался поверить, что это всего лишь сон. Он так меня потряс, что я принялся его записывать как можно быстрее, записывать все, что мог припомнить. Но тут зазвонил телефон. Я ответил; и знаете, в ту же минуту я совершенно все забыл! Ничего не мог вспомнить! Пока не посмотрел на свои записи. И тут же все вновь встало передо мной.

Ну, когда через день-два я увиделся с Зигфридом, я опять все забыл! Как будто ничего не было. Но я сберег листок бумаги и прочел его Зигфриду.

Это один из тех случаев, когда, как мне кажется, Зигфрид доволен собой, да и мной тоже. Он целый час возится с этим сном. Находит символы и значения в каждом эпизоде. Не помню, что там было, помню только, что мне было совсем не весело.

Кстати, знаете, что самое забавное? Я выбросил листок, уходя от Зигфрида, и теперь ради спасения своей жизни не смог бы сказать вам, о чем был тот сон.

- Я вижу, вы не хотите говорить о снах, - говорит Зигфрид. - Хотите поговорить о чем-нибудь конкретном?

- Нет.

Он не отвечает сразу, я знаю, он ждет, чтобы я что-нибудь сказал. Поэтому я говорю: "Можно задать тебе вопрос, Зигфрид?"

- Как всегда. Роб. - Иногда мне кажется, он пытается улыбнуться. Я имею в виду - улыбнуться по-настоящему. Так во всяком случае звучит его голос.

- Ну, я бы хотел знать, что ты делаешь со всем, что я тебе рассказываю.

| *1316 - Очень хорошо, что вы 115,215*
| *Рассматриваете свой 115,220*
| *Разрыв с Друзиллой, 115,225*

| *Как полезный опыт. Боб. 115,230*
| *1318 - Я очень здоровая 115,235*
| *Личность, Зигфрид, 115,240*
| *Поэтому я здесь. 115,245*
| *1319 - IRRAY (DE)=IRRAY (DF) 115,250*
| *1320 - Что такое жизнь? 115,255*
| *Переход от одного 115,260*
| *Опыта к другому, 115,260*
| *А когда все изучишь, 115,265*
| *Заканчиваешь курс, 115,270*
| *А в качестве 115,275*
| *Диплома 115,280*
| *Умираешь. 115,285*

- Я не совсем уверен, что понял ваш вопрос, Робби. Если вы спрашиваете о программе сохранения информации, ответ сугубо технический.

- Нет, я не это имел в виду. - Я колеблюсь, стараясь точнее сформулировать вопрос и в то же время удивляясь, почему задаю его. Думаю, это все связано с Сильвией, бывшей католичкой. Я завидовал ей, говорил, что глупо с ее стороны оставлять церковь, особенно исповеди. Внутренность моей головы усеяна сомнениями и страхами, от которых я не могу избавиться. Мне хотелось бы излить их исповеднику. Я так и вижу, как выплескиваю это все священнику,

принимающему исповедь, а тот в свою очередь епископу (точно не знаю; в сущности я мало знаю о церкви), и все это доходит до папы, у которого есть специальный бак для боли, страданий и вины со всей земли: а уж оттуда уходит непосредственно к Богу. (В том случае, если Бог существует, или, по крайней мере, существует адрес "Бог", куда можно направлять весь этот вздор).

Дело в том, что нечто подобное я вижу и в психотерапии: местные накопители сливаются в окружные отстойники, оттуда дальше - пока не попадают к психиатрам из плоти и крови, если вы понимаете, что я хочу сказать. Если бы Зигфрид был живой личностью, он не выдержал бы всех страданий, которые изливаются в него. Прежде всего у него возникли бы собственные проблемы. И мои, потому что именно так я от них избавляюсь - передаю их ему. И проблемы других пациентов, которые разделяют со мной его горячий матрац. И он вынужден был бы изливать все это другому человеку, а тот другому, все выше и выше, пока не пришли бы... к чему? Может, к духу Зигмунда Фрейда?

Но Зигфрид не реальный человек. Он машина. Он не может испытывать боль. Так куда же ухо-

дит вся эта боль и грязь?

Я пытаюсь объяснить это ему, заканчивая так: "Разве ты не понимаешь, Зигфрид? Если я отдаю свою боль тебе, а ты передаешь ее еще кому-то, то ведь где-то это должно кончиться. Мне не кажется, что она превращается во что-то типа магнитных пузырей и поднимается туда, где ее никто никогда не чувствует".

- Не думаю, чтобы было полезно обсуждать с вами природу боли, Роб.

- А полезно ли обсуждать, реален ты или нет? Он почти вздыхает. "Боб, - говорит он, - Не думаю также, что полезно обсуждать с вами природу реальности. Я знаю, что я машина. И вы знаете, что я машина. Какова цель нашей встречи здесь? Мы здесь, чтобы помочь мне?"

- Иногда я сомневаюсь, - отвечаю я сердито.

- Не думаю, чтобы вы действительно сомневались. Вы знаете, что приходите сюда, чтобы получить помощь, и единственная возможность для этого - что-то изменить у вас внутри. То, что я делаю с информацией, может удовлетворять ваше любопытство; к тому же это дает вам возможность провести сеанс в интеллектуальной беседе, вместо терапии...

- Туше, Зигфрид, - прерываю я его.

- Да. Но дело в том, как вы поступаете с этой информацией, как вы себя чувствуете, как вы функционируете в обществе. Пожалуйста, Боб, занимайтесь тем, что внутри вашей головы, а не моей.

Я восхищенно говорю: "Ты ужасно умная машина, Зигфрид".

Он отвечает: "У меня такое впечатление, будто вы на самом деле говорите: "Как мне ненавистны твои кишки, Зигфрид".

Никогда не слышал, чтобы он так говорил, и это захватывает меня врасплох. Но потом я припоминаю, что на самом деле говорил ему так, и не однажды. И это правда.

Я ненавижу его кишки.

Он пытается мне помочь, и я ненавижу его. Я думаю о сладкой сексуальной С.Я, и как охотно она делает все, о чем я ее прошу. Мне очень хочется сделать Зигфриду больно.

Глава 12

Однажды утром я пришел к себе и обнаружил, что пьезофон слегка ноет, как далекий рассерженный комар. Я нажал кнопку записи и узнал, что меня приглашает к десяти помощница директора по персоналу. Было уже позже десяти. У меня выработалась привычка проводить большую часть дня и всю ночь с Кларой. Ее кровать была гораздо удобнее моей. Я получил вызов уже около одиннадцати, и мое опоздание не улучшило настроение помощницы.

Это оказалась очень полная женщина по имени Эмма Фотер. Она отмела мои извинения и заявила: "Вы окончили курс семнадцать дней назад. И с тех пор ничего не делали".

- Я жду подходящего рейса, - ответил я.

- И долго собираетесь ждать? У вас остаются оплаченными только три дня.

- Ну, что ж, - сказал я, почти правдиво, - я и сам собирался сегодня заглянуть к вам. Мне нужна работа на Вратах.

- Пф! Вы для *этого* прилетели на Врата? Чистить канализацию?

Я был уверен, что она блефует, потому что

на Вратах почти нет канализации: недостаточное тяготение для этого. "О подходящем рейсе могут объявить в любой день".

- Конечно, Боб. Вы знаете, такие, как вы, меня беспокоят. Представляете ли вы, как важна наша работа?

- Думаю, да...

- Перед нами вся вселенная. Мы должны обыскать ее и принести домой все полезное! А сделать это можно только с помощью Врат. Такие люди, как вы, выросшие на планктонных фермах...

- Я вырос на вайомингской пищевой шахте.

- Неважно! Вы знаете, как отчаянно человечество нуждается в том, что мы можем ему дать. Новые технологии. Новые источники энергии. Пища! Новые миры, пригодные для жизни. - Она покачала головой и начала рыться в картотеке на столе: выглядела она одновременно сердитой и обеспокоенной. Вероятно, проверяла, сколько нас, бездельников и паразитов, сумела выпроводить, заставила делать то, к чему мы предназначены. Этим объяснялась ее враждебность - ну и, конечно, стремлением самой остаться на Вратах. Она оставила картотеку, встала и подошла к картотечному шкафу у стены. - Допустим, я найду вам работу, - бросила

она через плечо. - Здесь полезны только ваши знания старателя, больше вы ничего не умеете.

- Я возьмусь за любую работу. Почти любую.

Она вопросительно взглянула на меня и вернулась к столу. Учитывая ее массу в сто килограммов, двигалась она поразительно грациозно. Может, потому и держится за свою работу и остается на Вратах. Тут и полная женщина кажется привлекательной. "Вы будете выполнять самую неквалифицированную работу, - предупредила она. - За нее платят не очень много. Одна восьмая в день".

- Беру!

- Ваши деньги за содержание подходят к концу. Скоро они кончатся, и у вас останется долларов двадцать на день разменной монетой.

- Я всегда могу подработать, если понадобится.

Она вздохнула. "Вы пропускаете и сегодняшний день. Боб. Не знаю. Наш директор мистер Сен очень внимательно следит за всеми назначениями. Мне трудно будет оправдать перед ним принятие вас на работу. А что если вы заболеете и не сможете работать? Кто будет платить за вас?"

| *ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ*
|
| *Корабль 3-31, рейс 08В27. Экипаж К.Пит-*

рин,

| Н.Гинза, Дж.Краббе.

|

| Время до цели 19 суток и 4 часа. Конечный

| пункт не определен, в окрестностях (плюс минус два

| световых года) Зеты Тельца.

|

| Резюме. Вышли на трансполярной орбите, планета

| с радиусом 0.88 земного, на расстоянии в две

| астрономические единицы от центральной звезды. У

| планеты три небольших спутника. Компьютер

| установил наличие еще шести планет. Центральная

| звезда К7.

|

| Совершили посадку. Планета, очевидно,

| переживает теплый период. Ледниковых шапок нет, и

| современные береговые линии кажутся

недавнего

| происхождения. Никаких признаков обитания. Нет

| разумной жизни.

|

| Сканирование обнаружило вероятную станцию хичи

| на орбите. Мы подлетели к ней. Она оказалась

| нетронутой. Когда мы попытались войти в нее, она

| взорвалась, при этом был убит Н.Гинза. Наш корабль

| был поврежден, и мы вернулись. На обратном пути

| умер Дж.Краббе. Никаких артефактов не было

| сохранено. Биообразцы с планеты погибли при

| взрыве.

- Придется вернуться, вероятно.

- И пропадет вся ваша подготовка? - Она покачала головой. - Вы вызываете во мне отвращение, Боб.

Но она протянула мне рабочий билет. Я должен был явиться к шефу персонала на уровне

Гранд, сектор Север, чтобы получить указания.

Разговор с Эммой Фотер мне не понравился, но меня об этом предупреждали. Когда вечером я рассказывал о нем Кларе, она сказала, что я еще легко отделался.

- Тебе повезло с Эммой. Старый Сен иногда тянет, пока у человека совсем не кончается оплата содержания.

- Что тогда? - спросил я, садясь на ее кровать и нагибаясь за носками. - Выбрасывают из шлюза?

- Не смейся, может дойти и до этого. Сен человек типа Мао, он очень жесток по отношению к общественно бесполезным людям.

- Как приятно с тобой поговорить!

Она улыбнулась, перевернулась и потерлась носом о мою спину. "Разница между тобой и мной. Боб, в том, что я после первого рейса сумела удержать пару баков. Заплатили не очень много, но все-таки заплатили. К тому же я была в полете, а тут такие люди нужны как инструкторы".

Я откинулся на ее бедро, полуобернулся и положил на нее руку, не агрессивно, а скорее вспоминающе. Существовали темы, на которые мы не разговаривали, но... "Клара?"

- Да?

- Каково это, полет?

Она какое-то время терлась подбородком о мое предплечье, глядя на голограмму с изображением Венеры на стене. "...Страшно", - наконец ответила она.

Я ждал, но она больше ничего не говорила, а это я уже знал. Я был испуган с самого прибытия на Врата. И мне не нужно было пускаться в Загадочное Путешествие с Хичи, чтобы понять, каково быть испуганным. Это мне уже известно.

- У тебя нет выбора, дорогой Боб, - сказала она почти нежно - для нее.

Я почувствовал внезапный приступ гнева. "Да! Ты точно описала мою жизнь, Клара! У меня никогда не было выбора - кроме одного случая, когда я выиграл в лотерею и прилетел сюда. И не уверен, что я тогда сделал правильный выбор".

Она зевнула и еще немного потерлась о мою руку. "Если с сексом покончено, - решила она, - я бы хотела поесть чего-нибудь перед сном. Пошли со мной в "Голубой Ад", я тебя угощу".

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*
|
| *Прислуга, повариха или компаньон. Плата 10*
| *долларов в день. Филлис, 88-423.*

| *Пища для гурманов, труднодоставляемые земные*
| *продукты. Воспользуйтесь преимуществами массовой*
| *доставки, не заказывайте дорогостоящую*
| *индивидуальную доставку. Предлагаем каталоги.*
| *Сиер, Бредли. 87-747.*
|
| *Новичок из Австралии, хорошая внешность, ищет*
| *интимного знакомства с женщиной француженкой.*
| *65-182.*

Отдел ухода за растениями занимался, очевидно, уходом за растениями, особенно за ивами, которые поддерживали Врата в пригодном для жизни состоянии. Я доложил о прибытии, и, к моему удивлению - к приятному удивлению, - старшим нашей группы оказался мой безногий сосед Шикетей Бакин.

Он приветствовал меня как будто с искренней радостью. "Прекрасно, что вы с нами, Робинетт, - сказал он. - Я думал, вы сразу улетите".

- Улечу, Шики, и очень скоро. Как только увижу в расписании подходящий рейс, сразу его узнаю.

- Конечно. - Он больше не говорил об этом и представил меня остальным работникам. Я не очень к ним присматривался, помню только, что девушка была каким-то образом связана дома с знаменитым хичиологом профессором Хеграметом, а двое мужчин неоднократно бывали в рейсах. Да мне и не нужно было к ним присматриваться. Мы и так знали друг о друге самое важное: никто из нас не готов был вписать свое имя в список экипажей предстоящих полетов.

Я еще не позволял себе думать, почему это так.

Уход за растениями, однако, давал возможность подумать. Шики немедленно дал мне работу: я должен был прикреплять скобы к стенам из металла хичи при помощи клейкого вещества. Это был специально разработанный клей. Он брал и металл хичи, и ребристые ящики с растениями и одновременно не содержал в себе никакого растворителя, который мог бы испариться и загрязнить атмосферу. Очень дорогой клей. Если попадет на вас, вам придется с этим жить, пока кожа не омертвеет и не начнет шелушиться. А если попробовать стереть его, дотрешь до крови.

Когда дневная норма скобок была подвешена,

мы все отправились вниз, к отстойникам, взяли там ящики с отходами, покрытые пластмассовой пленкой. Мы устанавливали их на скобки и закрепляли при помощи гаек, потом соединяли с водяными бачками. На Земле каждый ящик весил бы не менее ста килограммов, но на Вратах об этом даже не думаешь: тонкая фольга, из которой они были сделаны, вполне удерживала их на скобках. Когда все было окончено, Шики сам взял поднос с всходами и начал их рассаживать, а мы отправились к следующему участку установки скоб. Забавно было смотреть на Шики. Поднос с саженцами был у него подвешен на шее, как продавщицы сигарет подвешивают свой товар. Одной рукой он держал поднос, а другой сажал растеньица в ящики.

Работа нетрудная и полезная (мне кажется), и она позволяла провести время. Шики не заставлял нас трудиться сверх сил. У него в голове была установлена норма на каждый день. Как только мы подвешивали шестьдесят ящиков и засаживали их, можно было болтаться без дела, конечно, не очень попадаясь на глаза. Ко мне приходила Клара, иногда с девочкой, да и других посетителей было немало. А когда время тянулось медленно и не с кем было поговорить,

можно было уйти на час-другой. Я побывал во многих частях Врат, где не бывал раньше, и каждый день все откладывал свое решение.

Мы все говорили о вылетах. Почти ежедневно слышали грохот и ощущали вибрацию. Это шлюпка выводила корабль из дока на орбиту, где мог включиться основной двигатель. Почти столь же часто ощущался другой, более слабый толчок, когда корабль возвращался. По вечерам мы отправлялись на чьи-нибудь вечеринки. Почти все мои соученики по классу уже отправились. Шери улетела на пятиместном корабле; я не виделся с ней и не спросил, почему она изменила свои планы; я не уверен, что мне действительно хотелось это узнать; все остальные члены экипажа ее корабля были мужчины. Это был немецкоязычный экипаж, но, вероятно, Шери решила, что ей особенно не понадобится разговаривать. Последней улетала Вилла Форхенд. Мы с Кларой отправились на ее прощальную вечеринку, а оттуда к докам, чтобы посмотреть ее старт на следующее утро. Я должен был работать, но, думаю, Шики не особенно возражал. К несчастью, тут был и мистер Сен, и я видел, что он меня узнал.

- Дерьмо, - сказал я Кларе.

Она хихикнула, взяла меня за руку, и мы смылись со стартовой площадки. Шли до тех пор, пока не встретили идущий вверх кабель и поднялись на следующий уровень. Сидели на берегу озера Верхнего. "Шики - старый жеребец, - сказала она, - вряд ли он тебя за первый случай уволит. Ну, поругает, вероятно".

Я пожал плечами и швырнул кусок фильтрующего булыжника в изогнутую поверхность озера, которое расстилалось перед нами почти на двести метров в пещере Врат. Чувствовал я себя отвратительно и думал, уж не настал ли момент, когда нежелание сидеть в глубине Врат превысило страх перед вылетом в космос. Странная штука этот страх. Я его не ощущал. Я знал, что остаюсь здесь по единственной причине - из-за страха, но в то же время мне казалось, что я не боюсь, только проявляю благоразумие.

- Я думаю, - сказал я, начиная предложение, в окончании которого не был уверен, - что собираюсь с этим покончить. Хочешь отправиться со мной?

Она встряхнулась. Помолчала, прежде чем ответить. "Может быть. Что ты надумал?"

Я ничего не надумал. Я был зрителем, наблюдающим, как сам я говорю такое, отчего

загибаются пальцы на ногах. Но сказал, как будто планировал это уже много дней: "Я думаю, стоит попробовать повтор".

- Без меня! - Она выглядела чуть ли не рассерженной. - Если я отправлюсь, то туда, где настоящие деньги.

И туда, где настоящая опасность, конечно. Впрочем и повторы бывают опасными.

Вот что такое повтор. Вы вылетаете в корабле, в котором уже кто-то летал и вернулся, и не только это, но и нашел нечто ценное, за чем стоит слетать еще раз. Некоторые из этих находок чрезвычайно ценны. Например, планета Пегги, откуда привозят нагреватели хичи и меха. Или Эта Карина Семь, которая, вероятно, полна ценностей, если только вы сумеете до них добраться. Беда в том, что после ухода хичи на планете начался ледниковый период. Бури там ужасны. Из пяти шлюпок одна вернулась со всем экипажем. Одна вообще не вернулась.

Вообще говоря, Врата не очень поощряют повторы. Когда находки даются легко, например, на Пегги, администрация не платит проценты, а просто оплачивает конкретный рейс. Платят они не столько за находки, сколько за карты. Вы улетаете туда и крутитесь на орбите, стара-

ясь заметить геологические аномалии, которые свидетельствуют о подземельях хичи. Можете вообще не высаживаться. Плата хорошая, но не чрезмерно. Нужно сделать не менее двадцати рейсов, чтоб заработать на всю жизнь, если вы летите на условиях администрации - с выплатой за конкретный рейс. А если вы захотите отправиться как старатель, вам придется выплачивать процент от всех находок экипажу первооткрывателей, да к тому же оставшееся будет значительно урезано в пользу Корпорации. И получаешь небольшую долю от того, что получил бы, если бы это была настоящая находка.

| *От Шикетея Бакина Арисуне, его достойному внуку.*

|

| *Я полон радости от полученной новости о*

| *рождении твоего первого ребенка. Не отчаивайся.*

| *Следующий, вероятно, будет мальчик.*

|

| *Покорно извиняюсь за то, что не написал*

| *раньше, но писать не о чем. Я работаю и*

пытаюсь,

| как могу, создавать красоту. Может, когда-нибудь я

| снова улечу. Без ног это нелегко.

|

| Разумеется, Арисуне, я мог бы купить себе

| новые ноги. Всего несколько месяцев назад были

| подходящие по составу ткани. Но цена! Все равно

| что купить Полную медицину. Ты любящий внук и

| советуешь мне употребить на это мой капитал, но я

| должен решить. Я высылаю тебе половину своего

| состояния, чтобы ты мог справиться с расходами на

| мою правнучку. Если я умру здесь, ты получишь все

| остальное, для тебя и для твоих детей, которые

| родит твоя достойная супруга. Я так хочу. Не спорь

| со мной.

| *Шлю свою искреннюю любовь всем вам троим. Если*
| *сможешь, пришли мне голо цветущей вишни - она ведь*
| *скоро расцветет, верно? Здесь утрачиваешь*
| *представление о времени дома.*
|
| *Твой любящий дедушка.*

| *ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ*
|
| *Корабль 5-2, рейс 08В33. Экипаж Л.Конечны,*
| *Е.Конечны, Ф.Ито, Ф.Лансбери, А.Акага.*
|
| *Время до цели 27 суток 16 часов. Центральное*
| *светило не установлено, но высока вероятность, что*
| *это звезда в скоплении 47 в созвездии Тукана.*
|
| *Резюме. Вышли в свободном полете. Поблизости*
| *никаких планет. Центральная звезда А6,*

очень яркая
| и горячая, приблизительное расстояние 3,3
| астрономической единицы.
|
| Затемнив центральную звезду, мы увидели
| великолепное зрелище: две-три сотни очень ярких
| звезд, видимой светимости от 2 до -7. Однако
| никаких артефактов, сигналов, планет или пригодных
| для высадки астероидов не обнаружено. Мы
| оставались там всего три часа из-за интенсивной
| радиации звезды А6. Ларр и Эвелин Конечны серьезно
| болели на обратном пути, вероятно, из-за
| облучения, но поправились. Никаких образцов или
| артефактов.

Можно рассчитывать на премию: сто миллионов долларов, если найдешь чуждую цивили-

зацию, пятьдесят миллионов тем, кто найдет корабль хичи, больший, чем пятиместный, миллион баков за открытие пригодной для заселения планеты.

Вам кажется странным, что платят всего какой-то несчастный миллион за целую планету? Беда вот в чем. Ну, нашли вы планету. И что вы с ней будете делать? Нельзя рассчитывать избавиться от избытка населения, если можно перевозить за раз только четверых. Четыре человека плюс пилот - это все, что можно вместить на крупнейший корабль на Вратах. (А если пилота не будет, корабль не вернется). Так что Корпорация поддерживает несколько небольших колоний, одну процветающую на Пегги, остальные чуть живы. Но это не решает проблему двадцатипятимиллиардного населения, по большей части голодающего.

Большие премии на повторах не заработать. Может, их вообще невозможно получить, может, то, за что их обещают, вообще не существует.

Странно, что никто не нашел ни следа чуждого разумного существа. Но за восемнадцать лет, за две с лишним тысячи полетов никто не нашел. Нашли с десяток пригодных для обитания планет плюс еще сотню таких, на которых человек

сможет выжить, если это абсолютно необходимо; как живут, например, на Марсе или на Венере. Найдены слабые следы прошлой цивилизации - не человеческой и не хичи. И еще подарки от хичи. И их, кстати, в "муравейниках" Венеры больше, чем мы нашли в остальной Вселенной. Даже Врата были очищены почти полностью, когда хичи уходили.

Проклятые хичи, зачем им понадобилась такая аккуратность?

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*
|
| *Органы на продажу. Любые парные органы,*
| *лучшего качества. Нуждающимся предлагаем левое*
| *предсердие, левый и правый желудочки и прилегающие*
| *органы. Для проверки совместимости тканей телефон*
| *88-703.*
|
| *Игра в хнефаталь, шведский и московский стили.*
| *Большой турнир Врат. Научим. 88-122.*
|

| Приятель из Торонто хотел бы послушать, каково

| там, вне. Адрес Тони, 995 Бей Торонто Канада

| V5S2F3.

|

| Помогаю выплакаться. Я помогу вам понять вашу

| боль. 88-622.

Итак, мы отказались от повторов, потому что на них не заработаешь, и выбросили из головы специальные премии за находки, потому что планировать эти находки невозможно.

Наконец мы замолчали и смотрели друг на друга, а потом даже не стали смотреть.

Что бы мы ни говорили, мы не полетим. У нас не хватает смелости. Клара сломалась в своем последнем полете, а я даже этого не пережил.

- Ну, - сказала Клара, вставая и потягиваясь, - пожалуй, поднимусь вверх и выиграю несколько баков в казино. Хочешь посмотреть?

Я покачал головой. "Лучше вернусь на работу. Если она еще у меня есть". Мы поцеловались и пошли в ствол. Когда кабель достиг моего уровня, я потрепал Клару по лодыжке и выпрыгнул. Настроение было не очень. Мы столько усилий

затратили на утверждения, что только на нынешние рейсы не стоит записываться, что я сам почти поверил в это.

Конечно, мы даже не упоминали другой тип вознаграждения - премии за опасность.

Надо совсем дойти, чтобы отправиться за ними. Например, Корпорация предлагает премию в полмиллиона долларов тем, кто согласится вылететь по курсу, по которому уже вылетал корабль... и не вернулся. Полагают, что, возможно, что-то произошло с кораблем, горючее кончилось, например. А второй корабль, может быть, даже спасет экипаж первого. (Отличный шанс!) Более вероятно, разумеется, то, что прикончило первый корабль, по-прежнему там и ждет вас.

Раньше была премия в миллион, потом ее повысили до пяти миллионов, если вы попытаетесь изменить установку курса после старта.

Причина повышения премии до пяти миллионов в том, что не стало находиться добровольцев. Все, буквально все, пытавшиеся это сделать, не вернулись. Потом перестали приглашать и наконец запретили всякие изменения курса. Но время от времени запускают корабли, с которыми что-нибудь сделали, например, подстроили компьютер, который предположительно

должен вступить в симбиоз с системами хичи. На такие корабли тоже не стоит ставить. Запрет на изменение курса дан не без причины. Курс нельзя изменить, находясь в корабле. Может, вообще его нельзя изменить, не уничтожив при этом корабль.

Я однажды видел, как пять человек попытались получить десятимиллионную премию за опасность. Какой-то гений из постоянного штата Корпорации работал над тем, как перевозить за раз больше пяти человек или соответствующий эквивалент в грузе. Мы не знаем, как построить корабль хичи, и не было найдено ни одного по-настоящему большого корабля. Поэтому он решил обойти препятствие, используя пятиместный корабль как что-то вроде буксира.

Из металла хичи построили космическую баржу. Ее нагрузили мусором и вывели на энергии шлюпки пятиместный корабль. Шлюпка работает на жидком кислороде и водороде, и их легко накачать снова. Потом привязали баржу к кораблю одноволоконными тросами хичи.

Мы следили за всем этим по телевидению. Видели, как натянулись тросы, когда корабль начал разгоняться на энергии шлюпки. Затем

включили основной двигатель.

Мы видели на экране, как баржа дернулась, а корабль просто исчез.

Он не вернулся. Замедленная съемка показала последние мгновения происходившего. Тросы разрезали корабль на части, как крутое яйцо. Люди в нем так и не поняли, что случилось. Десять миллионов остались у Корпорации; никто больше не захотел попытаться.

Я выдержал вежливую укоризненную лекцию Шики и короткий, но крайне неприятный звонок Сена, но это все. Через день-два Шики снова начал позволять нам отлынивать.

Почти все время я проводил в Кларой. Часто мы договаривались встретиться в ее постели, иногда - для разнообразия - в моей. Почти каждую ночь мы спали вместе. Может, вам кажется, что мы пресытились этим? Нет. Спустя какое-то время я уже не понимал, зачем мы занимаемся сексом: ради удовольствия или чтобы не думать о том, какие мы на самом деле. Я обычно лежал и смотрел на Клару, которая отворачивалась, лежа на животе, и закрывала глаза, даже если мы через две минуты собирались вставать. Я думал о том, как хорошо знаю каждую складку и каждый изгиб ее тела. Я чувствовал ее слад-

кий запах - запах секса и желания, о, желания! Желания того, что мне недоступно, что я не мог высказать: квартиры под Большим Пузырем для нас с Кларой, воздушной лодки и ячейки в туннелях Венеры для нас с Кларой, даже жизни в пищевых шахтах с Кларой. Вероятно, я был влюблен. Но тут, по-прежнему глядя на нее, я чувствовал, как поворачивается мой внутренний взгляд и меняется картина, и я вижу женский эквивалент меня самого: труса, которому дан величайший шанс, какой может быть дан человеку, и который страшно боится им воспользоваться.

Встав с постели, мы вдвоем бродили по Вратам. Похоже на свидания. Мы не часто ходили в "Голубой Ад", или в залы голограмм, или даже в рестораны. Вернее, Клара ходила. Я не мог себе этого позволить и ел обычно в столовой Корпорации; там пища включена в мое ежедневное содержание. Клара не отказывалась платить за нас обоих, но и не очень радовалась этому: в последнее время она много играла и много проигрывала. Но были и другие возможности: группы народных танцев, вечеринки, вечеринки с картами, концерты, дискуссионные группы. Все это бесплатно и иногда интересно. Или мы

просто исследовали новые места.

Несколько раз мы побывали в музее. Мне там не очень понравилось. Я чувствовал какую-то... ну... укоризну.

Первый раз мы оказались там в тот день, как я пропустил работу, в день отлета Виллы Форхенд. Обычно музей полон народу: экипажи с крейсеров, с коммерческих кораблей, туристы. На этот раз почему-то было всего несколько человек, и мы могли спокойно все рассмотреть. Сотни молитвенных вееров, этих маленьких тонких хрустальных штук, самых часто встречающихся артефактов хичи: никто не знает, для чего они предназначались, но они очень красивы, и хичи оставляли их повсюду во множестве. Оригинал анизокинетического двигателя, который уже принес счастливчику - нашедшему его старателю - в процентах от использования двадцать миллионов долларов. Его вполне можно сунуть в карман. Шкуры. Растения в формалине. Оригинал пьезофона, сделавший каждого из членов трех экипажей ужасно богатым.

Вещи, которые легче всего украсть: молитвенные веера, кровавые бриллианты, огненные жемчужины, - находились за прочным небьющимся стеклом. Я думаю, к ним даже

подведена сигнализация. Это удивительно - для Врат. На Вратах не действуют никакие законы, кроме распоряжений администрации. У Корпорации есть своя полиция и есть правила - нельзя, допустим, красть или убивать, - но нет никаких судов. Если вы нарушаете правила и служба безопасности Корпорации вас засекла, вас отправляют на один из крейсеров на орбите. Ваш собственный крейсер, откуда вы прилетели. Но если крейсер не захочет вас принять или если вам удастся договориться с каким-нибудь другим кораблем. Корпорация не возражает. На крейсере вы предстаете перед судом. Поскольку с самого начала известно, что вы виноваты, у вас есть три выхода. Первый - оплатить дорогу домой. Второй - поступить на службу на крейсер, если вы ему нужны. Третий - выброситься из шлюза без скафандра. Поэтому, как вы поняли, хоть на Вратах нет законов, но и преступлений почти не бывает.

Но, конечно, драгоценные экспонаты все равно закрывают, потому что у туристов может возникнуть искушение прихватить один-два сувенира.

И вот мы с Кларой рассматривали кем-то найденные сокровища... и не обсуждали то, что

нам следует отправиться на поиски новых.

И дело не только в экспозициях. Конечно, они очаровывали: это вещи, которых касались руки (щупальца, клешни?) хичи, и пришли они из невообразимо далеких мест. Но еще больше меня привлекали мерцающие экраны. На них постоянно сменялись данные: отчеты обо всех полетах, один за другим; соотношение вылетов к возврату; суммы, выплаченные счастливцам-старателям; список тех, кому не повезло, медленный длинный список, имя за именем, ползущий по экрану. Общий итог: 2355 стартов (пока мы были в музее, число изменилось вначале на 2356, потом на 2357; мы ощутили вибрацию двух стартов), 841 успешное возвращение.

Стоя перед какой-нибудь витриной, мы с Кларой не смотрели друг на друга, но я чувствовал, как она сжимает мою руку.

Определение "успешный" несколько условно. Оно означает, что корабль вернулся. Оно ничего не говорит о том, вернулся ли экипаж и в каком состоянии.

После этого мы ушли из музея и на обратном пути почти не разговаривали.

Я подумал, что Эмма Фотер сказала мне правду:

человечество нуждается в достижениях старателей. Очень нуждается. Многие голодают, и, возможно, технология хичи сделает их жизнь более терпимой. Если старатели отыщут образцы этой технологии.

Даже если это стоит нескольких жизней.

Даже если это жизнь Клары и моя собственная. Хочу ли я, задал я себе вопрос, чтобы мой сын - если у меня когда-нибудь будет сын - провел детство, как я?

Мы вышли на уровне Бейб и услышали голоса. Я не обратил на них внимания. Я пришел к решению. "Клара, - сказал я, - Клара, послушай. Давай..."

Но Клара смотрела мимо меня. "Боже! - сказала она. - Посмотри, кто это!"

Я повернулся и увидел висящего в воздухе Шики, он разговаривал с девушкой, и я с изумлением понял, что это Вилла Форхенд. Она поздоровалась с нами, выглядела она одновременно смущенной и довольной.

- Что случилось? - спросил я. - Ты разве не вылетела только что? Около восьми часов назад?

- Десять, - ответила она.

- Что-то случилось с кораблем, и вам удалось вернуться? - предположила Клара.

Вилла печально улыбнулась. "Ничего подобного. Я вылетела и вернулась. Самый короткий рейс из всех: я побывала на Луне".

- На земной Луне?

- Да. - Казалось, она с трудом сдерживает смех. Или слезы.

Шики утешающе сказал: "Тебе обязательно дадут премию, Вилла. Один корабль полетел на Ганимед, и Корпорация разделила между членами экипажа полмиллиона долларов".

Она покачала головой. "Даже я все понимаю, Шики, дорогой. Конечно, нам дадут премию. Но слишком маленькую, так что никакой разницы. Нам нужно больше". - Вот что удивительно в этих Форхендах: они всегда говорят "мы". Очень дружная семья, хотя с посторонними они об этом не говорят.

Я дотронулся до нее - утешая, выражая сочувствие. "Что ты собираешься делать?"

Она удивленно посмотрела на меня. "Я уже записалась на старт. Послезавтра".

- Что ж, - сказала Клара, - значит, у нас будут две вечеринки! Надо позаботиться... - Несколько часов спустя, когда мы ложились спать, она спросила:

- Ты что-то хотел сказать, когда мы увидели

Виллу?

- Забыл, - сонно ответил я. Но я не забыл. Я знал, что это было. Но сказать об этом уже не захотел.

| *ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАДА ХИЧИ*

|

| *Профессор Хеграмет. Мы понятия не имеем, как*

| *выглядели хичи, судить можем только по косвенным*

| *данным. Вероятно, они были двуногими. Их*

| *инструменты неплохо подходят к человеческим рукам,*

| *значит у них, вероятно, были руки. Или что-то*

| *подобное. Они как будто видели в том же спектре,*

| *что и мы. Они меньше нас, примерно сто тридцать*

| *сантиметров или чуть меньше. И у них был очень*

| *своеобразные задницы.*

|

| *Вопрос. Что это значит - своеобразные задницы?*

|

| *Профессор Хеграмет. Вам приходилось*

| *когда-нибудь видеть сидение пилота на корабле*

| *хичи? Это две пластины, соединенные в форме буквы*

| *М. На них невозможно усидеть и десять минут. Нам*

| *приходится закрывать их специальной сеткой. Но это*

| *человеческое приспособление. У хичи ничего*

| *подобного не было.*

| *Их тела, должно быть, напоминали тело осы, с*

| *большим свисающим животом, который опускается ниже*

| *колен и висит меж ног.*

|

| *Вопрос. Вы хотите сказать, что они жалились,*

| *как осы?*

|

| *Профессор Хеграмет. Жалились? Нет. Не думаю.*

| *Хотя, конечно, все может быть. А может, это место для половых*
| *органов.*

Бывали дни, когда я почти решался снова попросить Клару лететь со мной. А бывали дни, когда возвращался корабль с изголодавшимися, иссохшими от жажды, но выжившими людьми, или корабль, на котором вообще выживших не было, или в списке просто отмечалось, что все сроки прошли и корабль считается погибшим. В такие дни я почти решался вообще покинуть Врата.

А в основном мы просто уклонялись от решения. Приятно было исследовать Врата и друг друга. Клара наняла прислугу, приятную низкорослую молодую женщину с пищевых шахт Кармартена, по имени Хайва. Если не считать того, что источником выращивания одноклеточных пищевых водорослей в Уэльсе служил уголь, а не нефтяной сланец, ее мир был почти таким же, как мой. Вырвалась она оттуда не благодаря выигрышу в лотерее, а отслужив два года на коммерческом космическом корабле. Она даже не может вернуться домой. Она высадилась с корабля на Вратах, лишившись всех денег. И отправиться старателем она не может:

у нее сердечная аритмия; иногда ее состояние улучшается, а иногда ей приходится неделями лежать в терминальной больнице. Хайва готовила, прибиралась у Клары и у меня и иногда сидела с маленькой девочкой, Кэти Френсис, когда ее отец был занят, а Клара не хотела, чтобы ее беспокоили. Клара много проигрывала в казино, поэтому она в сущности не могла позволить себе прислугу, но меня она также не могла себе позволить.

Друг перед другом, а иногда и перед собой, мы делали вид, что готовимся, тщательно готовимся к тому дню, когда подвернется Подходящий Рейс.

Делать это было нетрудно. Многие настоящие старатели поступают также между рейсами. Существовала группа, называвшая себя "Искатели хичи"; ее основал старатель по имени Сэм Кахане: пока он бывал в рейсе, его заменяли другие; теперь он вернулся и ждал, пока остальные два члена его экипажа достаточно оправятся, чтобы вновь пуститься в полет (между прочим, среди других болезней они вернулись с цингой из-за отказа холодильника в полете). Сэм и его друзья были отличными парнями: очевидно, у них была устойчивая трехчленная связь, но это

не мешало им интересоваться хичи. У него были записи нескольких курсов лекций профессора Хеграмета, наиболее известного специалиста в исследовании хичи. Я узнал многое не известное мне раньше, хотя основной факт, что о хичи существует гораздо больше вопросов, чем ответов, был всем хорошо известен.

Мы посещали тренировочные группы, где учат таким упражнениям, которые позволяют разминать каждую мышцу в ограниченном пространстве - массаж для забавы и пользы. Конечно, это полезно, но еще более забавно и интересно, особенно сексуально. Мыс Кларой научились делать с телами друг друга поразительные вещи. Мы посещали кулинарные курсы (можно очень многое сделать со стандартным рационом, если добавить немного пряностей и трав). Мы слушали лингвистические курсы, на случай если придется вылетать не с англоязычным экипажем, и тренировались друг с другом в итальянском и греческом. Мы даже присоединились к группе любителей астрономии. У них был доступ к телескопу Врат, и мы много времени проводили, глядя на землю и Венеру не с плоскости эклиптики. Френси Эрейра, когда ему удавалось уйти со своего корабля, присо-

единялся к этой группе. Кларе он нравился, мне тоже, и у нас выработалась привычка выпивать втроем в нашей квартире - вернее, в Клариной квартире, но я в ней проводил почти все время, - после занятий. Френси глубоко интересовался, что происходит Там, Снаружи. Он все знал о квазарах, и черных дырах, и галактиках Сейферта, не говоря уже о двойных звездах и новых. Мы часто рассуждали, каково это окончить полет в окрестностях сверхновой. Такое может случиться. Известно было, что хичи в первую очередь интересовались астрофизическими явлениями. Курсы некоторых их кораблей проложены так, чтобы привести корабль в окрестности интересного явления, а будущая сверхновая, несомненно, интересное явление. Но ведь это было очень давно, и теперь сверхновая вполне может не быть "будущей".

- Интересно, - говорила Клара, показывая, что это всего лишь академический интерес, - не это ли случилось с некоторыми невернувшимися кораблями?

- Статистически это вполне вероятно, - отвечал Эрейра, улыбаясь и показывая, что принимает правила игры. Он много практиковался в английском, которым с самого начала владел

неплохо, и теперь говорил почти без акцента. Он также владел немецким, русским и большинством романских языков: мы обнаружили это, когда попытались поучить португальский, и он понимал нас лучше, чем мы сами. - Тем не менее летают.

Мы с Кларой помолчали, затем она рассмеялась. "Некоторые", - согласилась она.

Я быстро вмешался: "Похоже, вы сами хотите полететь, Френси".

- А вы в этом сомневались?

- Ну, вообще-то сомневался. Я хочу сказать, что вы ведь служите в бразильском флоте. Вы не можете просто так взять и улететь.

Он поправил меня. "Улететь я могу. Просто потом не смогу вернуться в Бразилию".

- И вам кажется это стоящим.

- Это стоит всего.

- Даже, - настаивал я, - с риском не вернуться или вернуться так, как сегодня. - Вернулся пятиместный, они высаживались на планете с ядовитыми растениями. Мы слышали, вернулись они в ужасном состоянии.

- Да, конечно, - сказал он.

Клара начала ерзать. "Я думаю, - сказала она наконец, - что пора спать". В ее голосе было

что-то недосказанное. Я посмотрел на нее и сказал: "Отведу тебя к тебе в комнату".

- Не нужно. Боб.

- Но я все равно провожу, - сказал я, не обращая внимания. - Спокойной ночи, Френси. Увидимся на следующей неделе.

Клара уже шла к стволу, и мне пришлось торопиться, чтобы догнать ее. Я ухватился за кабель и крикнул ей: "Если хочешь, я пойду к себе".

Она не подняла голову, но и не сказала, чего хочет, поэтому я сошел на ее уровне и пошел за ней к ее квартире. Кэти спала во внешней комнате, Хайва дремала над голодиском в нашей спальне. Клара отослала прислугу домой и пошла посмотреть, удобно ли ребенку. Я сидел на краю кровати, дожидаясь ее.

- Может, у меня начинается менструация, - сказала Клара, вернувшись. - Прости. Я раздражительна.

- Я уйду, если хочешь.

- Боже, Боб, перестань повторять это! - Она села рядом и прислонилась ко мне, и я обнял ее. - Кэти такая хорошая, - сказала она немного погодя, почти печально.

- Тебе бы хотелось иметь своего ребенка?

- У меня будет свой ребенок. - Она откинулась

назад, потащив меня за собой. - Только хочу знать, когда, вот и все. Нужно гораздо больше денег, чтобы у ребенка была приличная жизнь. А я не становлюсь моложе.

Мы лежали так какое-то время, потом я сказал ей в волосы: "Я тоже хочу этого, Клара".

Она вздохнула. "Ты думаешь, я не знаю? - Потом напряглась и спросила: - Что это?"

Кто-то поскребся в дверь. Она не была закрыта; мы никогда не закрываемся. Но никто и не входит без приглашения, и на этот раз кто-то вошел.

- Стерлинг! - удивленно сказала Клара. Она вспомнила о приличиях:

- Боб, это Стерлинг Френсис, отец Кэти. Боб Броудхед.

- Привет, - сказал он. Он гораздо старше, чем я бы представил себе отца такой маленькой девочки, лет пятидесяти, и очень устало выглядит. - Клара, - сказал он, - на следующем корабле я увожу Кэти домой. Заберу ее у тебя сегодня. Не хочу, чтобы она от кого-нибудь узнала.

Клара, не глядя, взяла меня за руку.

- Что узнала?

- О своей матери. - Френсис потер глаза и сказал:

- Вы не знаете? Джен мертва. Ее корабль вернулся несколько часов назад. Все спускавшиеся в шлюпке подхватили какой-то грибок. Они раздулись и умерли. Я видел ее тело. Оно похоже... - Он смолк. - Кого мне действительно жаль, это Аннели. Она оставалась на орбите, пока остальные высаживались, и привезла тело Джен. Она как будто спятила. Почему? Джен уже было все равно... Ну, ладно. Она могла привезти только два тела, больше не помещалось в холодильник. Там и ее пища... - Он снова смолк и на этот раз не стал продолжать.

Я сидел на кровати, пока Клара помогала ему поднимать ребенка и укутывала девочку. Когда они ушли, я запросил информацию на экран и внимательно изучил ее. К тому времени, как Клара вернулась, я уже выключил экран и сидел на кровати, скрестив ноги и глубоко задумавшись.

- Боже, - мрачно сказала она. - Какая ночь! - Она села на дальний угол кровати. - Совсем не хочется спать. Может, схожу выиграю несколько баков за столом рулетки.

- Не нужно, - сказал я. Накануне я просидел три часа рядом с ней, она вначале выиграла десять тысяч, потом проиграла двадцать. - У меня есть

лучшая идея. Давай запишемся на вылет.

Она повернулась ко мне так быстро, что даже немного всплыла над кроватью. "Что?"

- Запишемся на вылет.

Она закрыла глаза и, не открывая их, спросила: "Когда?"

- Рейс 29-40. Пятиместный, и хороший экипаж: Сэм Кахане и его приятели. Они выписались, и им нужно два человека.

Она кончиками пальцев погладила веки, потом открыла глаза и посмотрела на меня. "Что ж, Боб, - сказала она, - интересное предложение". На стенах из металла хичи были занавеси, которые уменьшали свечение, и я их задернул на ночь: но даже в полутьме я видел, как она выглядит. Испуганно. Но она ответила: "Они неплохие парни. Как ты с парнями?"

- Оставлю их в покое, и они оставят меня. Особенно если у меня будешь ты.

- Гм, - сказала она, потом вползла на меня, обняла и уткнулась лицом мне в шею. - Почему бы и нет? - сказала она так негромко, что я не был уверен, что услышал верно.

И тут меня охватил страх. Всегда сохранялась возможность, что она скажет "нет". И я был бы снят с крючка. Весь дрожа, я услышал свои

слова: "Значит, записываемся утром?"

- Нет, - она покачала головой. Голос ее звучал приглушенно. Я чувствовал, что она тоже дрожит. - Звони сейчас, Боб. Запишемся немедленно. Прежде чем передумаем.

На следующее утро я ушел с работы, упаковал свои пожитки в чемоданы и отдал на сохранение Шики. Тот смотрел на меня печально. Клара оставила свои занятия и уволила прислугу - та очень встревожилась, - но не побеспокоилась паковаться. У Клары оставалось немало денег. Она заплатила за свои две комнаты и оставила все в них как обычно.

Конечно, у нас была прощальная вечеринка. Не помню ни одного человека из тех, кто там был.

И вот, кажется совершенно неожиданно, мы втискиваемся в шлюпку, спускаемся в капсулу, пока Сэм Кахане методично проверяет имущество. Мы закрылись и начали автоматический отсчет.

Потом толчок и падение, ощущения плавания. Двигатели включились, и мы были в полете.

Глава 13

Доброе утро, Боб, - говорит Зигфрид, и я останавливаюсь на пороге кабинета, внезапно подсознательно обеспокоенный.

- В чем дело?

- Ни в чем, Боб. Входите.

- Ты тут все изменил, - обвиняюще говорю я.

- Верно, Робби. Вам нравится, как теперь выглядит кабинет?

Я изучаю его. Толстый мат с пола исчез. Абстрактные картины исчезли со стен. Их место заняли серии голографических космических сцен, гор и моря. Самое странное во всем этом - сам Зигфрид; он говорит со мной через манекен, сидящий в углу комнаты с карандашом в руке. Манекен смотрит на меня сквозь темные очки.

- Ты тут все перевернул, - говорю я. - Зачем? Голос его звучит так, будто он благосклонно улыбается, хотя выражение лица манекена не изменяется. "Я решил, что вам понравится перемена, Роб".

Я делаю несколько шагов в глубину комнаты и снова останавливаюсь. "Ты убрал мат!"

- Он больше не нужен, Боб. Видите, новая ку-

шетка? Весьма традиционная, не правда ли?

- Гм.

Он начинает улещать. "Почему бы вам не лечь на нее? Попробуйте, как она вам".

- Гм. - Но я осторожно вытягиваюсь на ней. Чувствую я себя необычно, и мне это не нравится, может, потому, что эта комната для меня представляет нечто очень серьезное, и изменения в ней заставляют меня нервничать. - На матраце были ремни, - жалуюсь я.

- У кушетки они тоже есть, Боб. Можете достать их с боков. Потрогайте... вот так. Разве это не лучше?

- Нет.

- Я думаю, - негромко говорит он, - вы должны позволить мне решать, нужны ли какие-нибудь изменения в терапевтических методах, Роб.

Я сажусь. "Кстати, Зигфрид! Прими наконец решение в твоем проклятом мозгу, как ты меня будешь звать. Меня зовут не Роб, не Робби, не Боб. Я Робинетт".

- Я это знаю, Робби...

- Ты опять!

Пауза, затем вкрадчиво: "Мне кажется, вы должны дать мне возможность выбирать, как обращаться к вам, Робби".

- Гм. - У меня бесконечное количество подобных бессодержательных псевдослов. В сущности я предпочел бы провести весь сеанс, не говоря больше ничего. Я хочу, чтобы говорил Зигфрид. Хочу, чтобы он объяснил, почему в разное время называет меня разными именами. Хочу знать, что он находит значительным в моих словах. Хочу знать, что он на самом деле обо мне думает... если гремящее сборище металлических и пластиковых деталей может думать.

Конечно, я знаю, а Зигфрид не знает, что моя добрая подруга С.Я, пообещала помочь мне сыграть с ним шутку. Я с нетерпением ожидаю ее.

- Хотите что-нибудь сказать мне, Роб?

- Нет.

Он ждет. Я чувствую себя враждебным и необщительным. Вероятно, отчасти потому, что с нетерпением жду, когда можно будет сыграть эту маленькую шутку с Зигфридом, но еще и потому, что он все тут сменил. Так поступали со мной, когда в Вайоминге у меня произошел тот психотический случай. Иногда я приходил на сеанс и видел голограмму своей матери. Боже правый, очень похоже, но не пахнет ею, не чувствуется она: в сущности ее вообще нельзя потрогать, это только свет. А иногда я оказы-

вался в темноте, и что-то теплое прижималось ко мне и обнимало. Мне это не нравилось. Я, конечно, спятил, но не настолько.

| *ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ*

|

| *Корабль 1-8. Рейс 013В6. Экипаж Ф.Ито.*

|

| *Время до цели 41 сутки 2 часа. Цель не*

| *определена. Показания приборов повреждены.*

|

| *На ленте корабельного журнала запись: "На*

| *поверхности планеты тяготение как будто превышает*

| *2,5 g, но я собираюсь произвести высадку. Ни*

| *визуальные наблюдения, ни радар не проникают под*

| *облака из пыли и пара. Выглядит не очень хорошо,*

| *но это мой одиннадцатый вылет. Устанавливаю*

| *приборы на автоматический возврат через десять*

| дней. Если к этому времени я со шлюпкой не

| вернусь, капсула, вероятно, отправится одна. Хотел

| бы я знать, что означают эти пятна и вспышки на

| солнце".

|

| Пилота не было на борту вернувшегося корабля.

| Ни артефактов, ни образцов. Посадочного аппарата

| также нет. Корабль поврежден.

Зигфрид ждет, но я знаю, что он не будет ждать вечно. Скоро начнет задавать вопросы, вероятно, о моих снах.

- Видели что-нибудь во сне после нашего последнего сеанса, Боб?

Я зеваю. Мне скучно. "Не думаю. Ничего важного, я уверен".

- Я хотел бы послушать. Даже обрывки.

- Ты паразит, Зигфрид, знаешь?

- Мне жаль, что вы считаете меня паразитом, Роб.

- Ну... мне кажется, я даже обрывков не смогу вспомнить.

- Попытайтесь, пожалуйста.

- Черт возьми! Ну. - Я устраиваюсь удобнее на кушетке. Все, что я могу вспомнить, абсолютно тривиально и, я уверен, не имеет отношения к чему-либо травматическому или важному. Но если я скажу ему это, он рассердится. Поэтому я послушно отвечаю:

- Я был в вагоне поезда. Много вагонов сцеплены вместе, и можно переходить из одного в другой. В них полно знакомых. Женщина, такого материнского вида, она много кашляла, и другая женщина, которая... ну, выглядела странно. Вначале я подумал, что это мужчина. На ней был какой-то комбинезон, так что трудно было сказать, мужчина это или женщина, и у нее были мужские очень густые брови. Но я был уверен, что это женщина.

- Вы говорили с какой-нибудь из этих женщин, Боб?

- Пожалуйста, не прерывай, Зигфрид, я из-за тебя теряю нить мысли.

- Простите, Роб.

Я возвращаюсь к сну. "Я ушел от них. Нет, я не разговаривал с ними. Перешел в следующий вагон. Это был последний вагон в поезде. К остальным он был присоединен чем-то вроде...

дай-ка подумать... не могу сразу это описать. Как растягивающаяся металлическая гармошка, знаешь? И она растянулась".

Я останавливаюсь, главным образом, от скуки. Мне хочется извиниться за такой скучный неуместный сон. "Вы говорите, металлическое соединение растянулось, Боб?" - подталкивает меня Зигфрид.

- Да, верно, растянулось. И, конечно, вагон, в котором я находился, начал все больше и больше отставать от других. И я видел только хвостовой огонь, который чем-то напоминал ее лицо. Она... - Тут я утрачиваю последовательность и пытаюсь вернуться к поезду. - Как будто мне трудно к ней вернуться, как будто она... прости, Зигфрид, не помню ясно, что там случилось. А потом я проснулся. И, - виртуозно заканчиваю я, - записал все, как только смог, как ты и велишь мне.

- Я высоко ценю это, Боб, - серьезно говорит Зигфрид. Он ждет продолжения.

Я начинаю беспокойно ерзать. "Кушетка совсем не такая удобная, как матрац", - жалуюсь я.

- Простите, Боб. Вы говорите, что узнали их?

- Кого?

- Двух женщин в поезде, от которых вы уходите

все дальше и дальше.

- О! Нет. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Я узнал их во сне. Наяву я и понятия не имею, кто они.

- Похожи они на кого-нибудь знакомого?

- Нисколько. Я сам этому удивился.

Зигфрид говорит, немного выждав - я знаю, таким образом он дает мне возможность изменить ответ, который ему не нравится: "Вы упомянули, что одна из женщин, та, что кашляла, материнского типа..."

- Да. Но я ее не узнал. Мне показалось, что она на кого-то похожа, но ты же знаешь, как это бывает во сне.

Он терпеливо говорит: "Не можете ли припомнить женщину материнского типа, которая много кашляла?"

Я начинаю громко смеяться. "Дорогой друг Зигфрид. Уверяю тебя, мои знакомые женщины не относятся к материнскому типу! И у всех у них по крайней мере Малая медицина. Они вряд ли будут кашлять".

- Понятно. Вы уверены, Робби?

- Не приставай, Зигфрид, - сердито говорю я, потому что на этой паршивой кушетке трудно удобно устроиться, а также потому, что мне

нужно в ванную, а разговор бесконечно затягивается.

- Понятно. - Немного погодя он берется за что-то другое, как я заранее и предвидел; голубок Зигфрид, клюет понемногу все, что я ему бросаю. - А как насчет другой женщины, той, с густыми бровями?

- Что насчет нее?

- Вы знали девушку с густыми бровями?

- Боже, Зигфрид, я переспал с пятью сотнями девушек! У них самые разные брови, какие только можно себе представить.

- Но это ведь особенные брови.

- Ничего не могу вспомнить экспромтом.

- Не экспромтом, Боб. Пожалуйста, напрягитесь и вспомните.

Легче выполнить его просьбу, чем спорить, и я делаю усилие. "Ну, хорошо, посмотрим. Ида Май? Нет. Сью Энн? Нет. С.Я.? Нет. Гретхен? Нет... ну, по правде говоря, у Гретхен такие светлые волосы, что иногда мне казалось, что у нее вообще нет бровей".

- Это девушки, с которыми вы познакомились недавно, Роб. Может, кто-нибудь раньше?

- Ты имеешь в виду в прошлом? - Я начинаю вспоминать прошлое, вплоть до пищевых шахт

и Сильвии. И громко смеюсь. "Знаешь что, Зигфрид? Забавно, но я не могу вспомнить, как выглядела Сильвия... Ох, подожди минутку. Нет. Теперь я вспомнил. Она обычно выдергивала брови по волоску, а потом рисовала их карандашом. Я знаю об этом, потому что однажды мы лежали в постели и рисовали друг на друге картинки ее карандашом для бровей.

Я почти слышу, как он вздыхает. "Вагоны, - говорит он, подбирая еще одну крошку. - Как вы их опишете?"

- Как любые вагоны поезда. Длинные. Узкие. Быстро движутся по туннелю.

- Длинные и узкие и движутся по туннелю, Боб? На этом мое терпение лопается. Он так ясен. "Кончай, Зигфрид! Никаких символов пениса ты от меня не получишь!"

- Я ничего не стараюсь получить от вас. Боб.

- Ну, ты мне надоел со всем этим сном. Клянусь, надоел. В нем ничего нет. Поезд - это поезд. Я не знаю этих женщин. И послушай, пока мы еще говорим, мне ужасно не нравится эта проклятая кушетка. За те деньги, что я плачу, можно получить что-нибудь получше.

Теперь он меня рассердил по-настоящему. Он пытается вернуть меня к сну, но я собираюсь за-

дать ему и страховой компании встряску за свои деньги, и к моему уходу он обещает все поменять для моего следующего посещения.

Ухожу я довольный собой. Он в сущности приносит мне много пользы. Вероятно, потому что я набираюсь храбрости идти к нему, и, может, весь этот вздор полезен для меня, даже если у него иногда и возникают вздорные идеи.

Глава 14

Я сражался со своим гамаком, стараясь убраться от колена Клары, и наткнулся на локоть Сэма Кахане. "Прости", - сказал он, даже не оглянувшись, чтобы увидеть, кому он это говорит. Рука его по-прежнему лежала на соске двигателя, хотя мы уже десять минут были в полете. Он изучал мигающие огоньки на приборной доске хичи и отрывался, только чтобы взглянуть на экран над головой.

Я сел, чувствуя тошноту. Потребовались недели, чтобы я привык к почти полному отсутствию тяготения на Вратах. Силы тяготения в капсуле - это нечто совсем иное. Они слабы, но не остаются постоянными ни на минуту, и мое среднее ухо протестовало.

Я протиснулся в кухонную секцию, поглядывая одним глазом на туалет. Хэм Тайе все еще там. Если он не выберется достаточно быстро, мое положение станет критическим. Клара рассмеялась и протянула руку из своего гамака. "Бедный Бобби, - сказала она. - А ведь это только начало".

Я проглотил таблетку, безрассудно закурил сигарету и сосредоточился на том, чтобы меня не

вырвало. Не знаю, насколько это действительно была космическая болезнь. В основном страх. Есть что-то очень страшное в сознании, что между тобой и мгновенной ужасной смертью ничего, кроме тонкой металлической стенки, сделанной какими-то чужаками миллион лет назад. И в том, что ты вынужден куда-то лететь, не имея никакого контроля над кораблем, а место, куда ты прилетишь, может оказаться крайне неприятным.

Я заполз обратно в гамак, погасил сигарету, закрыл глаза и сосредоточился на том, чтобы быстрее проходило время.

А его должно пройти немало. Средний рейс продолжается сорок пять дней в один конец. Дело не в том, как вы, может быть, думаете, как далеко ваша цель. Десять световых лет и десять тысяч - это имеет определенное значение, но не линейно. Говорят, эти корабли непрерывно ускоряются и ускоряют степень ускорения. Дельта не линейна и даже не экспоненциальна, и никто этого себе не может представить. Очень быстро, менее чем за час, вы достигаете скорости света. Потом проходит довольно много времени, прежде чем вы значительно превысите ее. Вот тогда вы двигаетесь действительно быстро.

Это все можно определить (говорят), глядя на звезды на верхнем экране, навигационном экране хичи (говорят). В течение первого часа звезды меняют цвет и перемещаются. Когда вы достигаете скорости света, вы знаете об этом, потому что звезды собрались в центре экрана, который находится в том направлении, куда летит корабль.

На самом деле звезды не двинулись. Вы воспринимаете свет от источников за вами или сбоку. Фотоны, ударившиеся о передний экран, излучены день, неделю или сто лет назад. Через день-два они уже не похожи на звезды. Какая-то пестрая серая поверхность. Похоже на голографическую пленку на свету, впрочем голофильм можно разглядеть на пленке при помощи вспышки, но никто никогда не смог ничего разглядеть в серой пленке на экране хичи.

К тому времени, как я дождался туалета, необходимость уже не казалась такой срочной: а когда вышел, в капсуле была только Клара, она с помощью теодолита проверяла изображения звезд. Повернулась ко мне и кивнула: "Ты теперь не такой зеленый", - одобрительно сказала она.

- Выживу. А где парни?

| *Я могу массировать все ваши семь точек. Нагота*
| *по желанию. 86-004.*
|
| *Инвестируйте ваши доходы в смешанную быстро*
| *растущую нацию Западной Африки. Выгодные налоговые*
| *обложения, гарантированный рост. Наш представитель*
| *на Вратах объяснит вам подробности. Бесплатно*
| *лекции, прохладительные напитки.*
| *Голубой зал, среда, 1500.*
| *"Дагомея - роскошное завтра".*
|
| *Есть кто-нибудь из Абердина?*
| *Поговорим. 87-396.*
|
| *Ваш портрет в пастели, масле, других*
| *материалах. 150 долларов. Другие темы.*
| *86-596.*

- Где им быть? В шлюпке. Дред считает, что нужно так организоваться, чтоб мы разделились.

Какое-то время мы будем с тобой одни в шлюпке, а они здесь вверху, потом мы поднимемся, а они спустятся.

- Гм. - Звучит неплохо; я вообще-то уже думал, как же будет насчет уединения. - Хорошо. Что я должен теперь делать?

Она потянулась ко мне и с отсутствующим видом поцеловала. "Не попадайся на пути. Знаешь что? Похоже, мы движемся к северу Галактики".

Я воспринял эту информацию с серьезным видом. Потом спросил: "А это хорошо?"

Она улыбнулась. "Кто знает?" Я лег и стал смотреть на нее. Если она боялась, как я, а я боялся и знал, что она испугана, она этого никак не проявляла.

Потом стал думать, что находится на севере Галактики и - это гораздо важнее - сколько времени мы будем туда лететь.

Самый короткий зарегистрированный рейс к другой звездной системе занял восемнадцать дней. Это была звезда Барнарда - пустой номер, ничего интересного. Самый долгий, вернее, самый долгий из известных - кто знает, сколько кораблей с мертвыми старателями все еще на пути назад из туманности М-31 в Андромеде? - сто семьдесят пять дней в один конец. Экипаж

вернулся мертвым. Трудно сказать, где они были. На снимках ничего особенного не видно, а сами старатели, разумеется, ничего сообщить не могли.

Когда вылетаешь, очень страшно, даже для ветерана. Ты знаешь, что ускоряешься. Ты не знаешь, сколько времени будешь ускоряться. Когда достигаешь поворотного пункта - пункта максимального ускорения, ты знаешь об этом. Ты знаешь об этом, во-первых, потому что золотой провод, который есть на каждом корабле хичи, начинает светиться (никто не знает почему). Но ты знаешь, что корабль поворачивается, даже без этого, потому что небольшое псевдотяготение, которое тянуло тебя назад, теперь начинает тянуть вперед. Низ становится верхом.

Никто не знает, почему хичи не использовали и для ускорения, и для замедления одно и то же устройство. Я этого не понимаю. Нужно быть хичи, чтобы понять это.

Может, это потому, что все их оборудование для наблюдения установлено впереди. Может, потому что передняя часть корабля обычно бронированная, даже в легких кораблях, вероятно, как полагают от столкновений с молекулами пыли и газа. Но некоторые из

больших кораблей, несколько трехместных и почти все пятиместные, бронированы со всех сторон. Они тоже не разворачиваются в полете.

Итак, когда начинает светиться провод и вы чувствуете поворотный пункт - начало замедления, - вы знаете, что прошло четверть времени в пути. Не обязательно четверть всего времени рейса, конечно. Сколько времени вы останетесь у цели, это совершенно другое дело. Там вы сами принимаете решение. Но вы прошли половину автоматически контролируемого пути к цели.

Тогда вы умножаете количество уже прошедших дней полета на четыре, и, если это количество не превышает то, на что рассчитаны ваши запасы продовольствия, вы знаете, что по крайней мере не умрете с голоду. А разница между двумя этими числами покажет вам, сколько дней вы сможете пробыть у цели.

Ваши запасы пищи, воды и воздуха рассчитаны на двести дней. Можно растянуть их на триста дней без особого труда (вернетесь худым и, возможно, с авитаминозом). Так что если вы пролетели шестьдесят или шестьдесят пять дней и поворотного пункта все еще нет, вы знаете, что у вас возникла проблема, и вы

начинаете сокращать рацион. Если прошло от восьмидесяти до девяноста дней, ваша проблема разрешилась сама собой, потому что выбора у вас нет и до возвращения вы умрете. Вы можете попытаться изменить курс. Но это просто другой способ умереть.

Вероятно, хичи могли менять курс, когда хотели, но это еще один из множества неразрешимых вопросов о хичи. Вроде того, почему они все так тщательно убирали при уходе. Или на что они были похожи? Или куда они исчезли?

Когда я был ребенком, на ярмарках продавали шутливую книжку "Все, что мы знаем о хичи". В ней было сто двадцать восемь страниц, и все чистые.

| *ОТНОСИТЕЛЬНО РОЖДЕНИЯ ЗВЕЗД*

|

| *Доктор Азменион. Я полагаю, большинство из вас*

| *здесь из-за научных премий, а не потому, что вы*

| *по-настоящему интересуетесь астрофизикой. Но не*

| *волнуйтесь. Большую часть работы выполняют*

| *инструменты. Вы делаете обычные наблю-*

дения, и если

| попадется что-нибудь особенное, оно всплывет при

| изучении ваших записей здесь.

|

| Вопрос. А мы не должны обращать внимание на

| что-нибудь особое?

|

| Доктор Азменион. О, конечно. Например, один

| старатель заработал полмиллиона. Он оказался в

| середине туманности Ориона и обратил внимание, что

| газ в одной части имеет более высокую температуру,

| чем в остальных частях. Он решил, что здесь

| рождается звезда. Газ конденсируется и начинает

| разогреваться. Через десять тысяч лет здесь,

| вероятно, возникнет солнечная система. И старатель

| стал особо фотографировать этот рай-

он неба. И

| получил премию. И теперь Корпорация ежегодно

| отправляет туда корабль, чтобы получить новые

| данные. За это полагается премия в сто тысяч

| долларов, но пятьдесят тысяч идет ему. Я дам вам

| координаты наиболее вероятных мест, вроде

| туманности Треугольника, если хотите. Полмиллиона

| не получите, но хоть что-то будет.

Если Сэм, Дред и Мохамад были в хорошем настроении, а у меня нет причин сомневаться в этом, в первые несколько дней они этого никак не проявляли. Они занимались тем, что их интересовало. Читали. Слушали в наушниках музыкальные записи. Играли в шахматы, а когда удавалось уговорить нас с Кларой, в китайский покер. Мы играли не на деньги, а на время смен. (Несколько дней спустя Клара сказала, что лучше проиграть, чем выиграть: если проиграешь, у тебя есть чем заняться). Они очень терпимо относились к нам с Кларой - гетеро-

сексуальному меньшинству в гомосексуальной культуре, господствовавшей на корабле, - и предоставляли нам шлюпку ровно на пятьдесят процентов времени, хотя мы составляли сорок процентов населения.

Мы ладили. И хорошо поступали. Мы жили в тени друг у друга и каждую минуту пахли.

Внутренность корабля хичи, даже пятиместного, не больше кухни в обычной квартире. Шлюпка дает немного дополнительного пространства - примерно размера большого шкафа, - но часть ее обычно занята припасами и оборудованием. А в общем объеме в сорок два или сорок три кубических метра размещено все остальное, включая меня, тебя и остальных старателей.

Когда вы в тау-пространстве, вы испытываете постоянное небольшое ускорение. На самом деле это не ускорение, а просто нежелание атомов вашего тела превышать скорость света. Его можно описать и как тяготение, и как трение. Но все-таки похоже на небольшую силу тяжести. Вы чувствуете себя так, будто весите примерно два килограмма.

Это означает, что время от времени вам необходимо отдохнуть, и у каждого члена экипа-

жа есть свой гамак, в нем можно спать, а можно сидеть, как на стуле. Добавьте пространство для личных вещей каждого; шкаф для лент, дисков, одежды (ее не особенно там носят), для предметов туалета; для снимков близких и дорогих (если таковые имеются); для всего прочего, что вы решили взять с собой - в своих пределах веса и объема (75 килограммов и треть кубического метра), и вы представите себе нашу тесноту.

Добавьте к этому оборудование хичи. Три четверти его вы никогда не используете. Большую часть вы просто не знаете, как использовать, даже если бы захотели; приходится оставлять его в покое. Но его нельзя двигать. Механизмы хичи составляют неотъемлемую часть корабля. Если ампутировать часть, умирает целое.

Если бы мы знали, как залечить рану, можно было бы убрать часть этого хлама, сохранив действенность корабля. Но мы не знаем, и так все и остается; большой, в форме бриллианта, золотой ящик, который взрывается, если его пытаются открыть; хрупкая спираль из золотистой трубки, которая время от времени светится и иногда становится невыносимо горячей (никто не знает, почему) и так далее. И все это остается в корабле, и вы все время на него натыкаетесь.

Добавьте к этому человеческое оборудование. Космические костюмы, по одному на каждого, подогнанные по вашей фигуре. Фотографическое оборудование. Установка туалета и душа. Секция приготовления пищи. Утилизаторы отходов. Сумки старателей, оружие, сверла, ящики для образцов, все то, что вы берете с собой на поверхность планеты, если вам повезет и вы встретите планету, на которую можно высадиться.

Остается не очень много. Все равно что прожить несколько недель под капотом очень большого грузовика, с работающим мотором и четырьмя другими людьми, которые делят с вами помещение.

Через два дня у меня появилась безрассудная враждебность по отношению к Хэму Тайе. Он слишком велик. Занимает слишком много пространства.

По правде говоря, Хэм даже меньше меня ростом, хотя весит больше. Но то пространство, что занимаю я сам, меня не интересовало. Только то, что занимали другие. У Сэма Кахане размер получше, не больше ста шестидесяти сантиметров, у него густая черная борода и жесткие курчавые волосы по всему животу от

самых половых органов, по всей груди и спине. Я не считал, что Сэм занимает мое пространство, пока не обнаружил в пище длинный черный волос из его бороды. Хэм по крайней мере почти лысый, с кожей мягкого золотистого цвета, которая делала его похожим на гаремного евнуха из Иордании. (Есть ли у иорданских королей евнухи в гаремах? Есть ли у них гаремы? Хэм как будто ничего этого не знал: его предки уже три поколения прожили в Нью-Джерси).

Я даже начал сравнивать Клару с Шери, которая по меньшей мере на два размера миниатюрней. (Не всегда. Обычно Клара нравилась мне больше). А Дред Фрауенгласс, мягкий худой молодой человек, разговаривал очень мало и, казалось, занимает меньше места, чем остальные.

Я был новичком в группе, и все по очереди показывали мне то немногое, что нам нужно было делать. Нужно постоянно фотографировать и записывать показания спектрометра. Записывать данные с контрольной панели хичи, где постоянно меняется цвет и оттенки огоньков. (Их все еще изучают, стараясь разгадать, что они означают). Анализировать спектр тау-пространства с помощью экрана. Все это вместе от силы два часа работы в день. Приготовле-

ние пищи и уборка занимают еще два часа.

Итак, четыре рабочих часа в сутки на пятерых. Остается - на пятерых - больше восьмидесяти человеко-часов. Нужно их чем-то занять.

Я лгу. Их не нужно занимать. Вы и так заняты - ждете поворотного пункта.

Три дня, четыре дня, неделя; я почувствовал, что нарастает напряжение, которого я не разделяю. Две недели, и я понял, что это, потому что и сам стал его испытывать. Мы ждали поворотного пункта. Ложась спать, мы бросали последний взгляд на золотую спираль: вдруг произошло чудо, и она засветилась. Когда мы вставали, первой нашей мыслью было, не превратился ли потолок в пол. К концу третьей недели все были крайне напряжены. Больше всего это проявлял Хэм, полный золотокожий Хэм, с лицом веселого джина.

- Давай поиграем в покер. Боб.

- Нет, спасибо.

- Давай, Боб. Нам нужен четвертый (В китайский покер играют всей колодой, по тринадцать карт у каждого игрока. Иначе играть нельзя).

- Не хочу.

И получаю неожиданно яростно: "Черт тебя побери! В экипаже ты не стоишь и змеиного пука,

и даже в карты не играешь!"

Потом он полчаса мрачно разбрасывает карты, как будто ему нужно достигнуть совершенства в этом искусстве, как будто от этого зависит его жизнь. А может, так оно и есть! Представьте себе, что вы в пятиместном корабле и пролетели семьдесят пять дней без поворотного пункта. Вы знаете, что у вас неприятности: продовольствия не хватит на пятерых.

Но может хватить на четверых.

Или на троих. Или на двоих. Или на одного.

В этот момент становится ясно, что по крайней мере один человек не вернется из рейса, и тогда большинство экипажей начинают бросать карты. Проигравший вежливо перерезает себе горло. Если проигравший оказывается недостаточно вежлив, остальные четверо дают ему урок этикета.

Много пятиместных кораблей возвращались с тремя членами экипажа. Некоторые - с одним.

И вот время проходило - не легко и, несомненно, не быстро.

Вначале болеутоляющим служил секс, и мы с Кларой много часов проводили в объятиях друг друга, дремля и время от времени просыпаясь,

чтобы снова заняться сексом. Я думаю, парни в основном занимались тем же; вскоре шлюпка стала пахнуть, как раздевалка в мужской школе. Потом мы начали искать уединения, все пятеро. Конечно, для пятерых на корабле уединение невозможно, но мы делали, что могли: по общему согласию каждый из нас время от времени на час-два оставался один в шлюпке. Пока я был здесь, Клару терпели в капсуле. Пока один из них был здесь, остальные двое составляли нам компанию. Понятия не имею, что делали остальные, оставаясь в одиночестве: я просто тупо смотрел в пространство. Буквально: я смотрел в иллюминатор шлюпки на абсолютную черноту. Ничего не видно, но это лучше, чем видеть то, что мне смертельно надоело в корабле.

Некоторое время спустя у нас начали вырабатываться свои привычки. Я слушал музыку, Дред смотрел порнодиски, Хэм разворачивал гибкое электрическое музыкальное устройство и играл электронную музыку в наушниках (но даже и так, если прислушаться, кое-что было слышно, и мне смертельно, смертельно надоели Бах, Палестрина и Моцарт). Сэм Кахане искусно организовал занятия, и мы проводили много времени, посмеиваясь над ним и обсуждая природу

нейтронных звезд, черных дыр и Сейферовых галактик, если не повторяли испытательные процедуры во время посадки на новых мирах. Хорошо в этом то, что хоть на полчаса мы переставали ненавидеть друг друга. Остальную часть времени - что ж, да, мы ненавидели друг друга. Я не мог выносить постоянное тасование Хэмом карт. Дред проявлял необычную враждебность к моим редким сигаретам. Подмышки Сэма были ужасны даже в гнойной атмосфере корабля, по сравнению с которой воздух Врат показался бы розовым садом. А Клара - да, у Клары была отвратительная привычка. Клара любила спаржу. Она принесла с собой четыре килограмма обезвоженной пищи, просто для разнообразия и чтобы иметь чем заняться. Иногда она делила ее со мной, иногда с остальными. Но она настаивала, что спаржу она будет есть одна. Как романтично узнавать, что твоя возлюбленная ела спаржу, по изменению запаха в туалете!

И тем не менее - она была моей возлюбленной, да, была.

Мы не только сексом занимались эти бесконечные часы в шлюпке - мы разговаривали. Я никогда не знал так хорошо, что внутри у другого человека, как у Клары. Я любил ее. Ничего

не мог с этим сделать.

Никогда.

На двадцать третий день я играл на электрическом пианино Хэма, когда неожиданно почувствовал тошноту. Изменения тяготения, которые я почти перестал замечать, вдруг усилились.

Я поднял голову и встретил взгляд Клары. Она робко, со слезами улыбалась. Указала на изгибы спирали, золотые искры бежали по ней, как пескари в ручье.

Мы обняли друг друга и держали, смеясь, а пространство вокруг нас перевернулось, и потолок стал полом. Мы достигли поворотного пункта. И у нас еще оставался запас времени.

Глава 15

Кабинет Зигфрида под Пузырем. Здесь не может быть холодно или жарко. Но иногда мне так кажется. Я говорю ему: "Боже, как здесь жарко. Твои кондиционер не действует".

- Здесь нет никакого кондиционера, Робби, - терпеливо отвечает он. - Возвращаясь к вашей матери...

- К черту мою мать! - говорю я. - И твою тоже.

Наступает пауза. Я знаю, что его цепи сейчас напряженно работают, и понимаю, что пожалею о своей запальчивой ремарке. Поэтому я быстро добавляю: "Я хочу сказать, мне здесь действительно неудобно, Зигфрид. Тут жарко".

- Вам здесь не жарко, - поправляет он меня.

- Что?

- Мои сенсоры отмечают, что ваша температура повышается на градус, когда мы говорим на определенные темы: ваша мать, женщина Джель-Клара Мойнлин, ваш первый полет, ваш третий полет, Дэйн Мечников и разъединение.

- Замечательно! - кричу я, внезапно рассердившись. - Ты шпионишь за мной!

- Вы знаете, я слежу за вашими внешними

проявлениями, Робби, - укоризненно говорит он мне. - В этом нет никакого вреда. Это не более обидно, чем когда друг замечает, как вы краснеете, запинаетесь или начинаете барабанить пальцами.

- Это ты так говоришь.

- Да, я так говорю, Роб. Я говорю так, потому что хочу, чтобы вы знали: эти темы слишком эмоционально перегружены для вас. Хотите немного поговорить о них, чтобы облегчить груз?

- Нет! Я хочу поговорить о тебе, Зигфрид! Какие еще тайны ты от меня скрываешь? Считаешь мои эрекции? Подсовываешь мне в постель "жучков"? Подслушиваешь мой телефон?

- Нет, Боб. Ничего подобного я не делаю.

- Надеюсь, это правда, Зигфрид. У меня есть способ узнать, когда ты врешь.

Пауза. "Мне кажется, я не понимаю, о чем вы говорите, Роб".

- И не надо, - насмехаюсь я. - Ты всего лишь машина. - Достаточно, чтобы я понял. Мне очень важно сохранить это в тайне от Зигфрида. В кармане у меня бумажка, мне ее ночью дала С. Я. Лаврова - ночь была полна травки, вина и большого секса. Однажды я достану листок из

кармана, и тогда мы посмотрим, кто из нас босс. Я наслаждаюсь этим соревнованием с Зигфридом. Он сердит меня. А когда я сердит, я забываю о своей боли. А мне больно, и я не знаю, как это прекратить.

Глава 16

Через сорок шесть дней сверхсветового полета капсула снова вынырнула на скорости, которая вообще не казалась скоростью; мы находились на орбите вокруг чего-то, и все двигатели молчали.

Мы воняли до неба и невероятно устали от общества друг друга, но столпились у экрана, взявшись за руки, как верные любовники, в нулевом тяготении, глядя на солнце перед нами. Звезда больше и ярче Солнца, и мы к ней ближе астрономической единицы. Но наша орбита пролегала не вокруг звезды. Центром ее была гигантская газообразная планета с единственным спутником, размером в половину Луны. Ни Клара, ни парни не кричали и не вопили от радости, поэтому я ждал, как мог долго, потом спросил: "В чем дело?" Клара с отсутствующим видом сказала: "Сомневаюсь, чтобы мы могли высадиться на этом". Она не казалась разочарованной. Ей как будто было все равно. Сэм Кахане выпустил в бороду долгий негромкий вздох и сказал: "Ну что ж. Прежде всего снимем спектр. Мы с Бобом сделаем это. Остальные начинают

прочесывать в поисках признаков хичи".

- Отличный шанс, - сказал кто-то, но так негромко, что я не понял, кто. Могла быть даже Клара. Я хотел спросить, почему они не радуются, но чувствовал, что если спрошу, кто-нибудь мне ответит, и мне не понравится ответ. Поэтому я вслед за Сэмом протиснулся в шлюпку, и мы мешали друг другу, пока надевали костюмы, проверяли системы жизнеобеспечения и коммутаторы и закрывались. Сэм знаком послал меня к шлюзу. Я услышал, как насосы всасывают воздух, и затем шлюз открылся, и легкий толчок выбросил меня в пространство.

В первое мгновение я ощутил невероятный ужас, оказавшись один в центре пространства, где никогда не бывал человек; я так испугался, что даже забыл застегнуть привязной трос. Но можно было этого и не делать: магнитные замки сами защелкнулись, кабель развернулся на всю длину, меня резко дернуло, и я начал медленно возвращаться к кораблю.

Прежде чем я добрался до него, Сэм тоже оказался снаружи, он летел ко мне, медленно поворачиваясь.

Сэм показал куда-то между огромным, в форме блюдца, диском газового гиганта и бо-

лезненно ярким оранжевым солнцем, и я прикрыл глаза перчатками, чтобы увидеть, на что он показывает: М-31 Андромеды. Конечно, с нашей точки никакого созвездия Андромеды не было. Не было ничего похожего на Андромеду, да и на любое другое созвездие тоже. Но М-31 так велика и ярка, что ее можно разглядеть даже с поверхности Земли, когда смог немного рассеивается. Это самая яркая из внешних галактик, и ее можно увидеть почти с любого места, куда отправляются корабли хичи. При небольшом увеличении можно разглядеть и ее спиральную форму, а для проверки - сориентироваться по другим, меньшим галактикам в том же направлении.

Пока я нацеливал инструменты на М-31, Сэм то же самое делал с Магеллановыми Облаками, вернее, с тем, что считал Магеллановыми Облаками (он клялся, что распознал S Дорады). Мы начали делать снимки. Цель, разумеется, в том, чтобы ученые Корпорации смогли с помощью триангуляции определить, где мы были. Вы можете спросить, зачем это им, но они всегда так делают; вы не получите никакой научной премии, если не сделаете несколько серий снимков. Можно подумать, что они могли бы определить

место по снимкам, которые мы делаем в пути. Но так не получится. По ним можно определить общее направление полета, но после первых нескольких световых лет становится все труднее и труднее идентифицировать звезды, и не доказано, что полет проходит по прямой линии; некоторые корабли следуют за причудливыми изгибами в конфигурации пространства.

Во всяком случае, яйцеголовые используют все, что могут, включая данные о том, как далеко повернулись Магеллановы Облака и в каком направлении. Знаете почему? Потому что так можно определить, на сколько световых лет вы от них удалены и как глубоко находитесь в Галактике. Период одного обращения Облаков примерно восемьдесят миллионов лет. Тщательные измерения способны показать изменения, соответствующие двум-трем миллионам. Что примерно означает сто пятьдесят световых лет или около этого.

Посещая группу Сэма, я очень всем этим заинтересовался. И теперь, делая фотографии, почти забыл о своем страхе. И почти, хотя не совсем, перестал думать о том, что это путешествие, потребовавшее такой смелости, оказывается пустым номером.

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*

| *Записи уроков и игра на вечеринках.*
| *87-429.*

| *Рождество близко! Напомните о себе родным и*
| *любимым дома с помощью пластиковой модели Врат и*
| *Врат-2. Прекрасные снежинки из подлинной*
| *сверкающей пыли с Пегги. Сценические голограммы,*
| *наручные браслеты, много других подарков.*
| *88-542.*

| *Есть ли у вас сестра, дочь, подруга на Земле?*
| *Я хотел бы переписываться. Конечная цель - брак.*
| *86-032.*

Но оно оказалось пустым номером.

Хэм выхватил ленты со снимками из рук Сэма, как только мы оказались в корабле, и сунул их в сканер. Первой целью была сама большая пла-

нета. Во всех частях электромагнитного спектра ничего не говорило об искусственной радиации.

Поэтому он начал искать другие планеты. Находить их трудно, даже с помощью автоматического сканера; за то время, что мы там висели, мы смогли бы отыскать их с десяток (но это неважно: они все равно были бы так далеко, что мы не могли бы до них добраться). Хэм взял спектр центральной звезды и запрограммировал сканер на поиски отражения от него. Сканер определил пять объектов. Два из них оказались звездами с аналогичным спектром. Остальные в самом деле оказались планетами, но никаких следов искусственной радиации и на них не было. Не говоря уже о том, что они были маленькими и далекими.

Оставался большой спутник газового гиганта.

- Проверь его, - приказал Сэм.

Мохамад проворчал: "Выглядит не очень перспективно".

- Я в твоем мнении не нуждаюсь. Делай, что сказано. Проверяй.

- Вслух, пожалуйста, - добавила Клара. Сэм удивленно взглянул на нее, должно быть, удивившись слову "пожалуйста", но послушался.

Он нажал кнопку и сказал: "Признаки ко-

дированной электромагнитной радиации". На экране сканера возникла медленно изгибающаяся синусоида, она дрогнула на мгновение, потом превратилась в абсолютно неподвижную линию.

- Отрицательно, - сказал Хэм. - Аномалии временных колебаний температуры.

Это было для меня новым. "Что значит аномалии временных колебаний температуры"? - спросил я.

- Ну, допустим, что-нибудь становится теплее с заходом солнца, - нетерпеливо пояснила Клара. - Ну?

Но эта линия тоже оказалась неподвижной. "И здесь ничего, - сказал Хэм.

- Поверхностный металл с высоким альбедо".

Медленные движения синусоиды, и опять неподвижность. "Гм, - сказал Хэм.

- Ха. Остальные признаки вообще неприменимы, тут нет метана, потому что нет атмосферы, и так далее. Что будем делать, босс?"

Сэм открыл рот, собираясь заговорить, но Клара его опередила. "Прошу прощения, - резко сказала она, - но что ты имел в виду, говоря "босс"?"

- О, помолчи, - нетерпеливо ответил Хэм. - Сэм?

Кахане примирительно улыбнулся Кларе. "Если хочешь что-нибудь предложить, давай, - пригласил он. - Я считаю, мы должны облететь спутник".

- Пустая трата топлива! - выпалила Клара. - Это безумие!

- У тебя есть лучшая идея?

- Что значит "лучшая"? А твоя чем хороша?

- Ну, - успокаивающе сказал Сэм, - мы еще не осмотрели весь спутник. Он вращается относительно медленно. Можно взять шлюпку и осмотреться: на противоположной стороне может скрываться целый город хичи.

- Отличный шанс, - Клара фыркнула и тем самым прояснила вопрос, кто сказал это раньше. Но парни не слушали ее. Все трое уже направлялись в шлюпку, оставив нас с Кларой единственными владельцами капсулы.

Клара исчезла в туалете. Я закурил сигарету, почти последнюю, и пускал кольца сквозь кольца, неподвижно висящие в воздухе. Капсула слегка наклонилась, и я видел, как поперек экрана медленно проплыл спутник планеты, затем показалось яркое водородное пламя шлюпки, летящей к спутнику. Я подумал, что мы станем делать, если у них кончится топливо,

или они разобьются, или случится еще что-нибудь непредвиденное. Я бы в таком случае оставил их там. И теперь думал, хватит ли у меня решительности сделать это.

Там мне это вовсе не казалось напрасной тратой человеческих жизней.

Что мы здесь делаем? Летим за сотни и тысячи световых лет, чтобы наши сердца разбились?

Я обнаружил, что держусь за грудь, будто моя метафора стала реальностью. Я плюнул на кончик сигареты, чтобы погасить ее, и сунул в утилизатор. Кусочки пепла плавали в воздухе: я сбрасывал их, не думая, но теперь мне не хотелось гоняться за ними. Я смотрел, как в углу экрана появляется большой пятнистый полумесяц планеты, и восхищался им как предметом искусства: желтовато-зеленый дневной свет на терминаторе, аморфно черное пятно остальной части, закрывавшее свет звезд. Заметен был внешний редкий край атмосферы: звезды, попадая в него, начинали мерцать. Но остальная часть атмосферы была такой густой, что через нее ничего не проходило. Конечно, о приземлении на нее и речи не могло быть. Даже если бы у нее была твердая поверхность, она находится под таким давлением газа, что там

ничего не может выжить. Шли разговоры о том, что Корпорация создает специальный посадочный аппарат, который мог бы садиться на поверхность планет типа Юпитера; может, когда-нибудь так и будет; но нам сейчас это не поможет.

Клара по-прежнему была в туалете.

Я протянул поперек каюты свой гамак, забрался в него, опустил голову и уснул.

Четыре дня спустя они вернулись. С пустыми руками.

Дред и Хэм Тайе мрачные, грязные и раздражительные, Сэм Кахане в обычном настроении. Но меня это не обмануло: если бы они нашли что-нибудь интересное, дали бы знать по радио. Но мне было интересно. "Каковы результаты, Сэм?"

- Абсолютный нуль, - ответил он. - Скалы, ничего интересного, из-за чего стоило бы спускаться. Но у меня есть идея.

Клара сидела рядом со мной, с любопытством глядя на Сэма. Я смотрел на остальных двоих: похоже, идею Сэма они знают, и она им не нравится.

- Вы знаете, что это двойная звезда? - спросил он.

- Откуда ты знаешь? - спросил я.

- Я запрограммировал сканеры. Вы видели ту большую голубую звезду... - Он оглянулся, потом улыбнулся. - Не знаю, в каком направлении она сейчас, но она была возле планеты, когда мы делали первые снимки. Ну, она кажется близкой, и я направил туда сканеры. Результату я вначале сам не поверил. Двойная звезда, здесь основная, а вторая в половине светового года отсюда.

- Может, это бродячая звезда. Сэм, - сказал Хэм Тайе.

- Я уже говорил тебе. Просто случайно проходит близко. Кахане пожал плечами. "Даже если это так. Она близко".

Вмешалась Клара: "Планеты есть?"

- Не знаю, - признал он. - Минутку. Вот она, мне кажется.

Мы все посмотрели на экран. Нельзя было сомневаться в том, о какой звезде говорит Кахане. Ярче Сириуса, видимого с Земли, звездная величина не меньше -2.

Клара негромко сказала: "Интересно. Надеюсь, я тебя неверно поняла, Сэм. Пол-светового года в шлюпке - это полгода пути на самой высокой скорости, даже если бы нашлось достаточно горючего. А его у нас нет, парни".

- Я это знаю, - настаивал Сэм, - но я думал... Если мы только чуть-чуть подтолкнем главную капсулу...

Я сам удивился своему крику: "Заткнись!" Я весь дрожал. Не мог остановиться. Ужас и гнев боролись во мне. Думаю, если бы у меня в руках в тот момент был пистолет, я без колебаний выстрелил бы в Сэма.

Клара жестом заставила меня замолчать. "Сэм, - мягко сказала она. - Я знаю, что ты чувствуешь. - Сэм возвращался пустым из пятого полета. - Готова поручиться, что это можно сделать".

Он посмотрел на нее удивленно и подозрительно. "Правда?"

- Я хочу сказать, что если бы мы были хичи, а не люди, мы бы знали, как это сделать. Мы вынырнули бы здесь, огляделись и сказали: "О, смотрите, вон там наши приятели... - или что еще тут находилось, когда они прокладывали сюда свой курс... - наши приятели переехали. Их сейчас нет дома". И они бы сказали: "Ну, ладно, постучим в соседнюю дверь". И мы бы тронули одну штуку, потом другую и оказались бы рядом с голубой звездой...

- Она помолчала и посмотрела на него, все еще держа меня за руку. - Но только мы не хичи,

Сэм.

- Боже, Клара. Я это знаю. Но должен же быть способ...

Она кивнула. "Он, конечно, есть, но мы его не знаем. А знаем мы, что ни один корабль, пытавшийся изменить курс в полете, не вернулся. Понимаешь? Ни один".

Он не ответил ей прямо. Только посмотрел на голубую звезду на экране и сказал: "Проголосуем".

Разумеется, голосование дало четыре против одного - против изменения курса, и Хэм Тайе ни разу не подпускал Сэма к пульту управления, пока мы не развили световую скорость на пути домой.

Обратный путь был не длиннее, но казался бесконечным.

Глава 17

Мне кажется, кондиционер Зигфрида снова не работает, но я не говорю об этом. Он только сообщит мне, что температура точно 22,5 градуса по Цельсию, как всегда, и спросит, почему мне кажется, что тут жарко. Я страшно устал от этого вздора.

- В сущности, - говорю я вслух, - ты мне надоел, Зигфрид.

- Простите, Боб. Но я высоко оценил бы, если бы вы еще немного рассказали мне о своих снах.

- Дерьмо! - Я распускаю удерживающие ремни, потому что мне неудобно. При этом отделяются и некоторые датчики Зигфрида, но он об этом молчит. - Очень скучный сон. Мы в корабле. Мы около планеты, которая смотрит на меня, как человеческое лицо. Я не очень хорошо вижу глаза из-за бровей, но так или иначе я понимаю, что оно плачет и что это моя вина.

- Вы узнаете это лицо, Боб?

- Никакого понятия. Просто лицо. Женское, мне кажется.

- Вы знаете, о чем оно плачет?

- Нет, просто знаю, что я причина этого. В этом я уверен.

Пауза. Затем: "Не закрепите ли снова ремни, Роб?" Я неожиданно настораживаюсь. "А в чем дело? Неужели ты боишься, что я вдруг высвобожусь и наброшусь на тебя?"

- Нет, Робби, конечно, я так не думаю. Но я был бы благодарен, если бы вы это сделали.

Я начинаю пристегивать ремни медленно и неохотно. "Интересно, чего стоит благодарность компьютерной программы?"

Он не отвечает на это, просто ждет. Я позволяю ему победить и говорю: "Ну, ладно, я снова в смирительной рубашке. Что такого ты собираешься сказать, что меня нужно удерживать?"

- Вероятно, ничего такого, Робби, - отвечает он. - Мне просто интересно, почему вы чувствуете вину перед плачущим женским лицом?

- Я бы и сам хотел знать, - говорю я и говорю правду, как я ее понимаю.

- Я знаю, что вы вините себя в некоторых происшествиях, Робби, - говорит он. - Одно из них - смерть вашей матери.

Я соглашаюсь. "Вероятно, это так, хоть и глупо".

- И мне кажется, вы чувствуете свою вину

перед вашей возлюбленной Джель-Кларой Мойнлин.

Я начинаю биться. "Тут ужасно жарко!" - жалуюсь я.

- Вы считаете, что кто-нибудь из них обвинял вас?

- Откуда мне знать?

- Может, вы помните что-нибудь из их слов?

- Нет! - Он становится слишком близок к личному, а я хочу, чтобы разговор продолжался на объективном уровне, поэтому говорю:

- Я думаю, у меня определенная тенденция винить себя. Классический пример, не правда ли? Обо мне можно прочесть на странице 277.

Он на мгновение позволяет мне отвлечься от личного. "Но на той же странице, Боб, - говорит он, - сказано, что ответственность вы возлагаете на себя сами. Вы сами это делаете, Робби".

- Несомненно.

- Вы не должны считать себя ответственным, если вам этого не хочется.

- Но я хочу быть ответственным.

Он спрашивает почти небрежно: "Вы понимаете, почему это так? Почему вы хотите считать себя ответственным за все неправильное?"

- Дерьмо, Зигфрид, - с отвращением говорю

я. - Твои цепи опять замкнуло. Вовсе не так. А вот как... Когда я сижу на пиру жизни, Зигфрид, я так занят мыслями о том, как оплатить чек, думаю о том, что подумают обо мне, платящем по чеку, люди, думаю о том, хватит ли мне денег, чтобы расплатиться, - я так занят всем этим, что не начинаю есть.

Он мягко говорит: "Я бы не советовал вам пускаться в такие литературные отвлечения, Боб".

- Извини. - Но я не чувствую себя виноватым. Он сводит меня с ума.

- Но если использовать ваш образ, Боб, почему вы не слушаете, что говорят другие? Может, они говорят о вас что-нибудь хорошее, важное.

Я сдерживаю стремление порвать ремни, пнуть его улыбающийся манекен в лицо и уйти отсюда навсегда. Он ждет, а во мне все кипит. Наконец я выпаливаю: "Слушать их! Зигфрид, ты старая спятившая жестянка, я только и делаю, что слушаю их. Я хочу, чтобы они сказали, что любят меня. Я даже хочу, чтобы они сказали, что ненавидят меня, все что угодно, лишь бы говорили со мной обо мне - от самого сердца. Я так напряженно прислушиваюсь, что даже не слышу, когда кто-нибудь просит меня передать соль".

Пауза. Я чувствую, что сейчас взорвусь. Потом он восхищенно говорит: "Вы прекрасно все выражаете, Робби. Но что я на самом..."

- Прекрати, Зигфрид! - реву я, на самом деле рассердившись: я отбрасываю ремни и сажусь. - И перестань называть меня Робби! Ты так называешь меня, когда тебе кажется, что я веду себя по-детски, но я давно не ребенок!

- Это не совсем вер...

- Я сказал: прекрати! - Я вскакиваю с кушетки и хватаю свою сумку. Достаю из нее листок, который дала мне С.Я, после выпивки и постели. - Зигфрид! - рявкаю я, - я от тебя достаточно натерпелся. Теперь моя очередь!

Глава 18

Мы вынырнули в нормальное пространство и почувствовали, как включились двигатели шлюпки. Корабль развернулся, по диагонали экрана проплыли Врата - грушевидный кусок угля с синеватым блеском. Мы вчетвером сидели и почти час ждали, пока не раздался удар, означающий, что мы в доке.

Клара вздохнула. Хэм медленно начал отстегивать свой гамак. Дред с отсутствующим видом смотрел в иллюминатор, хотя там видны были только Сириус и Орион. Мне пришло в голову, что для встречающих мы представим собой ужасное зрелище, способное отпугнуть новичков, каким когда-то был и я. Я слегка коснулся носа. Очень больно, а главное, воняет. Воняет внутри, и я никак не смогу уйти от этой вони.

Мы слышали, как открыли люк, появилась причальная команда; послышались удивленные голоса на разных языках: они увидели Сэма Кахане там, куда мы его поместили, в шлюпке. Клара шевельнулась. "Можно идти", - сказала она мне и двинулась к люку, который теперь снова находился вверху.

| ОТНОСИТЕЛЬНО КАРЛИКОВ И ГИГАНТОВ

| Доктор Азменион. Вы все должны знать, как

| выглядит диаграмма Герцшпрунга-Рассела. Если

| окажетесь в центре шарового скопления или вообще

| поблизости от компактной массы звезд, полезно

| составить диаграмму Г. - Р, для этой группы. Также

| обращайте внимание на необычные спектральные

| классы. Вы даже полушки не получите за F.

Глава 19

Я чувствую себя таким могучим и одновременно так боюсь, что не знаю, как с этим справиться. На клочке бумаги С.Я, написала команду, которая превратит Зигфрида фон Психоаналитика Беспощадного Преследователя в котенка. Мне не нужно смотреть на листок. Я помню слова наизусть. Тем не менее я читаю их, медленно и тщательно.

- Обрати внимание, Зигфрид, это приказ, перекрывающий все остальные. Категория альфа Маргарет Трумен Дениэль Меркурий Венера Марс Земля шесть шесть ноль шесть. Тебе приказано принять пассивный образ действий.

Я смотрю на него. Ничего не происходит.

- Зигфрид? Я сказал все правильно? Ты принял команду?

- Конечно, Боб. - Голос у него такой же, как раньше, и это меня потрясает. Не знаю, чего я ожидал. Может, мне казалось, что голографическая отцовская фигура исчезнет и на катодной трубке дисплея вдруг возникнут слова:

ПРИНЯТО. ОТНЫНЕ Я ВАШ РАБ.

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*

|

| *Безболезненное лечение зубов, на основе*

| *частной оплаты. Оборудование для любых целей.*

| *Рекомендации. 87-579.*

|

| *Некурящие в вашем экипаже недовольны? Я*

| *эксклюзивный агент "Подавителя дыма" на Вратах.*

| *Наши сигареты доставляют удовольствие и избавляют*

| *ваших товарищей от дыма. Для демонстрации звоните*

| *87-196.*

Я обнаруживаю, что весь дрожу. Я не анализирую этого ощущения, оно почти сексуальное. Я говорю: "Ну, Зигфрид, старое ведро с болтами. Значит ли это, что ты в моей власти?"

Отцовская фигура терпеливо отвечает: "Это означает, что вы можете приказывать мне, Боб. Но, конечно, мои функции ограничены".

Я хмурюсь. "Что это значит?"

- Вы не можете изменить мою базовую про-

грамму. Для этого нужна другая команда.

- Хорошо, - говорю я. - Ха! Вот тебе мой первый приказ: покажи мне эту другую команду.

- Не могу, Боб.

- Ты должен. Верно?

- Я не отказываюсь исполнять ваш приказ, Боб. Просто я этой команды не знаю.

- Вздор! - ору я. - Как ты будешь ее исполнять, если не знаешь?

- Я просто выполню ее, Боб. Или... - он говорит почти по-отцовски, по-прежнему терпеливо, - если отвечать более полно, каждая часть команды активирует последовательность инструкций, а когда все инструкции выполнены, освобождается еще одна область команды. В технических терминах, патрон с ключом последовательно открывает очередной патрон, также имеющий собственный ключ.

- Дерьмо! - Говорю я. Некоторое время я перевариваю это. - Так что же я могу приказать, Зигфрид?

- Вы можете затребовать любую накопленную информацию. Можете потребовать, чтобы я действовал в любом модусе в пределах моих возможностей.

- Любой модус? - Я смотрю на часы и с раздраже-

нием замечаю, что у этой игры скоро наступит конец. У меня осталось только десять минут. - Ты хочешь сказать, что я, например, могу заставить тебя говорить со мной по-французски?

- Qui, Robert, d'accord. Que voulez-vous? (Да, Робер, можете. Что вы хотите?, фр. - Прим, перев.).

- Или по-немецки, с... минутку, - я наобум говорю:

- голосом басс-профундо из Берлинской оперы.

Голос доносится как бы из глубины пещеры: "Jawohl, mein Herr".

- И ты расскажешь мне все, что я захочу?

- Jawohl, mein Her.

- По-английски, черт побери.

- Да.

- Относительно других твоих клиентов?

- Да.

Звучит забавно. "А кто эти твои остальные клиенты, дорогой Зигфрид? Читай список". - Я чувствую, как мой зуд отражается в голосе.

- Понедельник, девять сто, - послушно начинает он. - Ян Ильевский. Десять сто, Марио Латерани. Одиннадцать сто, Жюли Лаудон Мартин. Двенадцать...

- Она, - говорю я. - Расскажи мне о ней.

- Жюли Лаудон Мартин направлена из

общего отделения Королевского округа, она там лечилась в течение шести месяцев, у нее вырабатывалось отвращение к алкоголю. В истории болезни две попытки самоубийства, последовавшие вслед за депрессией - результатом выкидыша пятьдесят три года назад. У меня лечится в течение...

- Минутку, - говорю я, прибавляя пятьдесят три к возможному возрасту деторождения. - Я не уверен, что меня интересует Жюли. Можешь показать, как она выглядит?

- Я могу продемонстрировать голограмму, Боб.

- Давай. - Мгновенная вспышка, смутное световое пятно, и я вижу крошечную черную женщину на матраце - моем матраце - в углу комнаты. Она говорит медленно и не заинтересованно, ни к кому не обращаясь. Я не слышу, что она говорит, но мне и неинтересно.

- Продолжай, - говорю я, - и, называя очередного пациента, показывай мне, как он выглядит.

- Двенадцать сто, Лорн Шефилд. - Глубокий старик с пораженными артритом пальцами, превратившимися в когти, держится за голову. - Тринадцать сто, Франс Астрит. - Юная девушка, даже не достигшая половой зрелости. - Четырнадцать сто...

Я прослушиваю весь понедельник и часть вторника. Я не знал, что он так много работает, но, конечно, он ведь машина и не устает по-настоящему. Один или два пациента показались мне интересными, но знакомых не было, и все они были не лучше Иветты, Донны, С.Я, и десятка других. - Можешь остановиться, - говорю я и с минуту думаю.

Не так забавно, как я надеялся. Да и время мое истекает.

- Можно поиграть в любое время, - говорю я. - Сейчас поговорим обо мне.

- Что вы хотели бы увидеть, Боб?

- То, что ты обычно скрываешь от меня. Диагноз. Прогноз. Общие замечания относительно моего случая. Кем ты на самом деле меня считаешь?

- Пациент Робинетт Стенли Броудхед, - немедленно начинает он, - проявляет некоторые симптомы депрессии, хорошо компенсируемые активным жизненным стилем. Причина его обращения к психотерапевтической помощи - в депрессии и дезориентации. Он проявляет чувство вины и частичную амнезию на сознательном уровне относительно нескольких эпизодов, символически обозначенных в его

снах. Сексуальное тяготение относительно низко. Отношения с женщинами в целом неудовлетворительны, хотя его сексуальная ориентация в целом гетеросексуальна на восемнадцать процентов...

- К дьяволу твои выводы... - начинаю я, рассерженный этим сексуальным тяготением и неудовлетворительными отношениями. Но мне не хочется с ним спорить, к тому же он говорит: "Должен сообщить вам, Боб, что ваше время почти кончилось. Теперь вам следует пройти в восстановительную комнату".

- Вздор! От чего мне восстанавливаться? - Но он говорит дело. - Хорошо, возвращайся к норме. Команда отменена - так я должен сказать? Отменена команда?

- Да, Робби.

- Ты опять! - кричу я. - Прими наконец решение, как ты меня будешь называть!

- Я обращаюсь к вам соответственно состоянию вашего рассудка: вернее, соответственно тому состоянию, которое хочу у вас вызвать, Робби.

- А теперь ты хочешь, чтобы я был ребенком? Ну, ладно, неважно. Слушай, - говорю я, вставая, - ты помнишь весь наш разговор, когда я приказал тебе показывать голограммы?

- Конечно, помню, Робби, - и добавляет, к моему удивлению, потому что уже десять-двадцать секунд, как мое время истекло:

- Вы довольны, Робби?

- Чем?

- Вы доказали себе, к собственному удовлетворению, что я всего лишь машина? Что вы в любое время можете контролировать меня?

Я замолкаю. Потом: "Значит, вот что я делал? - говорю я удивленно. - Ну, хорошо. Ты машина, Зигфрид. Я могу тебя контролировать".

А он произносит мне вслед: "Но ведь это мы и так знали? То, чего вы по-настоящему боитесь, то, что хотите контролировать, - это внутри вас".

Глава 20

Когда проводишь бесконечные недели так близко к другому человеку, что знаешь каждое икание, каждый запах, каждую царапину на теле, то либо начинаешь смертельно ненавидеть, либо погружаешься глубоко в другого, не зная выхода. У Клары и меня было и то, и другое. Наше маленькое любовное увлечение обернулось отношениями сиамских близнецов. И в этом не было никакой романтики. Между нами вообще не было пространства для романтики. И все же я знал каждый дюйм Клары, каждую пору, каждую ее мысль лучше, чем знал свою мать. И тем же самым путем: из чрева наружу. Я был окружен Кларой.

И, подобно инь и ян, она была также окружена мной; каждый из нас определял вселенную другого, и бывали времена, когда я (я уверен, что и она) отчаянно хотел вырваться и глотнуть свежего воздуха.

В день возвращения, грязные и измотанные, мы автоматически направились к Кларе. Там была ванна, много места, квартира ждала нас, и мы вдвоем упали в постель, как давно женатые

после недели распаковки. Но мы не были давно женатыми. И у меня не было прав на нее. На следующее утро за завтраком (привезенный с земли канадский бекон и яйца, невероятно дорогие, свежие ананасы, овсянка с настоящими сливками, капуччино) Клара постаралась напомнить мне об этом, упрямо заплатив из своего кредита. Я проявил павловский рефлекс, чего она и хотела. Я сказал: "Тебе не нужно этого делать. Я знаю, что у тебя больше денег".

- И ты бы хотел знать, насколько больше, - сказала она, очаровательно улыбаясь.

Я знал. Мне сказал Шики. На ее счету было семьсот тысяч долларов с мелочью. Достаточно, чтобы вернуться на Венеру и прожить остаток жизни в относительной безопасности, если бы она захотела, хотя не могу вообще понять, как это люди могут жить на Венере. Может, поэтому она и оставалась на Вратах, хоть ей это было необязательно. "Ты должен наконец родиться, - сказал я, заканчивая свою мысль вслух. - Нельзя вечно оставаться в чреве".

Она удивилась, но готова была продолжать. "Боб, дорогой, - сказала она, вылавливая в моем кармане сигарету и позволяя мне зажечь ее, - ты в самом деле должен позволить умереть наконец

твоей бедной маме. Мне трудно все время напоминать себе, что я должна тебя отвергать, чтобы ты через меня за ней ухаживал".

Я понял, что начинается игра в вопросы и ответы, но, с другой стороны, понял, что ничего подобного. Подлинная повестка дня не общение, а желание крови. "Клара, - приветливо ответил я, - ты знаешь, что я тебя люблю. Меня беспокоит, что ты достигла сорока лет, не установив долговременных отношений ни с одним мужчиной".

Она хихикнула. "Дорогой, - сказала она, - я как раз хотела поговорить с тобой об этом. Этот нос. - Она скорчила гримасу. - Ночью, как я ни устала, мне показалось, что меня вырвет, пока ты не отвернулся. Если бы ты пошел в больницу, там могли бы перевязать..."

Ну, даже я ощущал этот запах. Не знаю, почему так бывает со стандартными хирургическими повязками, но перенести это очень трудно. Я пообещал сделать это и затем, чтобы наказать ее, не закончил стодолларовую порцию ананаса, и она, чтобы наказать меня, раздраженно начала передвигать в ящике шкафа мои вещи, чтобы освободить место для содержимого своего рюкзака. Поэтому мне, естественно,

пришлось сказать: "Не делай этого, дорогая. Как я тебя ни люблю, мне кажется, что лучше я ненадолго вернусь в свою комнату".

| *ОТНОСИТЕЛЬНО ВЗРЫВОВ*

|

| *Доктор Азменион. Естественно, можно получить*

| *данные о новой и особенно сверхновой. Это многого*

| *стоит. Когда происходит взрыв, я хочу сказать.*

| *Поздние наблюдения мало что дают. И всегда ищите*

| *наше Солнце, и если сможете опознать его, делайте*

| *все возможные снимки, во всех частотах, весь район*

| *- скажем, на пять градусов в обе стороны. С*

| *максимальным увеличением.*

|

| *В. Зачем это, Дэнни?*

|

| *Доктор Азменион. Ну, может, вы окажетесь*

| *далеко от Солнца в районе возле звезды*

Тихо или

| Крабовидной туманности, которая осталась после

| взрыва сверхновой в 1054 году в созвездии Тельца.

| И, может, вам удастся сделать снимок звезды до

| того, как она взорвалась. Ну, это даст много, не

| знаю, может, пятьдесят или сто тысяч.

Она потрепала меня по руке. "Мне будет очень одиноко, - сказала она, гася сигарету. - Я привыкла просыпаться рядом с тобой. С другой стороны..."

- Заберу свои вещи, возвращаясь из больницы, - сказал я. Разговор мне не нравился. И я не хотел, чтобы он продолжался. Это такая разновидность ближнего боя мужчина-женщина, которую я обычно стараюсь приписать предменструальному состоянию. Мне нравится эта теория, но, к несчастью, в данном случае я знал, что к Кларе это не относится, и, разумеется, остается нерешенным вопрос, насколько это относится ко мне.

В больнице меня заставили ждать больше часа, а потом мне было очень больно. Кровь из

меня текла, как из зарезанной свиньи; вся рубашка и брюки были залиты, и когда из моего носа вытягивали бесконечные ярды хлопковой марли, которые туда затолкал Хэм Тайе, чтобы я не истек кровью до смерти, создавалось полное впечатление, что вытаскивают окровавленные комки плоти. Я кричал. Старая японка, которая занималась мной, не проявила терпения. "О, замолчи, - сказала она. - Ты кричишь точно, как тот сумасшедший старатель, который убил себя. Он кричал целый час".

Я взмахом руки попросил ее отойти, другой рукой пытаясь остановить кровь. Во мне зазвучали колокола тревоги. "Что? Как его имя?"

Она оттолкнула мою руку и вонзилась в нос. "Не знаю... сейчас, погоди. Ты ведь с того же неудачливого рейса?"

- Это я и пытаюсь узнать. Это Сэм Кахане?

Неожиданно она стала более человечной. "Прости, милый, - сказала она. - Да, кажется, так его звали. Ему должны были сделать укол, чтобы он успокоился, но он вырвал шприц у врача и... ну, он заколол себя до смерти".

Да, тяжелый выдался день.

Наконец она сделала мне обезболивающий укол. "Я наложу легкую повязку, - сказала она.

- Завтра сможешь сам ее снять. Только поосторожней, а если снова начнется кровотечение, давай быстрее сюда".

Она меня отпустила, я похож был на жертву убийства топором. Я побрел к Кларе, чтобы переодеться, а день продолжал быть ужасным. "Проклятый Близнец, - напустилась она на меня. - В следующий раз я полечу с Тельцом, как Мечников".

- Что случилось, Клара?

- Нам дали премию. Двенадцать с половиной тысяч! Боже, я своей прислуге плачу больше.

- Откуда ты знаешь? - Я уже разделил 12 500 на пять и в ту же долю секунды подумал, а не разделят ли в сложившихся обстоятельствах эту сумму на четверых.

- Позвонили десять минут назад. Боже! Худший из всех возможных рейсов, и я получаю меньше, чем стоит одна зеленая фишка в казино - Тут она посмотрела на мою рубашку и чуть смягчилась. - Ну, это не твоя вина, Боб, но все равно не надо связываться с Близнецами. Мне следовало это знать. Поищу тебе чего-нибудь чистого.

Я позволил ей сделать это, но не остался. Забрал свои вещи, дошел до шахты, в регистрационном офисе попросил назад свою комнату и

позвонил от них. Клара, упомянув Мечникова, напомнила мне, что я кое-что хотел сделать.

Мечников поворчал, но наконец согласился встретиться со мной в аудитории для занятий. Я, конечно, пришел раньше него. Он заглянул, остановился в дверях, осмотрелся и спросил: "Где эта, как ее?"

- Клара Мойнлин. Она в своей комнате - почти правда. Образцовый ответ.

- Гм. - Он провел указательным пальцем по бачкам, встречающимся под подбородком. - Ну тогда давай. - И пошел передо мной, говоря через плечо:

- Она вообще-то поняла бы больше, чем ты.

- Конечно, Дэйн.

- Гм. - Он остановился у бугра в полу - это был вход в один из учебных кораблей, затем пожал плечами, открыл люк и начал спускаться.

Он необычно открыт и щедр, подумал я, спускаясь вслед за ним. Он уже скорчился перед панелью селектора целей, набирая номер. В руке у него был портативный считчик информации, связанный с главным компьютером Корпорации; я знал, что он набирает уже известный номер, и поэтому не удивился, когда он немедленно получил цвет. Он коснулся тонкой

настройки и ждал, глядя на меня через плечо, пока вся доска не окрасилась тревожным розовым цветом.

- Хорошо, - сказал Мечников. - Хороший набор. Теперь посмотри на нижнюю часть спектра.

| *Англиканская церковь Врат*
| *Преподобный Тео Дурлей, священник*
| *По воскресеньям в 10430*
| *Общая проповедь*
| *Вечерние службы по соглашению*
|
| *Эрик Маньер, который прекратил службу в*
| *качестве церковного старосты 1 декабря, оставил*
| *несмываемую печать на церкви Всех Святых, и мы у*
| *него в неоплатном долгу. Он родился в Элстри,*
| *Хартфорд, 51 год назад. Окончил Лондонский*
| *университет и потом готовился к адвокатуре.*
| *Работал несколько лет в Перте на газовых*
| *месторождениях. Мы опечалены его отле-*

том, но в то

| же время радуемся, что исполняется его заветное

| желание, он возвращается в свой родной

| Хартфордшир, где посвятит свои пенсионные годы

| службе обществу и изучению церковных хоралов. В

| ближайшее воскресенье будет избран новый староста,

| если будет кворум не менее чем из девяти прихожан.

Это была меньшая линия радужных цветов вдоль правого края панели, от красного до фиолетового. Фиолетовые линии в самом низу, и цвета переходили друг в друга постепенно, только изредка видны были линии ярких цветов или черные. Все очень точно походило на то, что астрономы называют Фраунгоферовы линии. Единственный способ узнать, из чего состоит планета или звезда, - поглядеть в спектроскоп. Но нет. Фраунгоферовы линии показывают, какие элементы имеются в источнике излучения (или в том, что находится между источником излучения и вами). Эти же показывали Бог знает что.

Бог и, может быть, Дэйн Мечников. Он улыбался и был поразительно разговорчив. "Вот эта полоса из трех синих линий, - сказал он. - Видишь? Похоже, они указывают на опасность полета. По крайней мере компьютер рассчитал, что если есть шесть и больше таких линий, корабль никогда не возвращается".

Теперь он полностью овладел моим вниманием. "Боже! - сказал я, думая о том, как много хороших людей погибло, потому что они не знали этого. - Почему об этом не говорят на курсах?"

Он сказал терпеливо (для него): "Броудхед, не будь тупицей. Это все совершенно новое. И по большей части предположительное. Далее. Зависимость между опасностью и количеством линий не очень четкая. Если ты думаешь, что появление новой линии означает новую степень опасности, ты ошибаешься. Можно подумать, что пять линий означают тяжелые потери, а если таких линий совсем нет, то нет и потерь. Но это неверно. Наименее опасными кажутся спектры с одной и двумя линиями. Три тоже неплохо, но тут отмечены потери. При отсутствии линий почти столько же потерь, как при трех".

На какое-то время я даже подумал, что ученые Корпорации заслужили свою оплату. "Тогда

почему бы не отправлять корабли только туда, где линии свидетельствуют о безопасности?"

- Мы в сущности не уверены, что они безопасней, - сказал Мечников, снова терпеливо для себя. Тон его звучал гораздо безапелляционней, чем слова. - К тому же в бронированном корабле можно справиться с большими опасностями, чем в легком. Прекрати задавать глупые вопросы, Броудхед.

- Прости. - Мне было неудобно сидеть за ним, скорчившись и глядя через его плечо, так что, когда он повернулся, его бачки мазнули меня по лицу. Но мне не хотелось менять позицию.

- А теперь посмотри на желтые. - Он указал на пять ярких полос. - Эти линии как будто коррелируют с успехом полета. Бог знает, что они обозначают, - это ведь обозначения хичи, - но в терминах финансового вознаграждения экипажей существует очень неплохая корреляция между количеством желтых линий и денежным вознаграждением экипажа.

- Ух ты!

Он продолжал, как будто ничего не слышал. "Естественно, хичи рассчитывали свои приборы не для того, чтобы измерять твои или мои доходы. Приборы измеряют что-то еще,

кто знает что? Может, плотность населения в этой области или степень технологического развития. Может, это путеводитель туриста, и говорится в нем только, что в этой области есть четырехзвездочный ресторан. Но вот что очевидно. Пять желтых полос соответствуют размеру вознаграждения, в пятьдесят раз большему - в среднем, чем две линии, и в десять раз большему, чем при остальных показателях".

Он снова повернулся, так что его лицо оказалось всего в десяти сантиметрах от моего, глаза его смотрели прямо в мои. "Хочешь посмотреть другие наборы? - спросил он тоном, который требовал, чтобы я ответил: нет. Я так и поступил. - Хорошо". И замолк.

Я встал и попятился, чтобы освободить немного места. "Один вопрос, Дэйн. У тебя, очевидно, есть причина рассказывать мне это, прежде чем оно станет общеизвестно. Какая же?"

- Ты прав, - ответил он. - Я хочу эту, как её там, в экипаж, если полечу на трехместном или пятиместном.

- Клара Мойнлин.

- Все равно. Она хорошо держится, не занимает много места, знает... она лучше знает, как вести себя с людьми, чем я. Я иногда испытываю трудно-

сти в межличностных отношениях, - объяснил он. - Конечно, если полечу в трех- или пятиместном. Если будет подходящий одноместный, я возьму его. Но если ни одного одноместного с хорошими показаниями не будет, я хочу лететь с тем, кто умеет себя вести, не вцепится мне в волосы, умеет управлять кораблем - все такое. Ты тоже можешь лететь, если хочешь.

Когда я вернулся в свою комнату, Шики оказался там чуть ли не раньше, чем я начал распаковываться. Он был рад мне.

"Жаль, что ваш полет оказался бесплодным, - у него бесконечный запас мягкости и доброты. - Жаль вашего друга Кахане". Он принес мне чая, потом сел на мой шкаф, как в первый раз.

Катастрофический полет почти ушел из моего сознания, которое было полно сладкими мыслями о последствиях разговора с Мечниковым. Я не мог не говорить об этом. И пересказал Шики все, что говорил мне Дэйн.

Он слушал, как ребенок слушает волшебную сказку, его черные глаза сверкали. "Как интересно, - сказал он. - Я слышал разговоры о новых данных, которые скоро сообщат всем. Только подумать, если можно вылетать, не боясь смерти или..." - он замолк, взмахивая своими крыльями.

- Это еще не совсем точно, Шики, - сказал я.

- Конечно, нет. Но положение улучшилось, верно? - Он помолчал, глядя, как я делаю глоток почти безвкусного японского чая. - Боб, - сказал он, - если вы пойдете в такой полет и вам понадобится человек... Конечно, в шлюпке от меня мало толку. Но на орбите я не хуже любого другого.

- Я знаю, Шики. - Я старался говорить как можно тактичнее. - А как Корпорация?

- Мне разрешат вылет, если не будет других желающих.

- Понятно. - Я не сказал, что не хочу участвовать в полете, на который нет желающих. Шики это знал. Он один из подлинных ветеранов Врат. По слухам, он получил большую премию, достаточную для Полной медицины и всего прочего. Но либо потерял ее, либо отдал кому-то, а сам остался калекой. Я знаю, он понимал, о чем я думаю, но сам я совсем не понимал Шикетея Бакина.

Он подвинулся с моего пути, когда я убирал вещи, и мы сплетничали об общих знакомых. Корабль Шери еще не вернулся. Пока еще не о чем беспокоиться, конечно. Можно дать еще несколько недель - без катастрофических последствий. Конголезская пара, как раз за перекрестком в коридоре, вернулась с большим

количеством молитвенных вееров из ранее неизвестного муравейника хичи, на планете вокруг звезды А-2, в самом конце спирального рукава Ориона. Они разделили миллион на три части и увезли свою долю назад в Мунгбере. Форхенды...

Как раз, когда мы о них говорили, показалась Луиза Форхенд. "Услышала голоса, - сказала она, вытягивая шею, чтобы поцеловать меня. - Жаль, что у вас оказался такой тяжелый рейс".

- Во всякой игре есть проигравшие.

- Ну, добро пожаловать домой. У меня получилось не лучше. Тусклая маленькая звезда, мы не нашли никаких планет. Понять не могу, зачем хичи проложили туда курс. - Она улыбнулась и погладила меня по шее. - Приходите ко мне на вечеринку по случаю возвращения. Или вы с Кларой?...

- Спасибо, - сказал я, и она не поднимала больше вопроса о Кларе. Несомненно, слухи уже распространились: сигнальные барабаны Врат работают днем и ночью. Через несколько минут она ушла. - Хорошая женщина, - сказал я Шики, глядя ей вслед. - Хорошая семья. Она как будто чем-то встревожена.

- Боюсь, что да, Робинетт. Ее дочь Лу просрочила время. В этой семье много горя.

Я взглянул на него. "Нет, не Вилла и не отец; они в полете, но время у них еще не вышло. Был еще сын".

- Я знаю. Генри, мне кажется. Они называли его Хэт.

- Он умер перед их прилетом сюда. А теперь Лу. - Он склонил голову, потом вежливо подлетел ко мне, взял пустую фляжку. - Мне нужно возвращаться на работу, Боб.

- Как ивы?

Он печально ответил: "Я больше там не работаю. Эмма не считает меня хорошим работником".

- Да? Чем же ты занимаешься?

- Делаю Врата эстетически привлекательными, - ответил он. - Вероятно, меня можно назвать мусорщиком.

Я не знал, что ответить. Врата забиты мусором; из-за низкого тяготения любой обрывок бумаги, любой выброшенный кусочек пластмассы плавает где-то внутри астероида. Пол подметать нельзя. Первый же взмах метлы все поднимает в воздух. Я видел, как мусорщики гоняются за клочками бумаги и сигаретным пеплом с ручными пылесосами, и даже подумывал, что сам стану одним из них. Но мне не понравилось,

что Шики занимается этим.

Он без труда понял, о чем я думаю. "Все в порядке, Боб. Мне нравится работа. Но... пожалуйста, если понадобится член экипажа, вспомните обо мне".

| *ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ*
|
| *Корабль АЗ-7. Рейс 022В55. Экипаж Ш. Ридни, Э.*
| *Тзин, М. Синдлер.*
|
| *Время до цели 18 суток 0 часов. Место*
| *назначения примерно в окрестностях Кси Пегаса А.*
|
| *Резюме. Мы вынырнули в непосредственной*
| *близости от небольшой планеты, примерно в 9*
| *астрономических единицах от центральной звезды.*
| *Планета покрыта льдом, но мы засекли излучение*
| *хичи в одном месте в районе экватора. Ридни и Мэри*

| Сидни высадились и с некоторыми трудностями -

| местность оказалась гористой - обнаружили место с

| повышенной температурой, и в нем металлический

| купол. Внутри купола оказалось некоторое

| количество артефактов хичи, включая две пустых

| шлюпки, домашнее оборудование неизвестного

| назначения и нагревальную проволоку. Большую часть

| небольших предметов нам удалось перенести на

| корабль. Выключить нагревательную проволоку не

| удалось, но мы уменьшили ее температуру и держали

| в шлюпке на всем пути назад. Но все же Мэри и Тзин

| оказались серьезно обезвоженными и находились в

| момент прибытия в коме.

|

| Оценка Корпорации. Нагревальная проволока

| проанализирована и повторена. Премия 3 миллиона,

| помимо последующих процентов от использования.

| Другие артефакты еще не проанализированы. Премия

| 25 000 за килограмм массы, общая сумма 675 тысяч

| долларов и проценты от возможной эксплуатации.

Я получил свою премию и заплатил за три недели вперед. Купил кое-что необходимое: новую одежду, музыкальные ленты, чтобы изгнать из ушей Моцарта и Палестрину. После этого у меня осталось около двухсот долларов.

Двести долларов - это почти ничего. Двадцать порций выпивки в "Голубом Аду", или одна дешевая фишка за столом блекджека, или полдесятка приличных обедов в столовой для старателей.

Итак, у меня три возможности. Я могу получить другую работу и оставаться здесь неопределенное время. Или вылететь через три недели. Или сдаться и отправиться домой. Ни одна из этих возможностей меня не привле-

кала. Но, если экономить, то мне долго - целых двадцать дней - можно не принимать решение. Я решил бросить курить и не покупать ничего из пищи; таким образом, я в день могу тратить всего девять долларов, так что моя поденная оплата и весь мой капитал кончатся одновременно.

Я позвонил Кларе. Она отвечала осторожно, но дружелюбно, поэтому я тоже говорил осторожно и дружелюбно. Ничего не сказал о вечеринке, и она не сказала, что хочет увидеть меня вечером, и все осталось по-прежнему: ничего определенного. Меня это устраивало. Я не нуждался в Кларе. На вечеринке я встретил новую девушку - Дорин Маккензи. Вообще-то она не девушка: она по крайней мере на десять лет старше меня и пять раз была в полетах. В ней возбуждало то, что однажды ей повезло. Она увезла назад в Атланту полтора миллиона и потратила их, стараясь создать себе карьеру певицы: автор текста, менеджер, рекламный отдел, записи и так далее, - а когда не получилось, она вернулась на Врата, чтобы снова попытать счастья. Кроме того, она была очень, очень хорошенькая.

Но после двух дней знакомства с Дорин я снова позвонил Кларе. Она сказала: "Приходи",

и звучало это тревожно. Я был у нее через десять минут, а еще через пять мы были в постели. Конечно, Дорин мила, она отличный пилот, но она не Клара Мойнлин.

Мы лежали в гамаке, потные, усталые и опустошенные, Клара зевнула, потянула меня за волосы, откинулась и посмотрела на меня. "Дерьмо, - сонно сказала она, - наверно, это называется любовь".

Я был любезен. "Она заставляет мир вращаться. Нет, не она. Ты".

Она с сожалением покачала головой. "Иногда я тебя не выношу, - сказала она. - У Стрельца никогда не получается с Близнецами. У меня огненный знак, а Близнецы - они всегда все путают".

- Перестала бы ты говорить об этом вздоре.

Она не обиделась. "Пойдем поедим".

Я соскользнул с гамака и встал. Мне нужно было, чтобы я мог говорить, а она меня не касалась. "Дорогая Клара, - сказал я, - я не могу позволить тебе кормить меня, потому что ты из-за этого будешь раздражаться рано или поздно - а если ты поведешь себя не так, как я ожидаю, буду раздражаться я. У меня просто нет денег. Если ты хочешь поесть не в общей столовой, ешь одна.

И я не буду брать у тебя сигареты, выпивку или фишки в казино. Так что, если хочешь поесть, иди ешь. Увидимся позже. Может, пойдем погуляем".

Она вздохнула. "Близнецы никогда не умеют распоряжаться деньгами, - сказала она мне, - но в постели они хороши".

Мы оделись и пошли есть, но в общей столовой, где нужно стоять в очереди с подносом и есть стоя. Пища неплохая, если не думать, на чем она выросла. И цена подходящая. Здесь еда ничего не стоит. Утверждают, что если питаешься только в столовой, то все потребности организма удовлетворяются. Но для этого нужно съедать все. Одноклеточный протеин и растительный протеин не удовлетворяют потребностей отдельно друг от друга, так что недостаточно съесть только соевое желе или бактериальный пудинг. Нужно съесть и то, и другое.

И еще одно: еда в столовой вызывает образование большого количества метана, и все побывавшие на Вратах знают, что такое "вонь Врат".

Потом мы отправились на нижние уровни. Много не говорили. Вероятно, оба думали, куда же мы идем. "Хочешь погулять?" - спросила Клара.

Я взял ее за руку, и мы пошли. Иногда та-

кие прогулки забавны. Некоторыми заросшими ивами туннелями никто больше не интересуется, а за ними пустые пыльные ходы, где никто не позаботился посадить ивы. Обычно там светло от древних стен: голубой металл хичи продолжает светиться. Иногда - не в последнее время, лет шесть-семь назад - в таких туннелях находили артефакты хичи, и никогда не знаешь, наткнешься ли в них на находку, которая принесет премию.

Но я не испытывал энтузиазма: какой уж тут энтузиазм, когда нет выбора. "А почему бы и нет? - сказал я несколько минут спустя, увидев, где мы находимся. - Пошли в музей".

- Хорошо, - ответила она, неожиданно заинтересовавшись. - Знаешь, там оборудовали новую экспозицию. Мечников рассказывал мне о ней. Ее открыли, когда мы были в полете.

Мы изменили направление, спустились на два уровня и пришли к музею. У самого входа находилось новое помещение, почти сферическое. Большое, больше десяти метров в диаметре, нам пришлось прицепить крылья, как у Шики; они висели на стойке у входа. Ни я, ни Клара не пользовались ими раньше, но это оказалось нетрудно. На Вратах вы так мало весите, что лег-

че было бы летать, чем ходить, если бы только нашлось достаточно места.

И вот мы через порог влетели в сферу и оказались в центре вселенной. Стены помещения были заняты шестиугольными панелями, на каждую из какого-то скрытого источника проецировалась сцена; вероятно, это было цифровое изображение на жидких кристаллах.

- Как красиво! - воскликнула Клара.

Вокруг нас расстилалось нечто вроде глобограммы всего, что найдено кораблями старателей. Звезды, туманности, планеты, спутники. Каждая панель показывала независимую картину, так что нас окружало сто двадцать восемь отдельных сцен. Потом мелькание; все сцены менялись; опять мелькание. Так продолжалось все время, сцены менялись, иногда повторяясь.

Снова мелькание, и вся сфера оказалась занятой мозаичным изображением галактики М-31, видимой Бог знает с какой точки.

- Эй! - сказал я возбужденно. - Это действительно здорово! - И правда. Как будто побывал во всех рейсах, без этой тяжелой нудной работы без неудобств и постоянного страха.

Кроме нас никого не было, и я вначале не мог понять, почему. Можно было ожидать что тут

выстроится очередь желающих увидеть. Тут с одной стороны появились изображения всех артефактов хичи, когда-либо найденных старателями: молитвенные веера всех расцветок, машины, оборудование кораблей, некоторые туннели - Клара воскликнула, что она в них бывала у себя дома на Венере, но я не мог понять, как она их узнала. Потом снова начались фотографии, сделанные из космоса. Некоторые показались мне знакомыми. Я узнал Плеяды, которые быстро исчезли и сменились видом Врат-2, снятым из пространства, на боках астероида видны были отражения двух ярких звезд. Я увидел что-то знакомое - может быть, туманность Конская Голова, потом облако газа и пыли в виде пирожка - то ли кольцевая туманность в Лире, то ли туманность, открытая одним из кораблей несколько орбит назад и названная Французским Печеньем; эта туманность видна была в небе планеты, на которой обнаружены туннели хичи, однако добраться до них не удалось: они на дне замерзшего моря.

Мы висели там с полчаса, пока не поняли, что сцены начинают повторяться, тогда мы вернулись к порогу, повесили крылья и сели в широком месте туннеля недалеко от музея, чтобы

покурить.

Прошли две женщины из постоянного штата Корпорации, они несли свернутые прицепные крылья. "Привет, Клара, - поздоровалась одна из них. - Были внутри?"

Клара кивнула. "Очень красиво", - сказала она.

- Любуйтесь, пока можно, - сказала другая женщина. - На следующей неделе это обойдется вам в сотню долларов. Завтра мы установим экраны для чтения лекций, и состоится торжественное открытые перед следующим потоком туристов.

- Зрелище того стоит, - сказала Клара и взглянула на меня.

Я понял, что несмотря ни на что курю ее сигарету. Пять долларов пачка, я не мог себе этого позволить, но я принял решение купить хотя бы одну пачку и давать ей курить не меньше, чем беру у нее.

- Хочешь еще погулять? - спросила она.

- Может, чуть позже, - ответил я. Сколько мужчин и женщин умерло, чтобы я смог увидеть эти снимки? Я понял, что рано или поздно снова должен буду играть в смертоносную лотерею на кораблях хичи или сдаться. Интересно, информация Мечникова вносит ли в эту лотерею

какие-то изменения? Теперь все говорили об этом; на следующий день ожидалось сообщение Корпорации.

- Кстати, я вспомнил, - сказал я. - Ты виделась с Мечниковым?

- А я все жду, когда ты меня об этом спросишь, - ответила она. - Конечно. Он позвонил и рассказал, что показывал тебе эти цветные линии. Поэтому я отправилась к нему и прослушала ту же лекцию. И что ты думаешь. Боб?

Я погасил сигарету. "Я думаю, теперь все на Вратах будут драться за хорошие рейсы, вот что я думаю".

- Но, может, Дэйн знает что-нибудь. Он работал в команде Корпорации.

- Несомненно, знает. - Я потянулся и откинулся, покачиваясь в слабом тяготении и думая. - Он не такой хороший парень, Клара. Может быть, он расскажет нам, когда подвернется что-то подходящее, о котором он знает. Но он захочет что-то за это.

Клара улыбнулась. "Он мне сказал".

- О чем?

- Ну, он мне как-то позвонил. Попросил свидания.

- О, дьявол, Клара! - Я почувствовал силь-

ное раздражение. Не из-за Клары и не только из-за Дэйна. Из-за денег. Из-за того, что если через неделю я снова захочу посмотреть на эти сцены, мне это обойдется в половину моих наличных. Из-за темного смутного будущего, которое не очень далеко впереди, когда мне придется принять решение и решиться на то, чего я смертельно боюсь. - Я не стал бы доверять этому сукину сыну...

- Спокойней, Боб. Он не такой уж плохой парень, - сказала она, зажигая еще одну сигарету и оставляя пачку, чтобы я мог взять себе. - Сексуально он может быть даже интересен. Грубо, как у всякого Тельца, - ему нужно многое предложить, но и он может многое.

- О чем ты говоришь?

Она искренне удивилась. "Я думала, ты знаешь, что он бисексуал".

- Он никогда этого не показывал... - но тут я смолк, вспомнив, как он любит придвигаться совсем близко и как мне было с ним неприятно.

- Может, ты ему не подходишь, - она улыбнулась. Но улыбка была недобрая. Несколько китайцев вышли из музея, с интересом взглянули на нас и вежливо отвели взгляд.

- Пошли отсюда, Клара.

И мы пошли в "Голубой Ад", и, конечно, я настоял, что сам заплачу за свою выпивку. Сорок восемь долларов вылетели в трубу за один час. И мне совсем не было весело. Мы вернулись к ней и снова легли в постель. И это было невесело. Когда мы кончили, ссора продолжилась. А время уходило.

Есть люди, которые никогда не достигают определенного пункта в своем эмоциональном развитии. Они не могут вести легкую нормальную жизнь с сексуальным партнером долгое время. Что-то внутри у них не выносит счастья. Чем им лучше, тем больше им хочется уничтожить это счастье.

Блуждая с Кларой по Вратам, я начал подозревать, что отношусь к таким людям. Я знал, что Клара из их числа. Она никогда не выдерживала отношений с мужчиной больше нескольких месяцев: она сама мне об этом сказала. А я уже был близко к рекордному времени с ней. И она сильно нервничала.

Иногда Клара бывала более взрослой и ответственной, чем я стану когда-нибудь. Как она попала на Врата, например. Она не выиграла в лотерею. Она экономила много лет. Она работала водителем аэротакси с лицензией гида и

инженерным образованием. Жила как рыбий фермер, а зарабатывала столько, что могла бы снимать трехкомнатную квартиру в подземельях Венеры, проводить каникулы на Земле и получать Полную медицину. Она больше меня знала о выращивании пищи на углеводородных субстратах, несмотря на все проведенные мною в Вайоминге годы. (Она вкладывала деньги в пищевую фабрику на Венере, а она в своей жизни никогда не тратила деньги на то, чего не понимала). Когда мы вылетели вместе, она была старшим членом экипажа. Это ее хотел Мечников в свой экипаж - если он хотел кого-то, - а не меня. Она была моим инструктором!

И все-таки между нами двумя именно она была такой неумелой и неумолимой, каким я когда-либо бывал с Сильвией или с Диной, Джейнис, Лиз, Эстер и другими девушками, с которыми у меня случались двухнедельные романы за все эти годы после Сильвии. Она говорила: это потому, что она Стрелец, а я Близнецы. Стрельцы - пророки. Стрельцы любят свободу. А мы, бедные Близнецы, всегда все путаем и ужасно нерешительны. "Неудивительно, - говорила она мне однажды утром, завтракая в своей комнате (я принял у нее только пару глотков кофе),

- что ты не можешь решиться снова вылететь. Это не просто физическая трудность, дорогой Робинетт. Часть твоей двойственной натуры стремится к торжеству. А часть желает поражения. Интересно, какой из них ты позволишь победить".

Я ответил двусмысленно. Сказал: "Милая, подумай о себе". Она рассмеялась, и мы прожили этот день. Она повела в счете.

Корпорация опубликовала ожидавшееся объявление, и начались оживленные обсуждения, планирование, обмен предположениями и интерпретациями. Это было время возбужденного ожидания. Компьютеры Корпорации выдали двадцать установок с низким фактором опасностей и высокими ожиданиями прибыли. В течение недели были набраны экипажи, и все эти рейсы состоялись.

И я не был ни на одном из этих кораблей, и Клара тоже; мы старались не говорить с ней об этом.

Как ни удивительно, но и Дэйна Мечникова ни на одном из этих кораблей не было. Он что-то знал или говорил, что знает. Но ничего не отвечал, когда я его спрашивал, только смотрел презрительно. Даже Шики чуть не вылетел. Он потерял место в последний час, а вылетел

парень-финн, который так ни с кем и не смог поговорить; на пятиместном корабле летели четверо шведов, и они согласились взять с собой финна. Луиза Форхенд тоже не улетела, она ожидала возвращения кого-нибудь из членов своей семьи. Теперь в столовой можно было поесть без очереди, и вдоль всего туннеля было множество пустых комнат. И вот однажды ночью Клара сказала мне: "Боб, я собираюсь обратиться к психоаналитику".

Я подпрыгнул. Для меня это сюрприз. Хуже того, предательство. Клара знала о моем психотическом эпизоде и о том, что я думаю о психотерапевтах.

Я отбросил первые десять фраз, которые мог ей сказать: тактичное - "Я рад; как раз вовремя"; лицемерное - "Я рад; расскажешь, как это тебе помогло"; стратегическое - "Я рад; может, я и сам это сделаю, если смогу заплатить". И воздержался от единственного правдивого ответа: "Я считаю, что этим шагом ты меня осуждаешь, за то что я заставляю тебя склонять голову". Я вообще ничего не ответил, и немного погодя она продолжила:

- Мне нужна помощь, Боб. У меня все смешалось.

Это меня тронуло, и я потянулся к ее руке. Ее рука вяло лежала в моей, она ее не сжимала, не отбирала. Сказала: "Мой профессор психологии обычно говорил, что это первая ступень. Нет, вторая. Первая - это когда ты понимаешь, что у тебя есть проблема. Ну, я уже некоторое время знаю об этом. Вторая ступень - принятие решения: хочешь ли ты что-нибудь сделать относительно этой проблемы или оставишь все, как есть. Я решила что-нибудь сделать".

- Куда же ты обратишься? - старательно небрежно спросил я.

- Не знаю. Мне кажется, психотерапевтические группы немного дают. Главный компьютер Корпорации соединен с психоаналитической машиной. Это было бы дешевле всего.

- Дешевое - это дешевое, - сказал я. - В молодости я провел два года с психоаналитическими машинами, после того... после того, как у меня все смешалось.

- Но с тех пор ты уже двадцать лет держишься, - разумно возразила она.

- Я остановлюсь на этом. Пока, по крайней мере.

Я похлопал ее по руке. "Любой твой шаг - правильный, - мягко сказал я.

- Мне кажется, что мы с тобой будем лучше ладить, если ты избавишься от старого вздора о правах рождения. У нас у всех это есть, но я предпочел бы, чтобы ты сердилась на меня, а не на суррогат твоего отца или кого-нибудь еще".

Она повернулась и посмотрела на меня. Даже в бледном свете металлических стен хичи я увидел удивленное выражение на ее лице. "О чем это ты говоришь?"

- О твоих проблемах, Клара. Я знаю, требуется немало смелости, чтобы признаться, что тебе нужна помощь.

- Ну, Боб, - сказала она, - храбрость действительно нужна, но мне кажется, ты не понимаешь, в чем проблема. Ладить с тобой не проблема. Возможно, ты сам - проблема. Не знаю. Меня беспокоят увертки. Неспособность принять решение. Я все время откладываю вылет. И, не обижайся, беру в качестве компаньона для вылета Близнеца - тебя.

- Ненавижу этот твой астрологический вздор.

- У тебя действительно смешанная личность, Боб. И я, кажется, пользуюсь этим. И мне это не нравится.

К этому времени мы совершенно проснулись, и, казалось, есть две возможности про-

должения. Мы могли начать "но-ты-сказал-что-меня-любишь" и "я-не-могу-перенести-эту-сцену" и либо закончили бы сексом, либо открытым разрывом. Или могли отвлечься на что-нибудь другое. Мысли Клары, очевидно, развивались в том же направлении, потому что она выскользнула из гамака и начала одеваться. "Пошли в казино, - весело сказала она. - Я чувствую, что сегодня мне повезет.

Не было ни кораблей, ни туристов. И старателей было немного: почти все улетели за прошлые недели. Половина столиков в казино не действовала, на них надели зеленые чехлы. Клара нашла место за столом для блекджека, купила стопку стодолларовых фишек, и крупье разрешил мне бесплатно посидеть рядом с ней. "Говорю тебе, сегодня у меня счастливая ночь", - сказала она, когда через десять минут выиграла больше двух тысяч долларов.

- Ты хорошо играешь, - подбодрил я ее, но мне совсем не было весело. Я встал и немного побродил вокруг. Дэйн Мечников осторожно скармливал автомату пятидолларовые монеты, но, кажется, не был настроен разговаривать со мной. Никто не играл в баккара. Я сказал Кларе, что пойду выпью кофе в "Голубой Ад" (пять

долларов чашка, но когда мало посетителей, могут повторить бесплатно). Она улыбнулась мне искоса, не отрывая взгляда от карт.

В "Голубом Аду" Луиза Форхенд пила коктейль - ракетное горючее с водой. Ну, на самом деле, это, конечно, не ракетное горючее, просто старомодное белое виски: его гонят из всего, что растет в гидропонических танках. Она посмотрела на меня с приветливой улыбкой, и я сел рядом с ней.

Мне пришло в голову, что ей должно быть очень одиноко. Она была... ну, не знаю, как выразиться поточнее, но она была самым безопасным, нетребовательным человеком на Вратах. Все хотели от меня чего-то или отказывались принять от меня что-то. Луиза - совсем другое дело. Она была лет на десять старше меня, но выглядела прекрасно. Как и я, носила только стандартную одежду Корпорации - комбинезон одного из трех неярких цветов. Но свой комбинезон она переделала, превратив его в костюм с облегающими шортами и свободной курткой. Я обнаружил, что она смотрит, как я осматриваю ее, и почувствовал неожиданное замешательство. "Ты хорошо выглядишь", - сказал я.

- Спасибо, Боб. Все казенное, - она улыбнулась.

- Я никогда не могла позволить себе что-нибудь другое.

- Тебе ничего не нужно, у тебя все есть, - искренне сказал я, и она сменила тему.

- Корабль прибывает, - сказала она. - Говорят, вылетел очень давно.

Я знал, что это для нее значит, и понял, почему она сидит в "Голубом Аду", а не спит в такой час. Знал, что она беспокоится о дочери, но она не позволяла себе показывать это.

У нее было очень здравое отношения к полетам. Она боялась, конечно, но это вполне разумно. Но это не останавливало ее, чем я восхищался. Она все еще ждала возвращения кого-нибудь из членов своей семьи, чтобы снова записаться. Они так договорились: когда кто-нибудь возвращается, его обязательно ждет кто-то из членов семьи.

Она мне немного рассказала о своей семье. Они жили, если это можно назвать жизнью, на обслуживании туристов в Веретене Венеры. Там можно заработать, но очень сильная конкуренция. Я узнал, что одно время Форхенды выступали в ночном клубе: пение, танцы, комичные сценки. По венерианским стандартам, они жили неплохо. Но на немногих туристов

слеталось столько хищных птиц, пытаясь отщипнуть свой кусочек мяса, что всем просто невозможно было прокормиться. Сесс и сын (тот, что умер) пытались работать гидами, но старая воздушная лодка, которую они купили, разбилась. Пришлось ее восстанавливать. Много так не заработаешь. Девушки испробовали все виды работы. Я вполне уверен, что по крайней мере Луиза какое-то время была проституткой, но и на этом много не заработаешь, по тем же самым причинам. Они почти выбились из сил, когда им удалось добраться до Врат.

Вначале они были на Земле, но тут им пришлось так плохо, что Венера показалась раем. У них было больше смелости и готовности все поставить на кон, чем у большинства моих знакомых.

- Как вы заплатили за все эти перелеты? - спросил я.

- Ну, - сказала Луиза, заканчивая свою выпивку и поглядев на часы, - на Венеру мы летели самым дешевым способом. Двести двадцать иммигрантов спали плечом к плечу, выстраивались в длинную очередь для двух минут туалета, ели сухие рационы и пили восстановленную воду. Ужасно, когда за это приходится заплатить со-

рок тысяч долларов. К счастью, дети тогда еще не родились, кроме Хэта, а он был так мал, что летел за четверть стоимости.

- Хэт твой сын? Что...

- Он умер.

Я подождал, но она сказала только: "Уже должны быть сведения о прибывающем корабле".

- Должно быть на экране, - сказал я.

Она кивнула и несколько мгновений казалась встревоженной. Корпорация всегда делает обычные сообщения о контакте с возвращающимися кораблями. Если контакта нет... что ж, мертвые старатели в контакт не вступают. Поэтому, чтобы отвлечь ее от тревоги, я рассказал ей о решении Клары обратиться к психоаналитику. Она выслушала и положила свою руку на мою.

"Не сердись, Боб. Ты когда-нибудь думал сам об обращении к психоаналитику?"

- У меня нет для этого денег.

- Даже на групповую терапию? Есть группа начинающих на уровне Дарлинг. Есть и другие - в рекламе, на экранах.

Но ее внимание было отвлечено. С нашего места было видно, как один из крупье у входа в казино оживленно разговаривает с военным с

китайского крейсера. Луиза смотрела туда.

- Что-то происходит, - сказал я. И хотел добавить:

- Пойдем посмотрим, - но Луиза уже встала и направилась туда.

Игра прекратилась. Все собрались у стола для блекджека. Я заметил, что Дэйн Мечников сидит рядом с Кларой на моем месте; перед ним стопка двадцатипятидолларовых фишек. И в середине на стуле крупье сидит Шики Бакин и что-то рассказывает. "Нет, - говорил он, когда я подошел. - Имен я не знаю. Но это пятиместный".

- Все живы? - спросил кто-то.

- Насколько мне известно. Привет, Боб, Луиза. - Он вежливо кивнул нам обоим. - Вы слышали?

- Нет еще, - ответила Луиза, бессознательно беря меня за руку. - Только что корабль прибывает. Но ведь имена неизвестны?

Дэйн Мечников повернулся, глядя на нее. "Имена, - проворчал он. - Кому какое дело? Важно то, что это не мы. А награда огромная. - Он встал. Даже в такой момент я заметил, как он расстроился; он забыл забрать со стола свои фишки. - Я иду туда, - объявил он. - Хочу посмотреть, как выглядит везение, которое бывает раз в жизни.

Площадка для приземления была оцеплена,

но в оцеплении был и Френси Эрейра. Вокруг собралось не менее ста человек, и их удерживали только Эрейра и две девушки с американского крейсера. Мечников наклонился над краем шахты, всматриваясь вниз. Одна из девушек отогнала его. Мы увидели, как он разговаривает с другим старателем с пятью браслетами. Тем временем доносились обрывки разговоров.

- ... почти мертвые. У них кончилась вода.

- Ха! Всего лишь истощение. Все будет в порядке...

- ... премия в десять миллионов и затем проценты!

Клара взяла Луизу за локоть и потащила вперед. Я пошел за ними. "Знает ли кто-нибудь, чей это корабль?" - спросила она.

Кто-то сзади сказал: "А что они нашли?"

- Артефакты. Новые, это все, что я знаю.

- Но ведь корабль пятиместный? - спросила Клара.

Эрейра кивнул, потом посмотрел вниз шахты. "Хорошо, - сказал он, - а теперь отступите, друзья. Кого-то несут".

Мы едва отступили, но это было неважно: они уже поднимались на наш уровень. Вначале какая-то шишка из Корпорации, имени я

не помню, затем китайский охранник, потом кто-то в костюме Терминальной больницы: он цеплялся за кабель, чтобы не упасть. Лицо было мне знакомо, но имени я не знал. Видел его на одной из прощальных вечеринок, может, на нескольких, пожилой чернокожий человек, который безуспешно уже вылетал два или три раза. Глаза у него были открыты, выглядел он бесконечно усталым. Он удивленно посмотрел на толпу у шахты, потом исчез из виду.

Я посмотрел в сторону и увидел, что Луиза тихо плачет, глаза ее были закрыты. Клара обнимала ее. В толпе я умудрился поближе подобраться к Кларе и вопросительно посмотрел на нее. "Пятиместный, - негромко сказала она. - А ее дочь в трехместном".

Я знал, что Луиза слышит это, поэтому потрепал ее по руке. "Мне жаль, Луиза". Тут расчистилось пространство у края ствола, и я посмотрел вниз.

Мельком заметил, как выглядит то, что стоит десять или двадцать миллионов. Множество шестиугольных ящиков из металла хичи, каждый не более полуметра в длину и чуть меньше в высоту. Тут Френси Эрейра начал уговаривать: "Давай, Боб, отойди". Я отошел, и

в это время поднялся еще один старатель в больничном костюме. Это была женщина, она прошла мимо, не видя меня: глаза у нее были закрыты. Но я ее видел. Это была Шери.

Глава 21

Я чувствую себя глупо, Зигфрид, - говорю я.

- Я могу помочь вам чувствовать себя удобнее?

- Умри на месте. - Он опять переделал весь кабинет на манер детского сада. Бога ради. А хуже всего сам Зигфрид. На это раз он пытается подобраться ко мне как суррогат матери. Он сидит со мной на кушетке, большая кукла ростом с человека, теплая, мягкая, из чего-то вроде купального полотенца, покрытого мыльной пеной. Потрогать приятно, но...

- Не хочу, чтобы ты обращался со мной, как с ребенком, - говорю я, голос мой звучит глухо, потому что я прижимаюсь к этому полотенцу.

- Спокойней, Робби. Все в порядке.

- К черту все!

Он замолкает, потом напоминает мне: "Вы собирались рассказать мне свой сон".

- Йеч!

- Простите, Робби?

- Не хочу об этом говорить. Но все же, - быстро добавляю я, отводя рот от полотенца, - я мог бы сделать, что ты хочешь. Сон о Сильвии, вроде...

- Вроде чего, Робби?

- Ну, она не совсем была на себя похожа. Скорее кто-нибудь старше, я думаю. Я много лет не вспоминал о Сильвии. Мы оба были детьми...

- Пожалуйста, продолжайте, Робби, - говорит он немного погодя.

Я обнимаю его руками, удовлетворенно глядя на стену с изображениями цирковых животных и клоунов. Нисколько не похоже на мою комнату в детстве, но Зигфрид уже достаточно знает обо мне, и у меня нет причин говорить ему об этом.

- Сон, Робби?

- Мне снилось, что мы работаем на шахте. На самом деле это не была пищевая шахта. Физически, я бы сказал, это внутренность пятиместного корабля - одного из кораблей с Врат, понимаешь? Сильвия в каком-то туннеле, который уходит вдаль.

- Туннель уходит вдаль?

- Ну, не толкай меня к какому-нибудь символизму, Зигфрид. Я знаю о вагинальных образах и всем прочем. Когда я говорю "уходит", я просто хочу сказать, что туннель начинается там, где я стою, и продолжается в сторону от меня.

- Я молчу, потом говорю самое трудное. - Туннель превращается в пещеру, и Сильвия оказывается пойманной.

Я сажусь. "Самое плохое в этом, - говорю я, - то, что это не может случиться. Туннель сверлится, чтобы поместить в него заряд и подорвать сланец. Главное занятие шахтера - это вычерпывание сланца. Сильвия с этой частью работы не имела ничего общего".

- Мне кажется неважным, могло ли это или не могло случиться, Робби.

- Вероятно, нет. Итак, Сильвия оказалась в рухнувшем туннеле. Я видел, как шевелится груда сланца. Это был не настоящий сланец. Какое-то пушистое вещество, больше похожее на обрывки бумаги. У нее была лопата, и она прорывала выход наружу. Мне показалось, что она выберется. Она выкопала большую яму. Я ждал, когда она выйдет... но она все не выходила.

Зигфрид, в своем воплощении плюшевого мишки, теплый и ожидающий, лежит в моих объятиях. Приятное ощущение. На самом деле, его здесь нет. Его вообще нигде нет, только в центральном банке информации где-то в Вашингтоне, где память больших машин. Передо мной только его терминал в купальном костюме.

- Что еще, Робби?

- Больше ничего. Не сон. Но... у меня чувство.

Я чувствую, будто бью ногами Клару по голове, чтобы не дать ей выйти. Как будто боюсь, что на меня обрушится остальная часть туннеля.

- Что значит "чувствую", Роб?

- То, что я сказал. Это не часть сна. Просто я так чувствую... не знаю.

Он ждет, потом пытается подойти по-другому. "Боб, вы знаете, что сейчас сказали не Сильвия, а Клара?"

- В самом деле? Забавно. Интересно, почему? Он ждет, потом пробует снова: "И что случилось потом, Роб?"

- Потом я проснулся.

Я поворачиваюсь на спину и смотрю на потолок, который выложен плиткой с изображениями блестящих пятиконечных звезд. "Вот и все, - говорю я. Потом добавляю разговорным тоном:

- Зигфрид, я думаю, к чему это все ведет".

- Не знаю, могу ли я ответить на этот вопрос, Роб.

- Если бы ты мог, я бы тебя заставил ответить, - говорю я. У меня по-прежнему есть листок бумаги, который мне дала С.Я. Он дает мне ощущение безопасности.

- Я думаю, - говорит он, - что куда-то это ведет. Я хочу сказать, что есть в вашем мозгу нечто

такое, к чему вы не хотите возвращаться, но с чем связан сон.

- О Сильвии, ради Бога? Это ведь было много лет назад!

- Но ведь это неважно.

- Дерьмо! Ты мне надоел, Зигфрид. На самом деле. - Тут я задумываюсь. - Слушай, я сержусь. Что бы это значило?

- Как вы думаете, что это значит, Роб?

- Если бы я знал, я бы тебя не спрашивал. Может, пытаюсь увильнуть? Сержусь, потому что ты подходишь близко к чему-то.

- Пожалуйста, Роб, не думайте о процессе. Просто скажите, что вы чувствуете.

- Я чувствую вину, - говорю я, не отдавая себе отчета в том, что говорю.

- Вину перед кем?

- Перед... Не знаю. - Я поднимаю руку, чтобы взглянуть на часы. Очень многое может произойти за двадцать минут, и я перестаю думать о том, от чего хочу избавиться. Я играю сегодня днем и вполне могу дойти до финала, если сохраню сосредоточенность.

- Мне сегодня придется уйти раньше, Зигфрид.

- Вину перед кем, Роб?

- Не помню. - Я глажу шею куклы и смеюсь. -

Очень приятно, Зигфрид, хотя пока непривычно.

- Вину перед кем, Роб?!

Я кричу: "Вину за то, что убил ее!"

- Во сне?

- Нет! На самом деле. Дважды.

Я знаю, что дышу тяжело и сенсоры Зигфрида регистрируют это. Пытаюсь справиться с собой, чтобы у него не появилось каких-нибудь сумасшедших идей. Мысленно перебираю все сказанное только что. "Я на самом деле не убивал Сильвию. Но я устал! Бросился на нее с ножом!"

Зигфрид спокойно, успокаивающе: "В истории вашей болезни сказано, что во время ссоры с подругой у вас в руке был нож, да. Но там не говорится, что вы на нее бросились".

- А какого же дьявола меня тогда увезли? Просто повезло, что я не перерезал ей горло.

- Вы на самом деле пустили в ход нож?

- Пустил в ход? Нет. Я был слишком сердит. Швырнул ее на пол и начал бить.

- Если бы вы на самом деле хотели ее убить, вы бы пустили в ход нож?

- Ах! - Но больше похоже на "Йеч": это слово иногда передают как "пшав". - Хотел бы я, чтобы ты там был, когда это случилось, Зигфрид. Может, ты бы уговорил их, и меня бы отпустили.

Сеанс идет отвратительно. Я знаю: всегда ошибка рассказывать ему сны. Он со всех сторон их обсасывает. Я сажусь, презрительно глядя на придуманную Зигфридом обстановку, и решаю сказать ему прямо.

- Зигфрид, - говорю я ему, - как компьютер ты хороший парень, и я интеллектуально наслаждаюсь нашими беседами. Но я думаю, а не исчерпали ли мы все возможности.

| *Те, кто тоннели прорыли когда-то,*
| *Оставив их нам в наследство*
| *В звездных пещерах ваше богатство*
| *Искать мы кидаемся слепо*
| *Раны свои залечив и увечья,*
| *Мы снова и снова к звездам идем*
| *Из этих тоннелей ныряем мы в вечность.*
| *Вы в ней заблудились, но мы вас найдем,*
| *О, хичи...*

Ты шевелишь старую боль без необходимости, и я откровенно не понимаю, почему позволяю тебе делать это.

- Ваши сны полны боли, Боб.

- Пусть остается в моих снах. Не хочу возвращаться к тому вздору, которым меня пичкали в институте. Может, я и правда хотел переспать со

своей матерью. Может, ненавидел отца за то, что он умер и покинул меня. Ну и что?

- Я знаю, это риторический вопрос, Боб, но чтобы справиться с такими вещами, их нужно извлечь на поверхность.

- Для чего? Чтоб мне было больно?

- Чтобы внутренняя боль вышла наружу, и вы могли справиться с ней.

- Может, проще было бы оставить ее внутри? Как ты говоришь, я достаточно уравновешен, верно? Я не отказываю тебе в полезности. Бывают времена, Зигфрид, когда я после сеанса испытываю подъем. В голове у меня полно новых мыслей, и солнце над куполом светит ярко, воздух чист, и все мне улыбаются. Но не потом. Потом я начинаю думать, что сеансы ужасно скучны и бесполезны, и что ты скажешь, если я решу их прекратить.

- Я ответил бы, что вам принимать решение, Боб. Решение всегда за вами.

- Что ж, может, я так и поступлю. - Старый дьявол пережидает меня. Он знает, что я не собираюсь принимать это решение, и дает мне время самому это понять. Потом говорит:

- Боб! Почему вы сказали, что убили ее дважды? Я смотрю на часы, прежде чем ответить, и гово-

рю: "Ну, просто так сказалось. Мне пора идти, Зигфрид".

Я просто сижу в восстановительной комнате, потому что мне не от чего восстанавливаться. Хочу убраться отсюда. От него и его глупых вопросов. Он поступает так разумно, с таким превосходством, но что знает плюшевый мишка?

Глава 22

Этим вечером я вернулся к себе в комнату, но долго не мог уснуть. Шики разбудил меня рано утром и рассказал подробности. Выжило три человека, было объявлено об их вознаграждении: семнадцать миллионов пятьсот пятьдесят тысяч долларов. Помимо процентов.

Это прогнало сон. "За что?" - спросил я.

Шики ответил: "За двадцать пять килограммов артефактов. Считается, что это инструментальный набор ремонтника. Вероятно, для корабля, потому что они его там нашли - в шлюпке на поверхности планеты. Во всяком случае это какие-то инструменты".

- Инструменты, - сказал я, избавился от Шики и побрел по туннелю к общему душу, думая об инструментах. Инструменты означают очень многое. Инструменты означают возможность проникнуть в механизмы хичи, не взорвав корабль. Возможность установить, как работает главный двигатель, и самим построить такой. Инструменты могут означать что угодно, а пока что это состояние в семнадцать миллионов пятьсот пятьдесят тысяч долларов, не считая

процентов, деленное на троих. И одна из этих частей могла быть моей.

Трудно избавиться от мысли об этих пяти миллионах восьмистах пятидесяти тысячах долларов (не считая процентов), как подумаешь, что если бы ты был немного более предусмотрителен в выборе подружки, они лежали бы у тебя в кармане. Скажем, шесть миллионов. В моем возрасте за половину этой суммы я мог бы купить Полную медицину, что означает все тесты, терапию, восстановление тканей и органов на всю оставшуюся жизнь... то есть, по крайней мере, на пятьдесят лет дольше, чем я проживу без этого. А остальные три миллиона - это собственный дом, карьера лектора (лекции старателей, добившихся успеха, пользуются огромным спросом), постоянный доход от рекламы на телевидении, женщины, пища, машины, путешествия, женщины, слава, женщины... и еще ведь остаются проценты. Они могут быть как угодно велики: все зависит от того, что смогут сделать исследователи Корпорации. Находка Шери - это именно то, ради чего существуют Врата: золотой горшок и конец радуги.

Мне потребовалось около часа, чтобы добраться до больницы - три сегмента туннеля и

пять уровней в шахте. Я все время хотел повернуть и уйти назад.

Когда мне удалось очистить свой мозг от зависти (или, вернее, погрести ее так, что она не будет видна) и отойти от приемной, Шери спала. "Можете войти", - сказал дежурный санитар.

- Я не хочу ее будить.

- Вряд ли вы ее разбудите, - ответил он. - Но, конечно, не тревожьте ее. А посетителей она допустила.

Она лежала на самой нижней из трех коек. Палата была рассчитана на двенадцать человек. Были заняты еще три или четыре койки, две из них изолированы занавесами из молочного пластика, сквозь них почти ничего не видно. Не знаю, кто там был. Шери мирно спала, положив голову на руку, красивые глаза закрыты, сильный подбородок с ямочкой лежит на запястье. Ее два товарища находились в той же комнате, один спал, другой сидел под голографическим изображением колец Сатурна. Я встречал его раза два: кубинец, венесуэлец или что-то в этом роде, из Нью-Джерси. Я вспомнил, что его зовут Мэнни. Мы немного поболтали, и он пообещал сказать Шери, что я ее навещал. Я пошел в столовую выпить чашку кофе. Думал об их полете.

| *ОТНОСИТЕЛЬНО НЕЙТРОННЫХ ЗВЕЗД*

| *Доктор Азменион. Перед вами звезда, которая*

| *сожгла все свое горючее. Она коллапсирует. Когда я*

| *говорю "коллапсирует", я хочу сказать, что она*

| *сжимается очень сильно, начинается все с шара*

| *размером, например, в наше Солнце, а заканчивается*

| *мячом с диаметром в десять километров. Это очень*

| *плотное вещество. Сузи, если бы ваш нос был сделан*

| *из него, он весил бы больше чем все Врата.*

| *В. Может, даже больше вас, Юрий?*

| *Доктор Азменион. Не шутите на занятии. Учитель*

| *чувствителен. Хорошие качественные наблюдения из*

| *окрестностей нейтронной звезды стоят многого, но я*

| *не советую вам использовать для их получения*

| шлюпку. Вам нужно находиться в бронированном

| пятиместнике, и он не должен быть ближе, чем на

| одну десятую астрономической единицы. Оттуда

| наблюдайте. Вероятно, возможно подойти и ближе, но

| очень сильно действуют гравитационные ножницы.

| Видите ли, практически это точечный источник.

| Невероятно крутой гравитационный градиент. Больший

| можно обнаружить только, если вы окажетесь возле

| черной дыры, от чего Боже вас упаси.

Они оказались на орбите вокруг крошечной холодной планеты далеко от центрального светила - оранжево-красного угля типа К-6. По словам Мэнни, они не были даже уверены, что стоит высаживаться. Но приборы показали наличие хичи-металла, хотя и немного; основное, очевидно, погребено под снегом из двуокиси углерода. Мэнни оставался на орбите. Шери и трое остальных спустились, нашли подземелье

хичи, с огромными усилиями вскрыли его и, как обычно, нашли пустым. Потом они обнаружили другой след и нашли старую шлюпку. Чтобы войти в нее, им пришлось взрывать. Во время взрыва у двух старателей костюмы утратили герметичность. Должно быть, оказались слишком близко к взрыву. К тому времени, как они поняли, что у них беда, было уже поздно. Они замерзли. Шери и еще один старатель попытались перенести их в свою шлюпку. Задача ужасная и тяжелая, и в конце концов они от нее отказались. Старатель еще раз побывал у покинутой шлюпки, нашел сумку с инструментами и смог принести ее. И они улетели, оставив двоих замерзших на планете. Но они просрочили время и, когда соединились с капсулой, были в очень плохой форме. Не совсем уверен, что произошло потом, но, кажется, они не сберегли находившийся в шлюпке запас воздуха и большую часть его утратили. Так что на обратном пути им не хватало кислорода. Третий старатель был в худшем состоянии, чем Шери. Подозревали, что у него сильно поврежден мозг; в таком случае его пять миллионов восемьсот пятьдесят тысяч долларов ему ни к чему. Но Шери, сказали мне, будет в порядке, когда оправится от физического

истощения.

Я не завидовал их рейсу. Завидовал только вознаграждению.

Я встал и взял еще одну чашку кофе. Вынес ее в коридор, где под ивами стояли скамьи. Что-то не давало мне покоя. Что-то в этом рейсе. Это один из по-настоящему удачных рейсов в истории Врат...

Я выбросил кофе вместе с чашкой в щель утилизатора и направился в аудиторию. Она всего в нескольких минутах, и там никого не было. Хорошо; я еще не готов говорить о том, что пришло мне в голову. Я вызвал на экран информацию о рейсе корабля Шери: все это теперь было доведено до сведения публики. Потом пошел к тренировочной шлюпке. Мне опять повезло, потому что и тут никого не было. Я забрался в шлюпку и набрал курс Шери. Конечно, сразу появился цвет: а когда я нажал тонкую настройку, вся панель окрасилась ярко-розовым, за исключением радужных цветов на одном конце.

В синей части спектра была только одна линия.

Ну вот, подумал я, конец теории Мечникова о показателях курса. В этом рейсе погибло сорок процентов экипажа; рейс очень опасный. Но, по словам Мечникова, по-настоящему опасные

рейсы соответствуют шести или семи таким линиям.

А желтые?

По Мечникову, чем больше ярких линий в желтой части, тем больше финансовое вознаграждение за рейс.

Но здесь в желтой части вообще нет линий. Есть только две толстые полосы поглощения. И все.

Я выключил селектор и откинулся. Итак, большие мозги опять породили мышь: то, что они интерпретировали как указание на безопасность, вовсе на нее не указывает; то, что они считали обещанием богатой награды, совсем не имело отношения к первому за год рейсу, получившему действительно большую награду.

Назад к квадрату один, назад к страху.

В течение следующих нескольких дней я держался уединенно.

Полагают, что внутри Врат восемьсот километров туннелей. Ни за что не подумаешь, что их столько в небольшой скале диаметром в десять километров. Но даже и так, лишь два процента объема Врат заняты туннелями, остальное - сплошная скала. Я побывал почти во всех этих восьмистах километрах.

Я не совсем отказался от общества, просто не искал его. Время от времени встречал Клару. Бродил с Шики, когда он не работал, хотя для него это было утомительно. Иногда бродил в одиночестве, иногда со случайными знакомыми, иногда брел вслед за группой туристов. Гиды меня знали и не возражали против моего присутствия (я ведь был вне, хоть и не носил браслет), потом им пришло в голову, что я сам собираюсь водить группы. После этого они были настроены не так дружески.

Они были правы. Я думал об этом. Рано или поздно что-то нужно делать. Либо вылетать в рейс, либо отправляться домой; и если я собирался продолжать обсуждение этих двух возможностей, нужно заработать денег хотя бы для оплаты содержания.

| *ОТНОСИТЕЛЬНО МОЛИТВЕННЫХ ВЕЕРОВ*

| *В. Вы нам ничего не говорили о молитвенных*

| *веерах хичи, а мы их чаще всего видим.*

| *Профессор Хеграмет. Что вы хотите услышать, Сузи?*

| *В. Я знаю, как они выглядят. Нечто вроде*

| свернутого конуса из хрусталя. Если правильно

| взять и нажать пальцем, он раскрывается как веер.

| Профессор Хеграмет. Это все, что знаю и я. Их

| анализировали, как и огненные жемчужины и кровавые

| алмазы. Но не спрашивайте меня, для чего они. Не

| думаю, чтобы хичи обмахивались ими, и не думаю,

| что с ними молились: так их просто назвали

| торговцы новостями. Хичи оставляли их повсюду,

| хотя все остальное убирали. Вероятно, у них была

| для этого причина. Но я понятия не имею, что это

| за причина. Если когда-нибудь узнаю, обязательно

| скажу вам.

| ОТЧЕТ КОРПОРАЦИИ

| ОРБИТА 37

| Всего за этот период вернулось из по-

летов 74

| корабля с общим составом экипажа 216 человек. 20

| кораблей были признаны пропавшими, общий состав

| экипажа 54 человека. Вдобавок 19 членов экипажа

| были убиты или умерли от ран, хотя корабли

| вернулись. Три вернувшихся корабля настолько

| повреждены, что восстановление их невозможно.

| Совершено 19 посадок. На пяти открытых

| планетах имеется жизнь на микроскопическом или

| более высоком уровне; на одной растительность и

| животная жизнь, но не обладающая разумом.

| Артефакты. Добавочные образцы уже известного

| оборудования хичи. Никаких артефактов из других

| источников. Не открыто ранее неиз-

вестных

| артефактов хичи.

| Образцы. Химические и минеральные, 145.

| Ни одного образца, пригодного для дальнейшей

| эксплуатации. Живая органика - 31 образец.

| Три образца признаны опасными и уничтожены в

| космосе.

| Ни одного образца с эксплуатационной ценностью.

| Научная премия за период - 8 754 500 долларов.

| Другие премии за период, включая проценты, -

| 357 856 000 долларов.

| Премии и проценты за новые открытия за период

| (помимо научных премий) - 0.

| Персонал, не участвовавший в полетах на период

| отчета, - 151.

| Утратили пригодность к работе - 75 (включая

| двоих в обучении на шлюпке).

| Непригодные по состоянию здоровья

на конец
| периода - 84.
| Общие потери - 310.
| Новый персонал, прибывший за период, - 410.
| Вернулось к исполнению обязанностей - 66.
| Общий рост за период - 481.
| Абсолютный прирост персонала - 171.

Когда Шери выписалась из больницы, устроили грандиозный прием - комбинацию вечеринки по случаю возвращения, поздравлений и прощания. На следующий день Шери улетала на Землю. Она была слаба, но оживлена, и хоть не танцевала, посидела со мной полчаса в коридоре, сказав, что ей будет не хватать меня. Я напился. Была хорошая возможность: бесплатная выпивка. Платили Шери и ее кубинский друг. В сущности я так и не попрощался с Шери; мне пришлось уйти в туалет и там блевать. Хоть я и был пьян, но полон жалости: настоящее шотландское виски, вовсе не местное вино, перегнанное из Бог знает чего.

После этого в голове у меня прояснилось. Я вышел, прижался лицом к иве и начал усиленно дышать. Постепенно в моей крови стало до-

статочно кислорода, и я узнал стоящего рядом Френси Эрейру. Я сказал: "Привет, Френси".

Он виновато улыбнулся. "Запах. Слишком силен".

- Простите, - сказал я обидчиво, и он удивленно взглянул на меня.

- Нет, совсем не это. Я хочу сказать, что на крейсере тоже плохо, но когда я бываю на Вратах, то всегда удивляюсь, как вы тут живете. А в комнатах - фу!

- Я не обижаюсь, - величественно ответил я, хлопая его по плечу. - Пойду попрощаюсь с Шери.

- Она ушла, Боб. Устала. Ее увели в больницу.

- В таком случае попрощаюсь только с вами. - Я поклонился и побрел по туннелю. Трудно пьяному в почти нулевом тяготении. Страстно хочется уверенных ста килограммов веса, чтобы удержаться на поверхности. Мне потом рассказывали, что я выломал большой кусок ивы и обо что-то ударился так сильно, что остался пурпурный синяк размером в ухо. Я понял, что за мной идет Эрейра и помогает не заблудиться, а на полпути к дому я понял также, что кто-то еще идет рядом. Я взглянул: это Клара. Я очень смутно помню, как меня уложили в постель, а

проснувшись на следующее утро, испытал сильнейшее похмелье. И удивился, увидев в комнате Клару.

Как можно незаметнее я встал и направился в ванную: мне нужно было еще поблевать. На это потребовалось какое-то время, завершил я операцию душем, вторым за четыре дня, - исключительная экстравагантность, принимая во внимание состояние моих финансов. Но я почувствовал себя лучше, а когда вернулся в комнату, Клара тоже уже встала, принесла чай, вероятно, от Шики, и ждала меня.

- Спасибо, - искренне сказал я. Страшно хотелось пить.

- Понемногу, старая лошадь, - беспокойно сказала она, но я и сам понимал, что нельзя насиловать желудок. Я сделал два глотка и снова растянулся в гамаке. Но я уже понял, что выживу.

- Не думал увидеть тебя здесь, - сказал я.

- Ты был весьма... настойчив, - ответила она. - У тебя не очень получилось. Но ты старался.

- Прости.

Она схватила меня за ногу. "Не волнуйся. Кстати, как дела?"

- Прекрасно. Отличная вечеринка. Я тебя

там не помню. Она пожала плечами. "Я пришла поздно. Между прочим, меня не приглашали".

Я ничего не сказал. Я знал, что Клара и Шери не очень любят друг друга; полагаю, из-за меня. Клара, читая мои мысли, сказала: "Стараюсь никогда не связываться со Скорпионами, особенно с такой челюстью. Ни у одного из них никогда не было ни одной разумной мысли. - Потом добавила, стараясь быть честной:

- Но она смела, этого у нее не отнимешь".

- Я сейчас не готов к спору, - сказал я.

- Никакого спора, Боб. - Она склонилась ко мне, обняла. Пахла она сладко и женственно, очень хорошо для таких обстоятельств, но мне не совсем это было нужно.

- Эй, - сказал я, - а что стало с мускусным маслом?

- Что?

- Я хочу сказать, - я сел, вдруг поняв, что беспокоило меня уже некоторое время, - что ты пользовалась им. Это первое, что я в тебе заметил". Я вспомнил слова Эрейры о запахе Врат и подумал, что давно уже не чувствую приятного запаха Клары.

- Боб, ты хочешь начать ссору?

- Конечно, нет. Просто мне интересно. Ко-

гда ты перестала им пользоваться?

Она пожала плечами и не ответила. Выглядела раздраженной. Для меня это был достаточный ответ: я ей не раз говорил, как мне нравится этот запах. "Как дела с твоим психоаналитиком?" - спросил я, меняя тему.

Это не улучшило положения. Клара сказала: "У тебя в голове полно грязи. Пойду домой".

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*

|

| *Мне нужна ваша храбрость, чтобы отправиться за*

| *полумиллионной премией. Не просите меня. Прикажите*

| *мне. 87-299.*

|

| *Публичный аукцион имущества не вернувшихся*

| *старателей. Район Корпорации, линия Чарли Девять.*

| *Завтра, 1300 - 1700.*

|

| *Ваши долги выплачены, когда вы достигаете*

| *единства. Он/Она есть хичи, и Он/Она прощает.*

| *Церковь Чудесного Мотоцикла. 88-344.*

|

| *Моносексуалы только для взаимной симпатии. Без*

| *прикосновений. 87-913.*

- Нет, - настаивал я. - Мне интересно, как твои успехи. - Она мне ничего не говорила, хотя я знал, что она записалась. Как будто два-три часа в день она там проводила с ним. С машиной. Я знал, что она выбрала машину Корпорации.

- Неплохо, - отвлеченно ответила она.

- Справилась со своим отцовским комплексом?

Клара ответила: "Боб, а тебе не приходило в голову, что тебе самому стоит обратиться к помощи?"

- Забавно, что ты так говоришь. Накануне то же самое мне говорила Луиза Форхенд.

- Ничего забавного. Подумай об этом. Пока.

Когда она вышла, я опустил голову и закрыл глаза. К психоаналитику! Зачем? Мне нужна всего лишь одна счастливая находка, как у Шери...

Мне нужно только... только...

Набраться храбрости и записаться в рейс.

Но, кажется, храбрости-то у меня и не хватает.

Время уходило, или я убивал его: однажды я начал убивать время, идя в музей. Там уже уста-

новили голограмму с находкой Шери. Я заплатил за этот диск два или три раза, просто чтобы увидеть, как выглядят семнадцать миллионов пятьсот пятьдесят тысяч долларов. А выглядят они как ни на что не пригодный лом. Это когда каждую часть показывают отдельно. Среди них было с десяток маленьких молитвенных вееров. По-моему, это доказывает, что хичи даже в набор инструментов для ремонтника включали предметы искусства. А остальное могло быть чем угодно: штука, похожая на отвертку с треугольными лезвиями и гибкой ручкой; штуки, похожие на гаечные ключи, но сделанные из мягкого материала; штуки, похожие на электрические тестеры; и штуки, ни на что вообще не похожие. Демонстрируемые одна за другой, они казались случайным набором, но отлично совмещались друг с другом, а то, как они укладывались в полые углубления ящика, - вообще чудо экономии. Семнадцать миллионов пятьсот пятьдесят тысяч долларов, и если бы я остался с Шери, мог быть бы одним из держателей акций.

Или одним из трупов.

Я зашел к Кларе и побыл там недолго, но ее не было дома. Это не ее время сеансов у психотерапевта. Но, с другой стороны, я уже не знал

расписания Клары. Она отыскала другого ребенка, у которого мать была занята: маленькую черную девочку лет четырех. Мать ее астрофизик, а отец экзобиолог. И я не знал, чем еще занимается Клара.

Я вернулся в свою комнату, заглянула Луиза Форхенд и вошла. "Боб, - сказала она настойчиво, - ты знаешь о большой премии за опасность?"

Я пригласил ее сесть. "Я? Нет. Не знаю". Ее бледное лицо было напряжено, почему, я не знал.

- Я подумала, может, ты что-нибудь слышал. Например, от Дэйна Мечникова. Я знаю, ты с ним близок, и видела, как он в аудитории разговаривал с Кларой.

Я не ответил, не совсем понимал, что ей нужно.

- Говорят, ожидается опасный рейс с большой научной премией. И я бы хотела на него записаться.

Я обнял ее рукой. "В чем дело, Луиза?"

- Виллу объявили погибшей. - Она заплакала. Я держал ее, давая возможность выплакаться. Я утешил бы ее, если бы знал как, но как ее можно утешить? Немного погодя я встал и начал рыться в поисках травки, оставленной

Кларой несколько дней назад. Нашел, зажег и дал ей. Луиза глубоко затянулась и задержала дыхание. Потом выпустила дым. "Она умерла, Боб"; - сказала она. Теперь она не плакала и казалась успокоившейся; даже мышцы на шее и спине расслабились.

- Может, она еще вернется, Луиза.

Она покачала головой. "Нет. Корпорация объявила ее корабль пропавшим. Он еще может вернуться. Но Вилла мертва. Их последние запасы продовольствия должны были кончиться две недели назад. - Она некоторое время смотрела в пространство, потом вздохнула и приподнялась, чтобы сделать еще затяжку. - Я бы хотела, чтобы Сесс был здесь, - сказала она, откидываясь назад и потягиваясь. Я чувствовал, как у меня под рукой играют ее мышцы.

Травка начинала действовать на нее. На меня тоже. Это не дешевая травка, какая растет меж ивами. Клара купила настоящую травку у одного из парней с крейсера, эта травка растет на склонах Везувия, между рядами виноградных лоз, из которых делают вино "Лакриме Кристи". Луиза повернулась ко мне и зарылась подбородком в мою шею. "Я очень люблю свою семью, - спокойно сказала она. - Я бы хотела,

чтобы нам тут повезло. Нам очень нужна удача".

| *ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТАЛЛУРГИИ*

|

| *В. Я слышал сообщение, что металл хичи*

| *анализировался Национальным бюро стандартов...*

| *Профессор Хеграмет. Нет, вы не слышали, Тетцу.*

| *В. Но это было на ПВ...*

| *Профессор Хеграмет. Нет. Вы видели сообщение о*

| *том, что Бюро стандартов дало количественную*

| *оценку металла хичи. Не анализ. Только описание:*

| *растяжимость, сопротивление на разрыв, точка*

| *плавления и так далее.*

| *В. Не понимаю разницы.*

| *Профессор Хеграмет. Да. Конечно, не понимаете,*

| *Тетцу. Мы видим, на что этот металл способен. Но*

| *мы не знаем, что это. Что наиболее интересного в*

| металле хичи? Вы, Тери?

| В. Он светится?

| Профессор Хеграмет. Да, он светится. Испускает

| свет. Настолько яркий, что другой источник

| освещения не требуется; его приходится закрывать,

| если нужна темнота. И светится так по крайней мере

| полмиллиона лет. Откуда энергия? Бюро утверждает,

| что в металле есть постурановые элементы и,

| вероятно, они и дают излучение. Но мы не знаем,

| что это такое. Есть также что-то похожее на изотоп

| меди. Но у меди вообще нет устойчивых изотопов. До

| сих пор не было. Так что Бюро просто дает

| физические параметры этого света до восьмого или

| девятого знака. Но в сообщении не говорится,

| *почему так происходит.*

- Тише, милая, - сказал я, погружаясь носом в ее волосы. От волос к уху, от уха к губам, и шаг за шагом мы занялись сексом, спокойно, мягко, неторопливо. Это очень успокаивало. Луиза была очень умелой, восприимчивой, покорной. После нескольких месяцев буйных пароксизмов с Кларой это все равно что прийти домой к маме на куриный супчик. В конце она улыбнулась, поцеловала меня и отвернулась. Лежала очень тихо, даже дыхания не было слышно. И только когда рука у меня стала влажной, я понял, что она снова плачет.

- Прости, Боб, - сказала она, когда я начал успокаивать ее. - Просто нам никогда не везло. Иногда я могу жить, понимая это, а иногда просто не могу. Это один из таких плохих дней.

- Переживешь.

- Не думаю. Я больше ни во что не верю.

- Но сюда ты ведь попала? А это везение.

Она повернулась лицом ко мне, внимательно посмотрела.

Я сказал: "Миллионы людей отдали бы свое левое яичко, лишь бы попасть сюда".

Луиза медленно сказала: "Боб... - Она смолкла. Я начал говорить что-то, но она закрыла мне рот

ладонью. - Боб, ты знаешь, как мы сюда попали?"

- Конечно. Сесс продал воздушную лодку.

- Мы продали не только ее. Лодка дала нам немного больше ста тысяч долларов. Этого не хватало даже для одного. Деньги мы получили от Хэта.

- Твоего сына? Который умер?

Она сказала: "У него была опухоль мозга. Ее обнаружили вовремя, ну, почти вовремя. Она была операбельна. Он мог бы жить, ну, не знаю, лет десять, наверно. Но, конечно, не совсем нормально. Затронуты были речевые центры и мышечный контроль. Но он мог бы жить и сейчас. Только... - Она потерлась лицом о мою руку, но не плакала. - Он не хотел, чтобы мы тратили деньги на его Временную медицину. Нам удалось бы заплатить за операцию, и мы снова ни с чем. И он продал себя, Боб. Продал все органы. Больше, чем левое яичко. Всего. Органы высшего качества, принадлежавшие двадцатидвухлетнему мужчине нордического типа, очень дорогие. Он подписал договор и его... усыпили. Сейчас части Хэта в десятке людей. Все продали для трансплантации, и мы получили деньги. Почти миллион долларов. И попали сюда, даже немного осталось. Вот откуда наша удача, Боб.

Я сказал: "Прости".

- За что? Нам просто не везет, Боб. Хэт умер. Вилла умерла. Бог знает, где мой муж и наш последний ребенок. А я здесь, Боб, и почти все время тоже хочу умереть.

Я оставил ее спать в своей постели и побрел в Центральный парк. Позвонил Кларе, ее не было, оставил ей сообщение, где я, и провел около часа, лежа на спине и глядя на зреющие ягоды шелковицы. Никого не было, кроме нескольких туристов, забежавших ненадолго до отлета корабля. Я не обратил на них внимания, не заметил даже, когда они ушли. Мне было жаль Луизу, жаль всех Форхендов, но особенно мне было жаль себя. У них нет удачи, но то, чего нет у меня, причиняло мне гораздо большую боль: у меня нет смелости поискать, где моя удача. Больные общества выталкивают из себя авантюристов, как зернышки винограда. Но сами косточки мало что могут сказать об этом. Вероятно, так обстояло дело с моряками Колумба или теми пионерами, которые вели свои крытые повозки через территорию команчей. Они, должно быть, ужасно боялись, как и я, но у них просто не было выбора. Как и у меня. Но, Боже, как мне страшно...

Я услышал голоса: детский голос и легкий смех Клары. Я сел.

- Привет, Боб, - сказала она, останавливаясь рядом и положив руку на голову маленькой чернокожей девочки с пшеничными волосами. - Это Вэтти.

- Здравствуй, Вэтти.

Голос мой звучал странно, даже я это заметил. Клара взглянула внимательней и спросила: "В чем дело?"

Я не мог ответить одной фразой, поэтому выбрал только часть ответа.

"Виллу Форхенд объявили мертвой".

Клара молча кивнула. Вэтти пропищала: "Пожалуйста, Клара. Брось мне мячик". Клара бросила мяч, поймала, бросила снова, все это в ритме адажио Врат.

Я сказал: "Луиза хочет вылететь в рейс с премией за опасность. Я думаю, она хочет, чтобы я... чтобы мы летели с ней".

- Да?

- Как ты? Дэйн что-нибудь говорил тебе?

- Нет. Я не видела Дэйна... не знаю сколько. Он улетел сегодня утром на одноместном.

- Даже без прощальной вечеринки? - Я был удивлен. Она поджала губы.

Девочка крикнула: "Эй, мистер! Ловите!" Она бросила мяч, и он полетел, как воздушный шар к причальной мачте, медленно, но все равно я его упустил. Мозг мой был занят чем-то другим. Не сосредоточиваясь, я бросил мяч обратно.

Минуту спустя Клара сказала: "Боб? Прости. У меня плохое настроение".

- Да. - Мой мозг продолжал работать.

Она примирительно сказала: "У нас было нелегкое время, Боб. Не хочу быть раздражительной с тобой. Я... я кое-что принесла тебе".

Я оглянулся, она взяла мою руку и что-то положила в нее.

Это был браслет побывавшего в полете, хичи-металл, не менее пятисот долларов. Я не мог позволить себе купить такой. Я смотрел на него, стараясь придумать, как ответить.

- Боб?

- Что?

Голос ее звучал раздраженно. "Полагается говорить спасибо".

- Полагается правдиво отвечать на вопросы. Не говорить, что не видела Дэйна Мечникова, если провела с ним всю ночь.

Она вспыхнула. "Ты шпионил за мной!"

- Ты солгала мне.

- Боб! Я тебе не принадлежу. Дэйн человек и друг.

- Друг! - рявкнул я. Мечников все что угодно, только не друг кому-нибудь. От одной мысли, что Клара была с ним, все у меня в паху переворачивалось. Мне это ощущение не понравилось, потому что я не смог определить его. Это не гнев, даже не ревность. Какой-то компонент этого чувства оставался неприлично закрытым. Я сказал, понимая, что это нелогично, слыша, что почти вою:

- Я тебя с ним познакомил!

- Это не дает тебе права обладания! Ну, хорошо, - ответила Клара, - может, я и была с ним в постели несколько раз. Это не меняет моих чувств к тебе.

- Это меняет мое чувство к тебе, Клара.

Она недоуменно смотрела на меня. "И ты смеешь это говорить! Пришел сюда, пропахнув сексом с какой-то дешевой шлюхой!"

Она застала меня врасплох. "В этом нет ничего дешевого. Просто утешение человека, которому больно".

Она рассмеялась. Смех ее звучал неприятно. За ним слышался гнев. "Луиза Форхенд? Она и сюда пролезла".

Маленькая девочка держала мяч и смотрела на нас. Я видел, что она испугана. Я сказал, стараясь сдержать гнев: "Клара, я не позволю тебе делать из меня дурака".

- Ага! - сказала она с отвращением и повернулась, чтобы уйти. Я протянул к ней руку, она всхлипнула и изо всех сил ударила меня. Удар пришелся в плечо.

Это была ошибка.

Это всегда ошибка. Дело не в рационализации или оправдании, дело в сигнале. Неверный сигнал. Волки не убивают друг друга, потому что младший и более слабый сдается. Он ложится на спину, подставляет горло и машет лапами, показывая, что он побежден. Если бы не это, волков бы вообще не осталось. Почему-то мужчины обычно не убивают женщин и не забивают их насмерть. Не могут. Как бы сильно ему ни хотелось ударить ее, внутренние механизмы сдерживают. Но если женщина допустит ошибку, подав сигнал, ударив первой...

Я ударил ее изо всех сил пять раз - по лицу, по груди, по животу. Она с плачем упала. Я наклонился, поднял ее голову и абсолютно хладнокровно ударил еще дважды. Как будто танец, поставленный Богом, все абсолютно неизбежно;

в то же время я чувствовал, что дышу так тяжело, будто взобрался на гору бегом. Кровь шумела у меня в ушах. Все затянулось красной дымкой.

Наконец я услышал слабый далекий плач.

Оглянулся и увидел девочку, Вэтти. Она смотрела на меня с широко раскрытым ртом, по ее широким, пурпурно-черным щекам катились слезы. Я шевельнулся, чтобы подойти к ней и успокоить. Она закричала и побежала за подпорки виноградника.

Я снова повернулся к Кларе, которая садилась, не глядя на меня, закрывая рукой рот. Она отняла руку и посмотрела на что-то - зуб.

Я ничего не сказал. Не знал, что сказать, и, по правде говоря, ни о чем не думал. Повернулся и ушел.

Не помню, что я делал следующие несколько часов.

Не спал, хотя физически был крайне истощен. Некоторое время просидел в своей комнате. Потом опять вышел. Помню, с кем-то говорил: кажется, это был турист с Венеры. Рассказал ему, как удивительно интересно и возбуждающе быть старателем. Что-то ел в столовой. И все время думал: я хотел убить Клару. Во мне нако-

пилось столько ярости, и я даже не подозревал об этом, пока она не спустила курок.

Не знаю, простит ли она меня когда-нибудь. Не был уверен в этом и даже не был уверен, что хочу этого. Не мог представить себе, чтобы мы снова стали любовниками. Но наконец я понял, что хочу извиниться.

Но ее в ее квартире не было. Не было никого, кроме молодой полной чернокожей женщиной, с трагическим выражением лица медленно разбиравшей вещи. Когда я спросил о Кларе, она начала плакать. "Она улетела", - всхлипывала женщина.

- Улетела?

- О, она выглядела ужасно. Кто-то, должно быть, сильно избил ее! Она привела Вэтти и сказала, что больше не может о ней заботиться. Отдала мне всю свою одежду... но что я буду делать с Вэтти, когда работаю?

- Куда улетела?

Женщина подняла голову. "Назад на Венеру. На корабле. Он вылетел час назад".

Больше я ни с кем не разговаривал. Кое-как умудрился уснуть один в своей постели.

Встав, собрал все свое имущество: одежду, голодиски, шахматы, ручные часы. Браслет

хичи, который подарила мне Клара. Пошел и все продал. Снял все оставшееся со счета, всего набралось четырнадцать сотен долларов с небольшим. Я пошел в казино и все деньги поставил в рулетке на номер 31.

Медленно вертелся большой шар: зеленый цвет, ноль.

Я пошел в контроль полетов и записался на первый же вылетающий одноместный корабль. Спустя двадцать четыре часа я был в космосе.

Глава 23

Что вы на самом деле испытываете к Дэйну, Боб?

- Что я могу к нему испытывать? Он соблазнил мою девушку.

- Старомодный способ выражения, Боб. И ведь это произошло очень давно.

- Конечно. - Мне приходит в голову, что Зигфрид поступает нечестно. Он устанавливает правила игры, но не играет по ним. Я возмущенно говорю:

- Кончай, Зигфрид. Конечно, это случилось давно, но для меня недавно, я никак не могу выбраться из этого. У меня в голове это все еще совершенно свежее. Разве не это ты должен делать? Вытаскивать на поверхность все старое, чтобы я мог выбросить его и больше не мучиться?

- Мне все же хотелось бы знать, почему вы считаете это совсем свежим, Боб.

- Боже, Зигфрид! - У Зигфрида один из периодов глупости. Я считаю, что он не может справиться с новой информацией. Если подумать, он всего лишь машина и не может делать ничего, на что

не запрограммирован. В основном он реагирует на ключевые слова, разумеется, обращая некоторое внимание и на их значение. А что касается оттенков, выражаемых в голосе, их он определяет по сенсорам и по натяжению ремней, которые дают ему представление о степени моей мышечной активности.

- Если бы ты был человеком, а не машиной, ты бы понял, - говорю я ему.

- Может быть, Боб.

Чтобы вернуть его на правильную дорогу, я говорю: "Правда, что это случилось давно. Не понимаю, зачем ты об этом спрашиваешь".

- Я хочу разрешить противоречие, которое улавливаю в ваших словах. Вы говорили, что не реагируете на то, что у вашей подруги Клары были интимные отношения с другими мужчинами. Почему же так важно, что у нее они были с Дэйном?

- Дэйн неправильно обращался с ней! - И, добрый Боже, это правда. Он оставил ее застрявшей, как муху в янтаре.

- Это из-за того, как он обращался с Кларой? Или из-за чего-то между Дэйном и вами, Боб?

- Никогда! Никогда ничего не было между Дэйном и мной!

- Вы сказали, что он бисексуал, Боб. А как ваш полет с ним?

- У него для забав было еще двое мужчин. Не я, парень, не я, клянусь! Не я. Ох, - говорю я, стараясь успокоиться, чтобы проявлять только слабый интерес к этой глупейшей теме. - Разумеется, он раз или два подступал ко мне. Но я ему сказал, что это не в моем стиле.

- В вашем голосе, Боб, - говорит он, - кажется, отражается больше гнева, чем в словах.

- Будь ты проклят, Зигфрид! - На этот раз я сержусь по-настоящему, признаю. Едва могу говорить. - Не приставай ко мне со своими нелепыми обвинениями. Конечно, я позволил ему раз или два обнять меня. Но не больше. Ничего серьезного. Просто оскорблялся, чтобы провести время. Он мне нравился. Рослый красивый парень. Становится одиноко, когда... что это?

Зигфрид издает звук, как будто откашливается. Так он прерывает, не прерывая. "Что вы сказали, Боб?"

- Что? Когда?

| *ОТНОСИТЕЛЬНО ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ХИЧИ*

|

| *В. Знает ли кто-нибудь, как выглядел*

стол хичи

| или любой хозяйственный предмет?

| Профессор Хеграмет. Мы даже не знаем, как

| выглядел дом хичи. Не нашли ни одного. Только

| туннели. Как ветвящиеся шахты с отверстиями,

| ведущими в комнаты. Они любили большие помещения в

| форме веретена, заостренные с обоих концов. Здесь

| одно такое, два на Венере, вероятно, остатки еще

| одного на планете Пегги.

| В. Я знаю, какова премия за открытие разумной

| жизни, но какова премия за открытие самих хичи?

| Профессор Хеграмет. Вы только найдите одного.

| А потом называйте свою цену.

- Когда говорили, что между вами ничего серьезного не было.

- Боже, не знаю, что я сказал. Ничего серьезного не было, вот и все. Я просто забавлялся, чтобы

провести время.

- Вы не использовали слово "забавлялся", Боб.

- Нет? А какое слово я использовал?

- Вы сказали: "я оскорблялся". Боб.

Я настораживаюсь. Чувствую себя так, будто неожиданно обмочился или обнаружил, что у меня расстегнута ширинка. Выхожу из своего тела и смотрю на свою голову.

- Что значит "оскорблялся", Боб?

- Послушай, - говорю я, смеясь, на меня это подействовало, - настоящая фрейдистская оговорка, правда? Вы, парни, очень внимательны. Мои поздравления твоим программистам.

Зигфрид не отвечает на мое вежливое замечание. Ждет, чтобы я немного потомился.

- Хорошо, - говорю я. Чувствую себя очень открытым и уязвимым, живя моментом так, будто он длится вечно, как у Клары, застрявшей в ее мгновенном и бесконечном падении.

Зигфрид негромко говорит: "Боб. Когда вы мастурбировали, у вас бывали фантазии о Дэйне?"

- Я это ненавидел, - говорю я.

Он ждет.

- Ненавидел себя за это. Точнее, не ненавидел. Скорее презирал. Бедный сукин сын, я, с вывертами, отвратительный, трепал свою плоть и

думал о том, как переспать с любовником своей девушки.

Зигфрид ждет еще немного. Потом говорит: "Мне кажется, вы хотите плакать, Боб".

Он прав, но я ничего не отвечаю.

- Хотите поплакать? - приглашает он.

- Мне этого хотелось бы.

- Тогда почему бы вам не поплакать, Боб?

- Я бы хотел, - говорю я. - К несчастью, не знаю как.

Глава 24

Я поворачивался, собираясь уснуть, когда заметил, что цвета на курсовой системе хичи меняются. Шел пятьдесят пятый день полета, двадцать седьмой после поворотного пункта. Все пятьдесят пять дней цвета были розовые по всей панели. Теперь появились чисто белые участки, они все росли, сливались.

Я прибываю. Что бы меня там ни ждало, я прибываю. Мой маленький корабль - этот вонючий скучный гроб, о стены которого я бился почти два месяца, в котором разговаривал с собой, играл с собой, уставал от себя, - шел со скоростью меньше световой. Я всмотрелся в видовой экран, который теперь находился "внизу", потому что моя скорость уменьшалась, и ничего необычного не увидел. Да, звезда. Много звезд, рисунок их мне совершенно незнаком: с полдюжины голубых - от яркого до болезненно яркого: красная, более интересная своим оттенком, чем светимостью. Гневный красный уголь, не ярче Марса, видимого с Земли, но цвет более глубокий и неприятный.

Я заставил себя заинтересоваться.

Это было нелегко. После двух месяцев отрицания всего окружающего - оно либо наскучило, либо угрожало - трудно было переключиться на другое настроение. Я включил сферический сканер, и корабль начал поворачиваться, подставляя под анализаторы разные участки неба.

И почти тут же вернулся сильный близкий сигнал.

Пятьдесят пять дней скуки и истощения мгновенно забылись. Что-то очень значительное и очень близкое. Я забыл, что хотел спать. Скорчился у экрана, держась за него руками и ногами, и увидел: на экране показался какой-то прямоугольный объект. Он все время увеличивался: Чистый металл хичи! Форма неправильная, с круглыми утолщениями на плоских сторонах.

Количество адреналина в крови все увеличивалось, перед глазами заплясали сахарные леденцы. Я заставил себя заняться сканером. Нет вопроса - очень значительное открытие. Вопрос в том, насколько значительное. Может, исключительно! Может, целая новая планета Пегги в моем распоряжении, и доход в миллионы долларов ежегодно на всю оставшуюся жизнь! А может, только пустой корпус.

Может - об этом говорит прямоугольная форма - самый дикий сон, по-настоящему большой корабль хичи, в который можно войти и лететь куда угодно, везя с собой тысячу человек и миллион тонн груза! Все возможно, и даже если все не так, если все эти ожидания не оправдаются, если это всего лишь пустой корпус, достаточно одной вещи внутри него, одной безделушки, одного прибора, одной штуковины, которую никто раньше не находил, которую можно разобрать и заставить действовать на Земле...

Я споткнулся и разбил костяшки пальцев о спираль, которая светилась теперь мягким золотым светом. Пососал кровь и понял, что корабль движется.

Но он не должен двигаться! Он не запрограммирован для этого. Он должен вынырнуть на орбите и висеть там, дожидаясь, пока я осмотрюсь и приму решение.

Я в смятении осмотрелся. Прямоугольный корпус находился точно в середине экрана и оставался на месте; корабль прекратил автоматическое сферическое сканирование. Я с опозданием услышал рев двигателей шлюпки. Они меня и двигали; корабль направлялся к прямоугольнику.

А над сидением пилота горел зеленый свет.

| ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ

|

| Корабль 3-104, рейс 031 B18. Экипаж Н. Ахойя,

| Ц. Захарченко, Л. Маркс.

|

| Время до цели 119 дней 4 часа. Позиция не

| определена. Очевидно, вне галактического

| скопления, в пылевом облаке. Идентификация внешних

| галактик сомнительна.

|

| Резюме. Мы не нашли ни следа планеты,

| артефакта или пригодного для высадки астероида на

| доступном для сканера расстоянии. Ближайшая звезда

| на расстоянии примерно 1,7 светового года.

| Предположительно то, что тут ранее находилось,

| уничтожено. Системы жизнеобеспечения

на обратном

| пути начали выходить из строя, и Ларри Маркс умер.

Но это неправильно! Зеленый свет установлен на Вратах людьми. Он не имеет никакого отношения к хичи; обычное старое радио, кто-то меня вызывает. Кто? Кто может находиться рядом с моим совершенно новым открытием?

Я включил установку РСМ (радиопереговоры между судами) и закричал: "Алло!"

Послышался ответ. Я его не понял: похоже на какой-то иностранный язык, может быть, китайский. Но говорил человек. "Говорите по-английски! - закричал я. - Кто говорит?"

Пауза. Потом другой голос: "А вы кто?"

- Меня зовут Боб Броудхед, - выпалил я.

- Броудхед? - Смесь нескольких голосов. Затем снова по-английски:

- В наших документах нет никакого старателя по имени Броудхед. Вы с Афродиты?

- А что такое Афродита?

- О, Боже! Кто вы? Послушайте, это контроль Врат-2, и у нас нет времени на розыгрыши. Назовитесь!

Врата-Два!

Я выключил радио и лег в гамак, глядя, как пли-

та вырастает все больше, не обращая внимания на требовательный зеленый свет. Врата-Два? Нелепо! Если бы я хотел попасть на Врата-Два, я летел бы обычным курсом и платил бы проценты за все найденное. Летел бы как турист по стократно проверенному маршруту. Я не сделал этого. Я взял никем не испытанный курс на свой риск. И я все испытал, испытывал страх во все эти пятьдесят пять дней полета.

Это несправедливо!

Я потерял голову. Бросился к селектору курса и наобум повернул колеса.

Я не мог принять свою неудачу. Я должен был что-нибудь найти. Я не должен находить всем давно известное, вообще без всякой премии.

Но то, что я сделал, вызвало еще большую неудачу. Панель ярко осветилась желтой вспышкой. И затем все огни погасли.

Прекратился шум моторов шлюпки.

Исчезло ощущение движения. Корабль был мертв. Ничего не двигалось. Ничего не работало, ничего, даже система охлаждения.

К тому времени, как Врата-Два выслали мне на выручку корабль, я потерял сознание от теплового удара: температура в корабле была 75 градусов Цельсия.

На Вратах горячо и влажно. На Вратах-Два так холодно, что мне пришлось занимать куртку, перчатки и теплое нижнее белье. У Врат-Два вкус ржавой стали. Врата ярко освещены, в них много шума и людей. На Вратах-Два почти не слышно звуков; кроме меня здесь семь человек. Хичи оставили Врата-Два незаконченными. Некоторые туннели кончаются голой скалой, и их всего несколько десятков. Никто не сажал еще здесь растительность, и весь воздух получают химическим путем. Парциальное давление кислорода ниже 150 миллибар, а остальную часть атмосферы составляет азотно-гелиевая смесь, давление не выше половины нормального земного, голоса в такой атмосфере звучат высоко, и первые несколько часов у меня перехватывало дыхание.

Человек, который помог мне выбраться из шлюпки и укутал от холода, оказался смуглым рослым марсиано-японцем по имени Норио Итуно. Он уложил меня в свою постель, напоил и дал отдохнуть с час. Я задремал, а когда проснулся, он сидел рядом, глядя на меня с интересом и уважением. Уважение относилось не к человеку, который прикончил корабль стоимостью в пять миллионов долларов. А интерес к идиоту,

который это сделал.

- Мне кажется, у меня неприятности, - сказал я.

- Пожалуй, да, - согласился он. - Корабль мертв. Никогда раньше ничего подобного не видел.

- Я не знал, что корабль хичи может так умереть.

Он пожал плечами. "Вы сделали кое-что оригинальное, Броудхед. Как вы себя чувствуете? - Я сел, собираясь ему ответить, и он кивнул. - Мы сейчас очень заняты. Вам придется несколько часов самому заботиться о себе, если сможете. Ладно? Потом я устрою для вас вечеринку".

- Вечеринка! - Вот уж о чем я совсем не думал. - За что?

- Не каждый день встречаешь такого, как вы! - восхищенно сказал он и оставил меня наедине с моими мыслями.

Мысли мои мне не понравились, и немного погодя я встал, надел перчатки, застегнул куртку и начал осматриваться. Осмотр продолжался недолго; особенно смотреть было нечего. С нижних уровней доносились звуки какой-то деятельности, но эхо в кривых коридорах распространялось странно, и я никого не встретил. На Вратах-Два не бывает туристов, поэтому здесь нет ночного клуба и казино, нет ресто-

ранов... я не смог найти даже туалета. Прошло какое-то время, и вопрос о туалете становился все настоятельнее. Я рассудил, что что-то в этом роде должно быть поблизости от комнаты Итуно, и вернулся туда, но это не помогло. Вдоль коридоров был ряд помещений, но все они не закончены. В них никто не жил и никто не позаботился о канализации.

| *Дорогой Голос Врат.*

|

| *Являетесь ли вы разумным человеком без*

| *предрассудков? Докажите это, прочитав мое письмо*

| *до конца, прежде чем примете решение о его*

| *содержании. На Вратах тринадцать населенных*

| *уровней. На каждом из тринадцати общих помещений*

| *по тринадцать жильцов (пересчитайте сами). Вы*

| *думаете, мое письмо просто глупое суеверие? Тогда*

| *сами посмотрите на доказательства. Рейсы 83-20,*

| 84-1 и 84-10 (для чего добавляют эти цифры?) были

| все объявлены пропавшими в списке 86-13!

| Корпорация Врат, проснись! Пусть скептики и ханжи

| насмехаются. Человеческие жизни зависят от вашей

| готовности подвергнуться насмешкам. Ничего не

| мешает исключить ОПАСНЫЕ ЧИСЛА из всех программ.

| Нужна только храбрость!

|

| М. Глойнер, 88-331

Не лучший мой день.

Найдя наконец туалет, я минут десять гадал, как он смывается, и оставил бы его неприлично грязным, если бы не услышал чьи-то шаги снаружи. Там стояла в ожидании полная женщина небольшого роста.

- Не знаю, как смыть, - извинился я.

Она осмотрела меня с головы до ног. "Вы Броудхед, - заявила она и добавила:

- Почему вы не отправляетесь на Афродиту?"

- А что такое Афродита... нет, погодите.

Сначала как смывается эта штука? А потом об Афродите.

Она указала на кнопку на краю двери. Я считал ее включателем света. Когда я коснулся ее, дно глубокого сосуда без единого шва начало светиться, и через десять секунд на нем был лишь пепел, а потом вообще ничего.

- Подождите меня, - приказала она, скрываясь внутри. Выйдя, она сказала:

- Афродита - это деньги, Броудхед. А вам они понадобятся.

Я позволил ей взять меня за руку и повести. Я начинал понимать, что Афродита - это планета. Новая планета, ее открыл корабль с Врат-Два всего сорок дней назад. Большая планета. "Конечно, придется заплатить проценты, - сказала она. - И пока что там ничего особенного не нашли, обычные отбросы хичи. Но там нужно обследовать тысячи квадратных миль, а первая группа старателей с Врат явится только через несколько месяцев. Мы послали; сообщение только сорок дней назад. Есть опыт работы на горячих планетах?"

- Опыт работы на горячих планетах?

- Приходилось ли бывать на горячих планетах? - объяснила она, опускаясь в шахту.

- Нет. Кстати, у меня вообще никакого опыта нет. Один полет. Пустой. Я даже не высаживался.

- Жаль, - сказала она. - Впрочем особенно тут нечему учиться. Вы знаете, на что похожа Венера? Афродита лишь немного хуже. Звезда у нее очень горячая, и под прямое освещение попадать нельзя. Но туннели хичи под поверхностью. Если найдете, забираетесь туда.

- А каковы шансы найти?

- Ну, - задумчиво ответила она, отцепляясь от кабеля и ведя меня по туннелю, - может, не так уж велики. В конце концов вы ведь, пока ищете, на открытой местности. На Венере используют бронированные воздушные лодки и все герметически изолируют, так что там никаких проблем. Но здесь они возможны, - признала она. - Но не очень много старателей погибает. Около одного процента.

- А какой процент погибает на Афродите?

- Больше одного. Да, больше. Приходится пользоваться шлюпкой вашего корабля, а она, конечно, не такая мобильная - особенно на планете с поверхностью, как расплавленная сера, и с ветрами, как ураганы, - когда они легкие.

- Очаровательно, - сказал я. - Почему же вы не там?

- Я? Я пилот-перевозчик. Через десять дней, как только все погрузят или кто-нибудь будет возвращаться, я лечу на Врата.

- Я хочу вернуться прямо сейчас.

- Черт возьми, Броудхед! Вы разве не понимаете, в какой вы беде? Вы нарушили правила, изменив установку курса. Вас судить будут.

Я тщательно обдумал это. Потом сказал: "Спасибо, но я рискну".

- Вы не поняли? На Афродите гарантированы находки хичи. Вы можете сделать сотню вылетов и ничего подобного не найти.

- Милая, - сказал я, - я не могу сделать сотню вылетов. Не знаю, хватит ли у меня духу и на один. Мне кажется, что на возвращение на Врата духу хватит. А больше я ничего не знаю.

В целом я пробыл на Вратах-Два тринадцать дней. Эстер Бегровиц, пилот-перевозчик, все время старалась уговорить меня лететь на Афродиту. Наверно, не хотела, чтобы я занимал место ценного груза на обратном пути на Врата. Остальным было все равно. Все считали меня сумасшедшим. Для Итуно, который был старшим на Два, я оказался проблемой. Технически я попал туда незаконно, за содержание я не заплатил ни полушки и платить мне было

нечем. Он был вполне вправе выбросить меня в космос без костюма. Он решил проблему, поставив меня на погрузку не самого ценного груза на пятиместный корабль Эстер. В основном это были молитвенные веера и образцы с Афродиты для последующего анализа. Это заняло два дня, потом он назначил меня старшим мальчиком на побегушках у троих, переделывавших костюмы для исследователей Афродиты. Им приходилось использовать факелы хичи, чтобы хоть немного смягчить металл костюмов, но мне факелы не доверяли. Требуется два года, чтобы обучить человека управлять факелом хичи на близком расстоянии. Но мне позволялось подносить им костюмы и полоски металла хичи, подавать инструменты, бегать за кофе... и надевать законченные костюмы и выходить в космос, проверяя, не протекают ли они.

| *Мы запах ваш чуем, попав в Орион,*
| *И Псы нас ведут по следу.*
| *И Андромеда, и Крес, Процион -*
| *Все нам сулят победу.*
| *С разных концов мира людей*
| *Все разных вер и обычаев*
| *Уходим мы в вечность с грузом надежд,*
| *Что вас, заблудших, отыщем.*

| *О, Хичи...*

Ни один из них не протекал.

На двенадцатый день прибыли два пятиместных корабля с Врат; они привезли счастливых оживленных старателей с никому не нужным оборудованием. Известие об Афродите еще не дошло до Врат, и поэтому новички не знали, что им понадобится. Чисто случайно среди них оказалась молодая девушка с научным заданием, она училась раньше у профессора Хеграмета и должна была провести антропометрические наблюдения на Вратах-Два. Своей властью Итуно переадресовал ее на Афродиту и объявил о совместной приветственно-прощальной вечеринке. Десять новоприбывших и я превышали количество хозяев: но если хозяева уступали в количестве, то превзошли в объеме выпитого, и вечеринка получилась хорошая. Я чувствовал себя знаменитостью. Новички не могли пройти мимо того факта, что я прикончил корабль хичи, а сам выжил.

Мне было почти жаль улетать... не говоря уже о том, что очень страшно.

Итуно налил мне на три пальца рисового виски в стакан и произнес тост. "Жаль, что вы улетаете, Броудхед, - сказал он. - Не передумаете?

У нас пока больше бронированных кораблей и костюмов, чем старателей, но не знаю, как долго это будет продолжаться. Если передумаете, вернувшись..."

- Я не передумаю.

- Банзай! - сказал он и выпил. - Слушайте, не знаете ли вы старика по имени Бакин?

- Шики? Конечно. Он мой сосед.

- Передайте ему привет, - сказал он, снова наливая. - Отличный парень, вы мне чем-то напомнили его. Я был с ним, когда он потерял ноги: его зажало в шлюпке, когда нам пришлось сбрасывать груз. Чуть не умер. К тому времени, как мы его доставили на Врата, он весь распух, и несло от него, как из ада. Нам пришлось отрезать ему ноги. Я сам это сделал.

- Да, он отличный парень, - подтвердил я, приканчивая выпивку и протягивая стакан за новой порцией. - Эй. Что значит, я напоминаю вам его?

- Он тоже не может решиться, Броудхед. У него денег достаточно для Полной медицины, но он не может решиться потратить их. Если бы потратил, мог получить ноги и снова вылететь. Но тогда у него ничего не останется. И он остается калекой.

Я поставил стакан. Больше мне не хотелось пить. "Пока, Итуно, - сказал я. - Иду спать".

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*
|
| *Тенистый широколистник, выращенный вручную и*
| *свернутый. Два доллара сигарета. 87-307.*
|
| *Нынешнее местонахождение Агосто Т. Агнелли.*
| *Позвоните службе безопасности Врат для Интерпола.*
| *Награда.*
|
| *Публикация рассказов и стихотворений. Лучший*
| *способ сохранить воспоминания для ваших детей.*
| *Удивительно низкая цена. 87-349.*
|
| *Кто-нибудь из Питтсбурга или Падьюки? Скучаю*
| *по родине. 88-226.*

Большую часть обратного пути я писал письма Кларе, не зная, отправлю ли их. Больше де-

лать было нечего. Эстер оказалась удивительно сексуальной - для такой полной женщины определенного возраста. Но наступает время, когда это уже не занимает, а со всем тем грузом, которым был забит корабль, больше ни для чего места не оставалось. Дни проходили одинаково; секс, письма, сон... и беспокойство.

Беспокойство из-за того, что Шики Бакин хотел оставаться калекой; и беспокойство, почему я сам этого хочу.

Глава 25

Зигфрид говорит: "У вас усталый голос, Боб". Что ж, это вполне понятно. Уикэнд я провел на Гавайях. У меня часть денег вложена здесь в туристский бизнес, так что мне это почти ничего не стоит. Два прекрасных дня на Большом острове, по утрам встречи с акционерами, а днем - с одной из прекрасных девушек островов - на пляже или в катамаране с прозрачным дном, сквозь которое видны спокойно плывущие и дожидающиеся крошек большие манты. Но по возвращении приходится преодолевать все эти временные зоны, и я чувствовал усталость.

Но только Зигфриду нужно услышать не это. Ваша физическая усталость его не интересует. Его не заботит ваша сломанная нога. Он хочет только услышать, как во сне вы спали со своей матерью.

Я говорю ему об этом. Говорю: "Да, я устал, Зигфрид, но хватит ходить вокруг да около. Давай прямо к эдиповому комплексу - насчет мамы".

- А у вас он есть, Бобби?

- А разве его нет у каждого?

- Хотите поговорить о нем, Бобби?

- Не особенно.

Он ждет, и я тоже жду. Зигфрид опять поработал, и теперь его кабинет напоминает сорокалетней давности комнату мальчишки. Голограмма скрещенных весел на стене. Фальшивое окно с фальшивым видом на горы Монтаны в снежную бурю. Полка с мальчишескими книгами-голограммами: "Том Сойер", "Забытая раса Марса" - остальные названия не могу прочесть. Все очень по-домашнему, все очень напоминает дом, но не мой: моя комната в детстве была маленькая, узкая, ее почти всю занимал старый диван, на котором я спал.

- Знаете ли вы, о чем хотите говорить, Роб? - мягко проверяет Зигфрид.

- Держу пари. - Потом я передумываю. - Нет. Не уверен. - На самом деле я знаю. Мне тяжело пришлось по пути назад с Гавайев, очень тяжело. Полет пятичасовой. Половину этого времени я провел в слезах. Забавно. В самолете, летящем на восток, рядом со мной сидела чудесная девушка хапи-хаоле. Я сразу решил познакомиться с ней получше. И стюардесса была та же, с которой я летел сюда, и с ней я уже познакомился получше.

И вот я сидел в салоне первого класса СРС

(сверхзвукового реактивного самолета), стюардесса приносила напитки, я болтал со своей хорошенькой соседкой хапи-хаоле. И - как только девушка начинала дремать или уходила в туалет, а стюардесса смотрела в другую сторону, - меня разрывали молчаливые, ужасные, мучительные рыдания.

Но стоит кому-нибудь взглянуть в мою сторону - я опять улыбающийся, оживленный, богатый.

- Не хотите ли сказать, что вы чувствуете именно в эту секунду. Боб?

- Хотел бы, Зигфрид, если бы знал.

- Вы на самом деле не знаете? Не можете вспомнить, что было в вашей голове только что, когда вы молчали?

- Конечно, могу. - Я некоторое время не решаюсь, потом говорю:

- О, дьявол, Зигфрид, я просто ждал, чтобы меня утешили. Я кое-что понял накануне, и мне было больно. О, ты не поверишь, как было больно. Я плакал, как ребенок.

- Что же вы поняли, Бобби?

- Я пытаюсь тебе рассказать. Относительно... ну, отчасти относительно матери. Но также... относительно Дэйна Мечникова. У меня были...

были эти...

- Я думаю, вы пытаетесь рассказать что-то относительно фантазий - у вас анальный секс с Мечниковым, Боб. Верно?

- Да. Как ты все хорошо помнишь, Зигфрид. Плакал я о маме. Отчасти...

- Вы уже говорили мне об этом, Боб.

- Верно. - И я закрываюсь. Зигфрид ждет. Я тоже жду. Вероятно, хочу, чтобы меня еще уговаривали, и некоторое время спустя Зигфрид идет мне навстречу.

- Посмотрим, не могу ли я вам помочь, Боб, - говорит он. - Какое отношение друг к другу имеют ваши слезы о матери и ваши фантазии об анальном сексе с Дэйном Мечниковым?

Я чувствую, что внутри у меня что-то происходит. Как будто влажное мягкое содержимое груди начинает пузыриться в горле. Я чувствую это по голосу. Он был бы дрожащим и ужасно жалким, если бы я его не контролировал. Но я его контролирую, хотя отлично знаю, что такое утаить от Зигфрида невозможно; он получает информацию от датчиков и может судить о том, что происходит со мной, по напряжению мышц и влажности ладоней.

Но тем не менее я пытаюсь. Тоном учителя

биологии, препарирующего лягушку, я говорю: "Видишь ли, Зигфрид, мама любила меня. Я это знал. И ты знаешь. Проявление логики; у нее просто не было выбора. И Фрейд однажды сказал, что ни один мальчик, уверенный в любви своей матери, не вырастает невротиком. Только..."

- Пожалуйста, Робби, это не вполне верно, к тому же вы философствуете. Но вам совсем не нужны эти преамбулы. Вы увертываетесь, верно?

В другое время я за это вырвал бы у него его цепи, но на этот раз он правильно оценил мое настроение. "Хорошо. Но я на самом деле знал, что мама меня любит. Она ничего не могла с этим поделать! Я был ее единственным ребенком. Отец умер - не прочищай горло, Зигфрид, я уже подхожу. Было логически необходимо, чтобы она любила меня, и я понимал это, никаких сомнений у меня не было, но она об этом никогда не говорила. Ни разу".

- Вы хотите сказать, что никогда за всю жизнь вы не слышали от нее: "Я тебя люблю, сын"?

| *ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ*

|

| *Корабль а3-77, рейс 036В51. Экипаж Т. Паррено,*

| *Н. Ахойя. Е. Нимкин.*

|

| *Время до цели 5 дней 14 часов. Позиция -*

| *окрестности Альфа Центавра А.*

| *Резюме. Планета земноподобная, покрыта густой*

| *растительностью. Цвет растительности*

| *преимущественно желтый. Атмосфера очень напоминает*

| *смесь хичи. Планета теплая, полярных шапок нет, и*

| *средняя температура примерно такая же, как на*

| *земном экваторе. Не зарегистрированы ни животная*

| *жизнь, ни подписи (метан и прочее). Некоторые*

| *растения хищные, они очень медленно передвигаются,*

| *переставляя выступающие части лозоподобных*

| *отростков, потом подтягиваются и переносят корни.*

| *Максимальная измеренная скорость*

такого

| передвижения - примерно два километра в час.

| Никаких артефактов. Паррено и Нимкин высадились и

| вернулись с образцами растительности, но умерли от

| токсико-дендроноподобной реакции. На их телах

| образовались огромные волдыри. Начались сильные

| боли, зуд, они начали задыхаться, вероятно, из-за

| накопившейся в легких жидкости. Я не принес их на

| корабль. Не открывал шлюпку. Отцепил шлюпку и

| вернулся без нее.

| Оценка Корпорации. Обвинения против Н. Ахойя

| не выдвинуты с учетом его репутации в прошлом.

- Нет! - кричу я. Потом снова овладеваю собой. - Во всяком случае не прямо. Однажды - мне было восемнадцать лет, и я спал в соседней комнате - я слышал, как она говорила подругам, что я

замечательный ребенок. Она гордится мной. Не помню, что именно я сделал; получил награду или работу, но она гордилась мной и любила меня, и так и сказала... Но не мне.

- Пожалуйста, продолжайте. Боб, - немного погодя говорит Зигфрид.

- Я и продолжаю. Дай мне минутку. Больно! Вероятно, это можно назвать основной болью.

- Пожалуйста, не ставьте себе диагноз, Боб. Просто говорите. Пусть выходит наружу.

- О, дерьмо!

Я тянусь за сигаретой и застываю. Это обычно хорошо действует, когда мне туго приходится с Зигфридом, потому что почти всегда вовлекает его в спор, не пытаюсь ли я облегчить напряжение, вместо того чтобы справиться с ним. Но на этот раз я испытываю такое отвращение к себе, к Зигфриду, даже к своей матери... Я хочу покончить с этим. "Послушай, Зигфрид, вот как это было. Я очень любил маму и знаю - знал! - что она меня любила. Но она не очень хорошо показывала это".

Неожиданно я осознаю, что держу в руках сигарету, перекатываю в пальцах и даже не зажигаю. Удивительно, но Зигфрид никак не прокомментировал это. Я продолжаю. "Она мне этого не

говорила. И не только это. Странно, Зигфрид, но, знаешь, я не могу вспомнить, чтобы она касалась меня. Ну, не совсем... Иногда она меня целовала на ночь. В макушку. И помню, она мне рассказывала сказки. И всегда была рядом, когда я в ней нуждался. Но..." Мне приходится остановиться на мгновение, чтобы справиться с голосом. Я глубоко вдыхаю, ровно выдыхаю через нос, сосредоточившись на процессе дыхания.

- Но, видишь ли, Зигфрид, - говорю я, репетируя про себя слова и очень довольный их ясностью и уравновешенностью, - она не часто притрагивалась ко мне. Кроме одного обстоятельства. Когда я болел. А я часто болел. Все на шахтах болеют: постоянные насморки, болезни кожи. Она давала мне все необходимое. Всегда была рядом. Всегда: работала и заботилась обо мне в одно и то же время. И когда я заболевал, она...

Немного погодя Зигфрид говорит: "Продолжайте, Робби. Скажите это".

Я пытаюсь, но не получается, и он говорит:

- Просто скажите, как можете. Избавьтесь. Не беспокойтесь о том, пойму ли я, имеет ли это смысл. Просто избавьтесь от слов.

- Ну, она измеряла мне температуру, - объясняю я. - Понимаешь? Совала в меня термометр. И

держала меня, знаешь, сколько времени нужно, три минуты. А потом доставала термометр и смотрела на него.

Я на краю вопля. Хочу начать, но прежде хочу довести до конца. Почти сексуальное ощущение. Как будто принимаешь решение о женщине и не хочешь, чтобы она слишком тебя занимала, но все равно начинаешь. Я пытаюсь справиться с голосом, чтобы он не подвел меня, пока я не кончу. Зигфрид молчит, и немного погодя я нахожу слова:

- Знаешь что, Зигфрид? Забавно. Всю жизнь... сколько прошло с тех пор? Сорок лет? И тогда и теперь у меня сумасшедшее представление, что любовь - это когда что-то в тебя вставляют, а потом вытаскивают.

Глава 26

Пока я отсутствовал, на Вратах произошли большие изменения. Повысили плату за суточное содержание. Корпорация хотела избавиться от прихлебателей, вроде Шики или меня. Плохая новость - рассчитывал на три оплаченных недели, оказалось всего десять дней. Появилось много ученых с Земли: астрономов, ксенотехников, математиков. Прилетел даже старый профессор Хеграмет; весь в синяках от старта, он бойко бегал по туннелям.

Но Оценочная комиссия не изменилась, и я был приколот к скамье, а моя старая знакомая Эмма объясняла, какой я глупец. На самом деле докладывал мистер Сен, Эмма только переводила. Но мне ее перевод понравился.

- Я предупреждала вас, Броудхед. Вам следовало прислушаться. Почему вы изменили установку курса?

- Я уже говорил. Обнаружив, что я на Вратах-Два, я просто не мог этого вынести. Хотел отправиться куда-нибудь еще.

- Чрезвычайно глупо с вашей стороны, Броудхед.

Я посмотрел на Сена. Он висел на стене, прицепившись воротником на крюк, улыбался, сложив руки. "Эмма, - сказал я, - делайте, что хотите, только отцепитесь от меня".

Она радостно ответила: "Я и делаю, что хочу, Броудхед, потому что должна это делать. Это моя работа. Вы знали, что изменять установку курса запрещено".

- Кем запрещено? Я застрял в том корабле.

- В правилах сказано, что нельзя уничтожать корабль, - объяснила она. Я не ответил, она сделала что-то вроде перевода для мистера Сена, который серьезно выслушал, поджал губы и произнес две аккуратных фразы на языке мандаринов. Можно было расслышать даже знаки препинания.

- Мистер Сен говорит, - сказала Эмма, - что вы весьма безответственная личность. Вы уничтожили невосполнимое оборудование. Оно не принадлежало вам. Оно принадлежало всему человечеству. - Он произнес еще несколько предложений, и она закончила:

- Мы не можем окончательно судить о вашей ответственности, пока не получим дополнительной информации о степени урона, нанесенного кораблю. Мистер Итуно обещал при первой

же возможности произвести полную проверку корабля. Ко времени его доклада в полете находились два ксенотехника. Они должны отправиться на Афродиту. Сейчас они уже на Вратах-Два, и их заключение, вероятно, прибудет с очередным пилотом-перевозчиком. Тогда мы снова пригласим вас.

Она замолчала, глядя на меня, и я понял, что встреча окончилась. "Большое спасибо", - сказал я и оттолкнулся в сторону двери. Она позволила мне долететь до нее, прежде чем сказала:

- Еще одно. В докладе мистера Итуно сообщается, что вы работали на погрузке и изготовлении костюмов на Вратах-Два. Он установил вам плату - сейчас взгляну - двадцать пять сотен долларов. Ваш пилот-перевозчик Эстер Берговиц перевела на ваш счет один процент своей оплаты за услуги, оказанные в полете; соответственно произведены изменения в вашем счете.

- У меня не было контракта с ней, - удивленно сказал я.

- Не было. Но она считает, что должна поделиться с вами. Немного поделиться, разумеется. Хотя, - она снова посмотрела в бумаги, - двадцать пять сотен плюс пятьдесят пять сотен - всего получается восемь тысяч долларов на вашем

счету.

| *ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ*

|

| *Корабль 1-103, рейс 022B18.*

| *Экипаж Дж.Геррон.*

|

| *Время до цели 107 дней 5 часов. Примечание:*

| *время обратного пути 103 дня 15 часов.*

|

| *Извлечение из журнала: "На 84 день полета, на*

| *6-ом часу инструмент Q начал светиться, и*

| *наблюдалась необычная активность огней на*

| *контрольном табло. В то же самое время я ощутил*

| *изменение в направлении толчка двигателей.*

| *Примерно с час продолжались изменения, затем свет*

| *Q погас и все пошло как обычно".*

|

| *Предположение: Курс был изменен для того,*

| чтобы избежать столкновения с какой-нибудь

| опасностью, может, звездой или другим небесным

| телом. Рекомендован компьютерный поиск в журналах

| аналогичных происшествий.

Восемь тысяч долларов! Я направился к шахте, схватился за ведущий вверх кабель и задумался. Особой разницы нет. Конечно, этого не хватит, чтобы оплатить стоимость поврежденного корабля. Во всей вселенной не найдется достаточно денег, если с меня потребуют полную стоимость восстановления. Корабль восстановить невозможно.

С другой стороны, теперь у меня на восемь тысяч долларов больше, чем раньше.

Я отпраздновал это изменение, купил выпивку в "Голубом Аду". Пока пил, думал о том, какие у меня возможности. Чем больше думал, тем сильнее они уменьшались.

Меня признают виновным, это несомненно, и предъявят иск по меньшей мере в несколько сотен тысяч. Но у меня их нет. Счет может быть и большим, но это уже безразлично: когда заберут все, что у тебя есть, больше уже брать нечего.

Как подумаешь, мои восемь тысяч долларов - это волшебное золото. Оно может растаять с рассветом, как только поступит отчет ксенотехников с Врат-Два. Оценочная комиссия соберется снова, и на этом конец.

Поэтому нет особой причины беречь деньги. Можно их и потратить.

Не было причин и думать о возврате к моей прежней работе - высаживанию ив, даже если я бы и мог получить ее: ведь Шики с должности старшего на этой работе уволили. Как только произнесут приговор, все с моего счета исчезнет. Меня подвергнут немедленно казни путем выбрасывания.

Если бы тут вовремя оказался идущий на Землю корабль, я мог бы улететь на нем, вскоре оказался бы в Вайоминге и попробовал бы заняться своей прежней работой в пищевых шахтах. Но если корабля не окажется, я в беде. Может, удалось бы наняться на американский крейсер или бразильский, если Френси Эрейра захочет похлопотать за меня. Тогда можно было бы переждать на борту, пока не появится подходящий корабль.

Подумав, я решил, что шансов на это очень мало.

Лучше всего было бы действовать до того, как комиссия примет окончательное решение. И тут у меня было две возможности.

Я мог улететь на Землю, на пищевые шахты Вайоминга, не дожидаясь решения Комиссии.

Или мог снова вылететь в космос.

Прекрасные возможности. Одна означала навсегда отказаться от надежды на приличную жизнь... другая пугала меня до глубины души.

Врата похожи на клуб, в котором никогда не знаешь, какие из его членов в городе. Луиза Форхенд улетела; крепость терпеливо удерживал ее муж Сесс. Он ждал ее или единственную оставшуюся дочь, чтобы самому улететь снова. Он помог мне снова поселиться в моей комнате; ее временно занимали три мадьярки, которые улетели на трехместном корабле. Переселение не потребовало больших усилий: у меня ничего не было, кроме недавних покупок.

Единственно постоянным оставался Шики Бакин, он всегда здесь и всегда дружелюбен. Я спросил, не слышал ли он чего-нибудь о Кларе. Он не слышал. "Улетай снова, Боб, - советовал он. - Это единственный выход".

- Да. - Мне не хотелось с ним спорить. Конечно, он прав. Может, и полечу... Я сказал:

- Хотел бы я не быть трусом, Шики, но я трус. Просто не знаю, смогу ли я снова войти в корабль. У меня нет смелости ежедневно в течение ста дней смотреть в лицо смерти.

Он засмеялся и слетел со шкафа, чтобы потрепать меня по плечу. "Так много смелости не нужно, - сказал он, возвратившись на шкаф. - Она нужна только однажды: когда заходишь на корабль. Потом она совсем не нужна, просто у тебя нет выбора".

- Я думаю, что справился бы, - сказал я, - если бы теория Мечникова о цветах оказалась правильной. Но некоторые вылетевшие с "безопасной" установкой уже погибли.

- Тут вероятность только статистическая, Боб. Правда, что есть установки, соответствующие лучшим результатам. Конечно, в пределах ошибки. Но есть.

- Те, что погибли, все равно мертвы, - ответил я. - Но... может, я и поговорю еще с Дэйном.

Шики удивленно посмотрел на меня. "Он в полете"

- Когда?

- Сразу вслед за тобой. Я думал, ты знаешь.

Я забыл. "Нашел ли он то, что искал?"

Шики подбородком почесал плечо, сохраняя

равновесие легкими взмахами крыльев. Потом слетел со шкафа и направился к пьезофону. "Посмотрим, - сказал он, нажимая кнопку. На экране появилась доска новостей. - Рейс 88-173, - прочел Шики. - Премия 150 000 долларов. Не очень много".

- Я думал, он получит больше.

- Что ж, - сказал Шики, продолжая читать, - не получил. Тут говорится, что он вернулся вчера вечером.

| *ОТНОСИТЕЛЬНО ЧЕРНЫХ ДЫР*

|

| *Доктор Азменион. Если вы имеете дело со*

| *звездой, чья масса минимум в три раза превышает*

| *солнечную и которая коллапсирует, она не*

| *превращается просто в нейтронную звезду. Она*

| *продолжает сжиматься. Становится настолько*

| *плотной, что скорость убегания превышает тридцать*

| *миллионов сантиметров в секунду... а это...*

| В. Гм. Скорость света?

| Доктор Азменион. Совершенно верно, Галина.

| Свет не может уйти. Она черная. Вот почему ее

| называют черной дырой - но только если вы

| подойдете ближе, внутрь, в область, которая

| называется эргосферой, там она не черная.

| Вероятно, вы что-нибудь увидите.

| В. А на что это похоже?

| Доктор Азменион. Хотел бы я знать, Джеф. Если

| кто-нибудь там побывает, он нам расскажет, если

| сможет. Но, вероятно, не сможет. Вероятно, можно

| подойти к ней близко, собрать наблюдения и

| вернуться назад - и получить премию... Боже, я

| даже не знаю... ну уж миллион, это точно. Если вы

| переберетесь в шлюпку и оттолкнете

от себя

| основную массу корабля, вы можете получить

| добавочную скорость, достаточную, чтобы уйти. Это

| нелегко. Но, вероятно, возможно. Но дальше что?

| Возвращаться в шлюпке невозможно. А наоборот не

| сработает. В шлюпке не хватит массы, чтобы

| подтолкнуть вас и освободить... Я вижу, старине

| Бобу это обсуждение не нравится, так что давайте

| перейдем к типам планет и пылевых облаков.

| ОБЪЯВЛЕНИЯ

|

| Есть ли на Вратах не курящий и говорящий

| по-английски, чтобы пополнить экипаж? Может, вы

| хотите укорачивать свою жизнь (и наши резервы

| жизнеобеспечения), но мы двое не хотим.

88-775.

|

| Требуем представительства старателей в Совете

| корпорации Врата! Митинг завтра в 1300 на уровне

| Бейб.

| Добро пожаловать все!

|

| Проверенный способ выбора полета,

| осуществление всех ваших снов. 32-страничная

| запечатанная книга все объяснит 10 долларов.

| Консультации - 25 долларов. 88-139.

Поскольку Мечников почти пообещал поделиться со мной опытом, имело смысл поговорить с ним, но я не хотел действовать разумно. Убедившись, что он вернулся без находок и ничего не получил, кроме небольшой премии, я не захотел с ним видеться.

Ничего особенно я не делал. Просто болтался.

Врата не самое удобное во вселенной место для жизни, но я находил себе занятия. Лучше, чем на пищевых шахтах. Каждый час при-

ближал получение отчета ксенотехников, но я сумел большую часть времени об этом не думать. Болтался в "Голубом Аду", знакомился с туристами, членами экипажей крейсеров, новичками, продолжавшими прибывать с перенаселенных планет, вероятно, искал новую Клару. Не находил.

Перечитал письма, которые написал ей на пути с Врат-Два, и порвал их. Вместо этого написал короткую записку, в которой извинялся, говорил, что люблю ее, и попросил передать по радио на Венеру. Но ее там не оказалось! Я забыл, как медленно происходит движение по орбитам Хоманна. Корабль, в котором она улетела, нашли довольно легко: он постоянно находился на прямоугольной - к эклиптике - орбите, встречаясь с другими кораблями, летящими в плоскости эклиптики, и обмениваясь с ними пассажирами и грузом. Этот корабль сначала встретился с летящим на Марс фрейтером, затем с роскошным венерианским лайнером. Она, очевидно, перешла на один из них, но на какой именно, неизвестно. Оба эти корабля должны были достичь пункта назначения только через месяц.

Я послал на каждый корабль копии записки, но ответа не было.

Я познакомился с девушкой-артиллеристом с бразильского крейсера. Ее привел Френси Эрейра. "Моя двоюродная сестра, - представил он ее, потом наедине сказал мне:

- Боб, ты должен знать, что у меня нет никакого семейного чувства к сестре". Экипаж постоянно проводил время на Вратах, и хоть это не Вайкики и не Канны, но по сравнению с боевым кораблем тут рай. Сузи Эрейра была очень молода. Она сказала, что ей девятнадцать лет - в бразильский флот принимают с семнадцати, - но даже и на столько не выглядела. Она не очень хорошо говорила по-английски, но чтобы выпивать вместе в "Голубом Аду", много разговаривать не нужно. А в постели нам совсем не понадобилось разговаривать: за нас это прекрасно делали наши тела.

Но Сузи могла проводить здесь только один день в неделю, и у меня оставалось очень много времени, которое нужно было как-то убить.

Я испробовал все: повышенную группу обучения, групповые объятия с избавлением от взаимной враждебности. Серию лекций о хичи старика Хеграмета. Программу лекций по астрофизике с уклоном в сторону научных премий Корпорации. Тщательно распределяя

время, я сумел заниматься всем этим одновременно, а решение откладывалось со дня на день.

Не хочу создавать впечатление, что сознательно убивал время; просто жил день за днем, и каждый день был заполнен. Во вторник появлялись Сузи и Френси Эрейра, и мы втроем шли на ланч в "Голубой Ад". Потом Френси отправлялся по своим делам, или подхватывал девушку, или плавал в озере Верхнем, а мы с Сузи шли ко мне и к моим сигаретам с наркотиком, чтобы плыть по теплым водам постели. После обеда развлекались. По вечерам во вторник проходили лекции по астрофизике, и мы слушали о диаграмме Грецшпрунга-Рассела, о красных гигантах и карликах, о нейтронных звездах и черных дырах. Профессор - старый толстый любитель девочек из какого-то захудалого колледжа вблизи Смоленска, но даже сквозь его сальные шутки просвечивала поэзия и красота. Он говорил о старых звездах, которые дали жизнь нам всем, разбрасывая силикаты и карбонат магния в пространстве, из чего образовались планеты, и углеводороды, из чего образовались мы. Он рассказывал о нейтронных звездах, которые изгибают вокруг себя поле тяготения; мы об этом знали, потому что

два корабля были разрезаны на куски, выйдя в нормальное пространство слишком близко от таких водородных карликов. Он говорил о черных дырах, это места, где когда-то была массивная звезда, теперь их можно обнаружить только потому, что они поглощают все, включая свет; они не просто сгибают поле тяготения, они заворачиваются в него, как в одеяло. Он описывал звезды, разреженные, как воздух, огромные облака светящегося газа, говорил о протозвездах в туманности Орион, только сейчас разогревающихся газовых сгустках, которые через миллионы лет могут превратиться в солнца. Лекции его были очень популярны: там показывались даже ветераны, вроде Шики или Дэйна Мечникова. Слушая профессора, я поражался красоте и удивительности космоса. Он слишком огромен и великолепен, чтобы быть страшным, и только потом я вспоминал, что означают эти радиационные потоки и сгустки разреженного газа для меня, для моего хрупкого, такого чувствительного к боли тела. А потом я думал о полете к какому-нибудь из этих далеких гигантов... и моя душа замирала от страха.

| *Дорогие отец, мама, Мариса и Пико-Джао!*

| *Пожалуйста, передайте отцу Сузи, что с ней все*
| *в порядке, она пользуется большим уважением своего*
| *начальства. Решите сами, сообщать ли ему, что она*
| *встречается с моим другом Бобом Броудхедом. Он*
| *хороший человек, серьезный, но не очень везучий.*
| *Сузи записалась на полет, и если капитан разрешит,*
| *она хочет лететь с Броудхедом. Мы все говорим о*
| *том, что хорошо бы полететь, но не все летим, так*
| *что, возможно, не о чем беспокоиться.*
| *Письмо поневоле короткое: корабль подходит к*
| *доку, и у меня впереди 48 часов на Вратах.*
|
| *Ваш*
| *Франческито.*

После одной из таких лекций я попрощался с Сузи и Френси и сидел в нише возле лекцион-

ного зала, наполовину скрытый ивой, уныло затягиваясь сигаретой. Тут меня отыскал Шики. Он остановился передо мной, поддерживая себя в воздухе взмахами крыльев. "Я искал тебя, Боб," - сказал он и замолчал.

Травка начинала действовать на меня. "Интересная лекция", - сказал я с отсутствующим видом, пытаясь поскорее добиться того приятного состояния, какое бывает после наркотика, и не слишком интересуясь словами Шики.

- Самую интересную часть ты пропустил, - сказал Шики. Мне пришло в голову, что он выглядит одновременно испуганно и обнадеживающе: что-то у него есть в голове. Я еще раз затянулся; он покачал головой. "Боб, - сказал он, - мне кажется, есть кое-что, за чем стоит отправиться".

- На самом деле?

- Да, на самом деле, Боб. Что-то очень хорошее. И скоро. Я не был готов к этому. Я хотел просто посидеть и покурить, пока вызванный лекцией ужас не рассеется, так чтобы я снова мог спокойно убивать время. Меньше всего хотел я услышать о новом рейсе, и чтобы чувство вины заставляло меня записаться на него, а страх мешал.

Шики ухватился за ветку ивы и приподнялся выше, с любопытством глядя на меня. "Друг Боб, - сказал он, - если я для тебя кое-что подыщу, ты мне поможешь?"

- Помогу? Как?

- Возьми меня с собой! - воскликнул он. - Я могу делать все, только высаживаться в шлюпке не могу. А в том рейсе, о котором я говорю, это не так уж и важно. Там за все премия, даже если корабль останется на орбите.

- О чем ты говоришь? - Травка действовала уже полностью: я чувствовал тепло в теле, все вокруг расплывалось.

- Мечников разговаривал с лектором, - сказал Шики. - Из того, что он говорил, я думаю, ясно, что он знает о новом рейсе. Только... они говорили по-русски, и я не очень хорошо понял. Но именно этот рейс он ждет.

Я резонно ответил: "Его последний рейс не принес ему много".

- Это совсем другое дело!

- Не думаю, чтобы он включил меня во что-нибудь действительно хорошее...

- Конечно, нет, если ты не попросишь.

- Дьявольщина, - проворчал я. - Ладно, поговорю с ним.

Шики расцвел. "И тогда, Боб, пожалуйста, возьми меня с собой".

Я погасил сигарету, не выкурив ее и наполовину. Мне показалось, что мне потребуются остатки рассудка. "Сделаю, что могу", - сказал я и направился к лекционному залу, откуда как раз выходил Мечников.

После его возвращения мы еще не разговаривали. Он выглядел таким же прочным и уверенным, как всегда, и его бородка и бачки были аккуратно подстрижены. "Привет, Броудхед", - подозрительно сказал он.

Я не стал тратить слов. "Я слышал, ты коечего ждешь. Могу я отправиться с тобой?"

Он тоже не стал тратить слов. "Нет". И посмотрел на меня с откровенной неприязнью. Частично я этого от него и ожидал: вероятно, он слышал обо мне и Кларе.

- Ты улетаешь, - настаивал я. - В чем, в одноместном?

Он погладил бачки. "Нет, - неохотно ответил, - не одноместный. Два пятиместных".

- Два пятиместных?

Он некоторое время подозрительно смотрел на меня, потом почти улыбнулся, мне не нравится его улыбка: всегда в голове вопрос, чему

это он улыбается.

- Хорошо, - сказал он. - Если хочешь, можешь получить. Не мне решать, конечно. Спроси Эмму; завтра утром она делает краткое сообщение. Она может разрешить тебе полет. Рейс научный, минимальная премия миллион долларов. И ты к этому имеешь отношение.

- Я имею отношение? - Это нечто неожиданное! - Какое отношение?

- Спроси Эмму, - ответил он и прошел мимо.

| *ОТНОСИТЕЛЬНО ПОДПИСЕЙ*

|

| *Доктор Азменион. Если вы ищете следы жизни на*

| *планете, вряд ли вы ждете неоновой надписи "Здесь*

| *чуждая жизнь". Вы отыскиваете подписи. "Подпись" -*

| *это нечто, свидетельствующее о том, что тут есть.*

| *Как ваша подпись на чеке. Когда ее видят,*

| *понимают, что вы хотите заплатить, и снимают со*

| *счета. Не с вашего, конечно, Боб.*

| *В. Бог не любит слишком язвительных*

учителей.

| Доктор Азменион. Не обижайтесь, Боб. Метан -

| это типичная подпись. Он свидетельствует о

| присутствии теплокровных млекопитающих или

| чего-нибудь подобного.

| В. Я считал, что метан образуется при гниении

| растений и прочего.

| Доктор Азменион. Конечно. Но в основном он из

| кишок живых существ. Большая часть метана в

| атмосфере Земли - это коровий пук.

В комнате для сообщений собралось больше десяти старателей; почти всех я знал: Сесс Форхенд, Шики, Мечников и несколько других, с кем я выпивал или переспал когда-нибудь. Эммы еще не было, и я сумел перехватить ее на входе.

- Я хочу в этот рейс, - сказал я.

Она удивилась.

"Вы? Я думала..." - тут она смолкла, так и не сказав, что думала.

Я продолжал:

"У меня не меньше прав, чем у Мечникова".

- У вас совсем не такой послужной список, как у него, Боб. - Она тщательно осмотрела меня и сказала:

- Вот что я вам скажу, Броудхед. Это специальный рейс, и отчасти вы его причина. Ваш последний рейс оказался интересным. Я не имею в виду уничтожение корабля: это глупость, и если во вселенной существует справедливость, вы за это заплатите. Но удача почти так же хороша, как мозги.

- Вы получили отчет с Врат-Два?

Она покачала головой. "Еще нет. Но это не важно. Как обычно, мы ввели данные вашего полета в компьютер, и он нашел некоторые интересные соответствия. Курсовой набор, который привел вас на Врата-Два... О, дьявол, - сказала она. - Пошли внутрь. Можете пока послушать сообщение. Там все объяснено, а потом... посмотрим".

Она взяла меня за локоть и втолкнула перед собой в комнату, ту самую, которую мы использовали для занятий - как давно это было? Кажется, миллионы лет. Я сел между Сессом и Шики и стал ждать, что она скажет.

- Большинство из вас, - начала она, - пришли

сюда по приглашению, за одним или двумя исключениями. Одно из исключений - наш достойный друг мистер Броудхед. Как вы знаете, ему удалось вывести из строя корабль вблизи Врат-Два. По справедливости его следовало бы отдать под суд, но случайно перед этим он натолкнулся на очень интересные факты. Цвета его курсового указателя не обычны для курса на Врата-Два, и когда компьютер сравнил их с другими данными, он выработал совершенно новую концепцию выбора курса. Очевидно, только пять цветовых полос обязательны для указания курса - это были те пять, что входят в стандартный указатель курса на Врата-Два. Для Броудхеда это был новый курс, но он попал на Врата-Два. Мы не знаем, что означают остальные полосы, но обязательно узнаем.

| *Дорогой Голос Врат.*
|
| *В прошлом месяце я заплатил 58.50 фунтов из*
| *моей с таким трудом добываемой зарплаты, чтобы*
| *вместе с женой и сыном побывать на "лекции" одного*
| *из ваших вернувшихся "героев", который*

оказал

| Ливерпулю сомнительную честь своим посещением (за

| что ему, конечно, заплатили такие, как я).

| Неважно, что он оказался не очень интересным

| оратором. Важно то, что он говорил. А говорил он,

| что мы, бедные земляне, даже не представляем себе,

| как рискуют такие благородные искатели

| приключений.

| Что ж, приятель, сегодня я снял со счета

| последние фунты, чтобы подлатать легкие жены

| (добрый легочный асбестоз, знаете ли). На этой

| неделе надо платить за учебу сына, и я понятия не

| имею, где взять для этого деньги. И после того как

| я сегодня с восьми до четырех прождал в порту в

| *поисках выгрузки (работы не оказалось), десятник*
| *заявил мне, что я уволен, так что завтра мне можно*
| *и не беспокоиться идти туда. Хочет ли какой-нибудь*
| *из ваших героев получить запасные части? Могу*
| *предложить почки, печень, все прочее. Все в*
| *хорошем состоянии, насколько можно ожидать после*
| *девятнадцати лет работы в порту, кроме слезных*
| *желез: они сильно истощены от постоянного*
| *оплакивания тяжелой жизни.*
|
| *Х. Делакросс,*
| *"Вершины волн"*
| *Квартира В бис 17, 41 этаж*
| *Мерсисайд L77PR 14 JE6*

Она наклонилась вперед и сложила руки. "Предстоит многоцелевой рейс. Мы собираемся сделать нечто новое. Для начала мы пошлем два корабля с одной и той же целью".

Сесс Форхенд поднял руку. "Какой в этом смысл?"

- Ну, частично, чтобы проверить, действительно ли это одна цель. Мы слегка изменим необязательные установки... те, что мы считаем необязательными для указания курса. И корабли стартуют с интервалом в тридцать секунд. Это означает, что корабли вынырнут на расстоянии друг от друга, которое проходят за тридцать секунд Врата.

Форхенд наморщил лоб. "Относительно чего?"

- Хороший вопрос, - она кивнула. - Мы считаем, что относительно Солнца. Движением звезд относительно всей Галактики, мы считаем, можно пренебречь. По крайней мере в том случае, если ваша цель окажется в пределах Галактики или не настолько далеко, чтобы фактор движения самой Галактики стал заметен. Я хочу сказать, что, если вы вынырнете за ее пределами, это будет расстояние в семьдесят километров относительно центра Галактики. Но не думаем, что это скажется. Мы ожидаем лишь небольших различий в скорости и направлении... скорее всего, вы окажетесь друг от друга на расстоянии от двух до двух с половиной километров.

- Конечно, - продолжала она, весело улыба-

ясь, - это только теория. Может, относительное движение кораблей вообще не будет иметь значения. В таком случае проблема заключается в том, чтобы они не столкнулись друг с другом. Но мы уверены - совершенно уверены, - что по крайней мере небольшой разброс будет. Вам нужно всего лишь расстояние в пятнадцать метров - диаметр пятиместника.

- Насколько уверены в этом "совершенно"? - спросила одна из девушек.

- Ну, - согласилась Эмма, - относительно уверены. Откуда нам знать, пока не испробовали?

- Кажется опасным, - заметил Сесс. Похоже, его это не удерживало. Он просто высказывал мнение. В этом он на меня не похож: я старался подавить все чувства внутри, думать только о технических подробностях сообщения.

Эмма удивилась. "Эта часть? Послушайте, к опасной части я даже еще не приступила. Цель рейса недоступна для всех одноместных, большей части трехместных и некоторых пятиместных кораблей".

- Почему? - спросил кто-то.

- Это вы и должны определить, - терпеливо сказала она. - Это как раз тот курсовой набор, который компьютер счел наиболее подходящим

для испытания корреляции между курсовыми наборами. У вас два бронированных пятиместника, и оба получают один и тот же курсовой набор. Это тот набор, который выбрали для вас хичи, верно?

- Это было очень давно, - возразил я.

- О, конечно. Я никогда не говорила другого. Это опасно... до определенного предела. Отсюда и миллион.

Она смолкла, серьезно разглядывая нас, пока кто-то не спросил: "Какой миллион?"

- Премия в миллион долларов для каждого участника, - сказала она. - На это из фонда Корпорации отведены десять миллионов долларов. Равные доли. Конечно, есть хорошие шансы, что участники получат больше миллиона. Если найдете что-нибудь интересное, премия определяется обычным порядком. Компьютер считает, что перспективы неплохие.

- Почему назначены десять миллионов? - спросил я.

- Не я принимала решение, - терпеливо сказала она. Потом посмотрела на меня, как на личность, а не часть группы, и добавила:

- Кстати, Броудхед. Ущерб за уничтожение корабля с вас списан. Все, что найдете, ваше.

Миллион долларов. Неплохо? Сможете отправиться домой, купить небольшое дело, жить все оставшиеся годы на этом.

Мы смотрели друг на друга, а Эмма сидела, улыбалась и терпеливо ждала. Не знаю, о чем думали остальные. Я вспоминал Врата-Два, вспоминал первый полет, когда мы не отрывали глаза от приборов, надеясь увидеть то, чего нет. Вероятно, у каждого нашлось что вспомнить.

- Старт, - сказала она наконец, - послезавтра. Те, кто хочет участвовать, должны зайти ко мне в кабинет.

Меня приняли. Шики отвергли.

Но было нелегко: именно я виноват в том, что Шики не полетел. Первый корабль заполнили быстро: Сесс Форхенд, две девушки из Сьерра-Леоне, французская пара - все говорят по-английски, все прошли собеседование, все уже побывали в полетах. Экипаж второго корабля набирал Мечников. Он сразу включил свою пару: Дэнни А, и Дэнни Р. Потом неохотно согласился взять меня. Оставалось одно место.

- Мы можем взять вашего друга Бакина, - сказала Эмма. - Или вы предпочитаете подругу?

ОТЧЕТ О ПОЛЕТЕ

| Корабль 3-184, рейс 019B140. Экипаж С. Костис,

| А. Маккарти, К. Мацуоко.

|

| Время до цели 615 дней 9 часов. Доклад экипажа

| отсутствует. Определить местонахождение цели не

| удалось. Нет ни одной надежно идентифицируемой

| детали.

| Никакого резюме.

| Извлечение из журнала: "281 день полета.

| Мацуоко проиграл при выборе жребия и покончил

| самоубийством. Алисия добровольно покончила с

| собой сорок дней спустя. Мы еще не достигли

| поворотного пункта, так что все равно. Остающихся

| продуктов недостаточно для меня, даже если включу

| в них Алисию и Кенни, которые лежат в

| холодильнике. Так что я ставлю все на автоматику и

| принимаю таблетки. Мы все оставили письма.

| Пожалуйста, отправьте их по адресам, если этот

| проклятый корабль когда-нибудь вернется"

| Отдел планирования полетов высказал

| предложение, чтобы пятиместник с двойным рационом

| и одним членом экипажа был послан по тому же

| курсу. Возможно, он завершит полет и успешно

| вернется. От предложения отказались, так как нет

| очевидных выгод от его повторения.

- Какую подругу?

- У нас есть просьба от артиллериста третьего класса с бразильского крейсера Сузанны Эрейра. У нее есть разрешение капитана крейсера на участие в полете.

- Сузи! Я не знал, что она хочет участвовать!

Эмма внимательно изучала карточку. "У нее прекрасная подготовка, - заметила она. - И у нее

все на месте. Я имею в виду, - сладко добавила она, - ее ноги, хотя понимаю, что вас интересуют другие ее части. Или вы ограничитесь парнями в этом рейсе?"

Я почувствовал приступ нерационального гнева. Я не ханжа: мысль об интимном контакте с мужчиной сама по себе меня не отталкивает. Но - с Дэйном Мечниковым? Или с одним из его любовников?

- Эрейра может быть тут завтра, - заметила Эмма. - Бразильский крейсер будет в доке сразу вслед за пассажирским кораблем.

- Почему вы спрашиваете меня? - огрызнулся я. - Старший экипажа Мечников.

- Он считает, что решать должны вы. Так кто же?

- Мне все равно! - выкрикнул я и ушел. Но избегать решения было невозможно. Не принимать решения означало не допустить Шики к полету. Если бы я высказался за него, его бы взяли; я промолчал - очевидным выбором была Сузи.

Весь следующий день я избегал Шики. Подобрал новую девушку в "Голубом Аду", только что окончившую курс, и провел ночь в ее комнате. Даже не приходил к себе переодеваться. Сбро-

сил все и купил новое. Я хорошо знал места, где меня будет искать Шики: "Голубой Ад", Центральный парк, музей - и оставался в стороне от этих мест; бродил по пустынным туннелям, никого не встречая, до ночи.

Потом решил рискнуть и пошел на прощальную вечеринку. Вероятно, Шики там будет, но будут и другие.

Он был. И Луиза Форхенд тоже. Она даже была в центре внимания; я не знал, что она вернулась.

Она увидела меня и помахала рукой. "Мне повезло, Боб! Выпей, я плачу!"

Кто-то сунул мне в одну руку стакан, в другую - сигарету с травкой, и, прежде чем затянуться, я спросил ее, что она нашла.

- Оружие, Боб! Замечательное оружие хичи, несколько сотен штук. Сесс говорит, что премия будет не меньше пяти миллионов. Плюс проценты... конечно, если удастся это вооружение воспроизвести.

Я выпустил дым и запил глотком белого огня. "Что за оружие?"

- Как туннелекопатели, только портативные. Проделывают отверстие во всем. При высадке мы потеряли Сарру Аллафанта: одно такое оружие проделало дыру в ее костюме. Мы с Тимом

делим ее долю, так что это еще два с половиной миллиона.

- Поздравляю, - сказал я. - Последнее, в чем люди нуждаются, это новый способ убивать друг друга... но все равно поздравляю. - Мне нужно было ощущение морального превосходства: когда я отвернулся, прямо передо мной висел Шики и смотрел на меня.

- Хочешь затянуться? - спросил я, протягивая ему сигарету.

Он покачал головой.

Я сказал: "Шики, не я решал. Я им сказал... Я не говорил им, чтобы тебя не брали".

- А сказал, чтобы взяли?

- Не мне было решать. Эй, послушай! - неожиданно мне пришла в голову мысль. - Ведь Луизе повезло. Вероятно, Сесс не полетит. Почему бы тебе не занять его место?

Он попятился, не отрывая от меня глаз, выражение лица его изменилось.

"Ты не знаешь? - спросил он. - Да, Сесс отказался от полета, но его место уже занято".

- Кем?

- Тем, кто рядом с тобой, - сказал Шики, я повернулся, и она стояла рядом, глядя на меня, со стаканом в руке и с выражением, которого я

не мог понять.

- Привет, Боб, - сказала Клара.

Я подготовился к вечеринке, выпив несколько порций заранее - на девяносто процентов я был пьян и на десять ожесточен, но все улетучилось, как только я взглянул на нее. Я поставил стакан, кому-то сунул сигарету, взял ее за руку и отвел в туннель.

- Клара, - сказал я, - ты получила мои письма?

Она удивилась. "Письма? - Покачала головой. - Ты, наверно, послал их на Венеру? А я там не была. Долетела до встречного корабля, пересела и вернулась сегодня на пассажирском".

- Ох, Клара.

- Ох, Боб, - передразнила она меня, улыбаясь: весело мне не было, потому что, когда она улыбалась, я видел дыру на месте выбитого зуба. - Что же еще нам сказать друг другу?

Я обнял ее за плечи. "Я могу сказать, что люблю тебя, и мне жаль, и что я хочу тебя, и хочу жениться и иметь детей и...

- Боже, Боб, - сказала она, мягко отталкивая меня от себя, - когда ты что-нибудь говоришь, то говоришь уж очень основательно. Подожди немного. Это не убежит.

- Но ведь прошли месяцы!

Она рассмеялась. "Не глупи. Боб. Сегодня у Стрельца неподходящий день для принятия решения, особенно о любви. Поговорим в другой раз".

- Вздор! Послушай, я в это не верю!

- А я верю, Боб.

Меня охватило вдохновение. "Эй! Я могу поменяться с кем-нибудь на первом корабле. Или, минутку, может, Сузи поменяется с тобой..."

Она покачала головой, по-прежнему улыбаясь. "Не думаю, чтобы Сузи это понравилось, - сказала она. - Ну, и никто не разрешит меняться. Особенно в последний момент".

- Неважно, Клара!

- Боб, - сказала она, - не подталкивай меня. Я много думала о нас с тобой. Мне кажется, у нас есть, чего добиваться. Но не могу сказать, что все уже решила, и не хочу, чтобы меня подталкивали.

- Но, Клара...

- Закончим на этом, Боб. Я полечу в первом корабле, ты во втором. Там, может, поговорим. Может, даже поменяемся на обратный путь. А пока у нас есть возможность подумать, чего мы хотим на самом деле.

Единственные слова, которые я мог повторять

снова и снова, были: "Но, Клара..."

Она поцеловала меня и оттолкнула от себя. "Боб, - сказала она, - не торопись. У нас впереди много времени".

Глава 27

Скажи мне, Зигфрид, - говорю я, - насколько я нервный.

На этот раз он принял голографическое изображение Зигмунда Фрейда, свирепый взгляд венца, ничуть не gemutlith (добродушный, нем. - Прим, перев.). Но голос его - все тот же мягкий печальный баритон: "Если вы спрашиваете, о чем свидетельствуют мои сенсоры, Боб, то да, вы весьма возбуждены".

- Я так и думал, - говорю я, подпрыгивая на матраце.

- Можете мне сказать почему?

- Нет. - Вся неделя была такой: прекрасный секс с Дорин и С.Я., а потом поток слез в душе, фантастические выигрыши, и игра на турнире в бридж, и абсолютное отчаяние на пути домой. Я чувствую себя флюгером. "Я чувствую себя флюгером, - кричу я. - Ты вытащил что-то такое, с чем я не могу справиться".

- Мне кажется, вы недооцениваете своей способности справиться с болью, - заверяет он меня.

- Будь ты проклят, Зигфрид! Что ты знаешь о человеческих способностях?

Он почти вздыхает. "Мы снова за то же. Боб?"

- Да, черт возьми! - Странно, теперь я меньше нервничаю; я снова втянул его в спор, и опасность отступила.

- Правда, Боб, я машина. Но я машина, созданная, чтобы понимать, что такое человек, и поверьте мне, Боб, я хорошо сделан.

- Сделан! Зигфрид, - говорю я рассудительно, - ты не человек. Ты можешь знать, но не можешь чувствовать. Ты себе не представляешь, каково это принимать человеческие решения и нести груз человеческих эмоций. Ты не представляешь, каково это связывать друга, чтобы не дать ему совершить самоубийство. Каково, когда умирает тот, кого ты любишь. Знать, что это твоя вина. Испугаться до потери рассудка.

- Я все это знаю, Боб, - мягко отвечает он. - Правда, знаю. И хочу выяснить, почему вы испытываете такие бурные чувства. Не поможете ли вы мне?

- Нет!

- Но ваше возбуждение, Боб, доказывает, что мы приближаемся к основной боли...

- Убери свое проклятое сверло с моего нерва! - Но эта аналогия ни на секунду не сбивает его: его цепи сегодня хорошо настроены.

- Я не ваш дантист, Боб, я ваш аналитик, и я говорю вам...

- Перестань! - Я знаю, что должен увести его от того места, где боль. С того первого дня я не пользовался формулой С.Я., но теперь хочу снова воспользоваться ею. Я произношу слова и превращаю его из тигра в котенка: он ложится на спину и позволяет мне чесать ему брюшко, и я приказываю ему воспроизвести отрывки его сеансов с привлекательными и очень изворотливыми женщинами. И остальная часть часа проводится у замочной скважины. И я в очередной раз благополучно покидаю его кабинет.

Или почти благополучно.

Глава 28

Из нор, в которых спрятались хичи, из звездных пещер, сквозь туннели, которые они прорубили, залечивая нанесенные ими шрамы... Боже, как в лагере бойскаутов: мы пели и резвились все девятнадцать дней после поворотного пункта. Никогда в жизни я себя лучше не чувствовал. Частично это было освобождение от страха: когда достигаешь поворотного пункта, начинаешь легче дышать, так всегда бывает. Частично потому, что первая часть пути оказалась тяжелой. Мечников и два его любовника большую часть времени уединялись, оставляя меня с Сузи, которая проявляла ко мне гораздо меньше интереса, чем за одну ночь недели, проведенной на Вратах. Но, главным образом, для меня это объяснялось тем, что я становился все ближе и ближе к Кларе. Дэнни А, помогал мне с расчетами: он преподавал на курсах на Вратах, и, возможно, он ошибался, но лучшего источника у меня не было, поэтому я верил ему на слово; он рассчитал, что после поворотного пункта мы должны пройти еще около трехсот световых лет - предположение, разумеется, но достаточно

близкое. Первый корабль, на котором находилась Клара, на пути к поворотному пункту все дальше и дальше уходил от нас: в этом пункте мы делали около десяти световых лет в сутки (так утверждал Дэнни). Пятиместник Клары вылетел на тридцать секунд раньше нас, так что все сводилось к простой арифметике; примерно один световой день. 3 на 10 в десятой степени сантиметров на 60 секунд на 60 минут на 24 часа... на поворотном пункте Клара опережала нас на добрых семнадцать с половиной миллиардов километров. Казалось, это очень далеко, да так оно и было. Но после поворотного пункта мы с каждым днем становились все ближе, следуя за ней по тому же отверстию в пространстве, которое просверлили для нас хичи. Где проходил мой корабль, ее уже прошел. Я чувствовал, что мы их догоняем: иногда мне казалось, что я ощущаю ее запах.

Когда я сказал что-то подобное Дэнни А., он странно посмотрел на меня. "Ты представляешь себе, что такое семнадцать с половиной миллиардов километров? Целую солнечную систему можно поместить между нами и ими. Почти точно: большая полуось орбиты Плутона - 39 с небольшим астрономических единиц".

Я рассмеялся, чуть смущенный. "Это просто фантазия".

- Тогда поспи, - ответил он, - и пусть тебе приснится сон об этом. - Он знал, что я испытываю к Кларе; весь корабль знал, даже Мечников, даже Сузи, и, может, это тоже фантазия, но мне казалось, что все желают нам добра. Мы все друг другу желали добра и строили сложные планы, как собираемся использовать свои премии. У меня и Клары, по миллиону у каждого, получалось очень неплохо. Может, недостаточно для Полной медицины, но много еще всякого хорошего. По крайней мере Большая медицина, что означало по-настоящему хорошее здоровье, если не произойдет чего-нибудь чрезвычайного, на тридцать-сорок лет. А на оставшееся можно хорошо прожить: путешествия, дети! Отличный дом в приличном районе... минутку, останавливал я себя, дом в каком месте? Не на пищевых шахтах. Может быть, вообще не на Земле. Захочет ли Клара вернуться на Венеру? Но я не мог себе представить, что веду жизнь туннельной крысы. И не мог также представить себе Клару в Далласе или Нью-Йорке. Конечно, думал я, желания далеко опережают реальность. Если мы действительно что-нибудь найдем,

несчастный миллион на человека будет только началом. Тогда у нас будут любые дома, какие пожелаем, и в любом месте; и Полная медицина, и трансплантанты, которые сохранят нам молодость, и здоровье, и красоту, и сексуальную мощь, и...

| *ОБЪЯВЛЕНИЯ*

|

| *Интересующиеся клавесином. Групповой секс.*

| *Ищем старателей аналогичных взглядов для создания*

| *экипажа. Джерриман, 78-109.*

|

| *Туннельная торговля. Продаются голодиски,*

| *одежда, сексуальные приспособления, книги, все,*

| *что угодно. Уровень Бейб, туннель двенадцать,*

| *спросить Де'Витторио, 11-00 часов до полной*

| *распродажи.*

- Тебе действительно пора уснуть, - сказал с соседнего гамака Дэнни А. - Ты сильно бьешься в

гамаке, это предупреждение.

Но мне не хотелось спать. Я был голоден, и не было причины, почему бы не поесть. Девятнадцать дней мы придерживались строгой дисциплины в еде: так всегда поступают в первой части пути. Но как только достигнут поворотный пункт, вы знаете, сколько можно съесть за оставшуюся часть пути: вот почему некоторые старатели возвращаются растолстевшими. Я выбрался из шлюпки, где лежали Сузи и оба Дэнни, и тут понял, почему хочу есть. Дэйн Мечников готовил жаркое.

- На двоих хватит?

Он задумчиво посмотрел на меня. "Вероятно. - Открыл плотно пригнанную крышку, заглянул внутрь, добавил воды и сказал:

- Еще десять минут. Я вначале собирался выпить".

Я принял приглашение, и мы передавали друг другу фляжку вина. Пока он помешивал жаркое, добавляя соли, я произвел за него наблюдения звезд. Мы были так близко к максимальной скорости, что на экране не было ничего похожего на созвездия или даже на звезды: но мне все это казалось приветливым и правильным. Всем нам казалось. Я никогда не видел Дэйна

таким веселым и спокойным. "Я все думаю, - сказал он. - Миллиона достаточно. После этого я вернусь в Сиракузы, к своей докторантуре, потом подыщу работу. Должны быть школы, которым потребуется поэт и преподаватель литературы, побывавший в семи вылетах. Мне будут кое-что платить, а эти деньги будут мне служить всю жизнь".

Я по-настоящему расслышал среди всего этого только одно слово, и оно меня очень удивило. "Поэт?"

Он улыбнулся. "Ты не знал? Так я попал на Врата: дорогу оплатил Фонд Гугенхейма". Он снял кастрюлю с плиты, разложил жаркое на две тарелки, и мы поели.

И это тот самый человек, который два дня назад злобно кричал целый час на двух Дэнни, а мы с Сузи, сердитые и изолированные, лежали в шлюпке и прислушивались. Это все поворотный пункт. Теперь мы свободны; в полете припасы у нас не кончатся, и нам не нужно беспокоиться из-за находок, потому что премия нам гарантирована. Я спросил его о его поэзии. Он не стал читать, но обещал показать стихи, которые отправлял в фонд Гугенхейма. Когда вернемся на Врата.

Когда мы кончили есть, вытерли тарелки и кастрюлю и убрали их, Дэйн взглянул на часы. "Слишком рано будить остальных, - сказал он, - а делать совершенно нечего".

Он посмотрел на меня, улыбаясь. Настоящая улыбка, не усмешка. Я придвинулся к нему и сидел в тепле и приветливости его объятий.

| *ОТНОСИТЕЛЬНО ПЬЕЗОЭЛЕКТРИЧЕСТВА*

|

| *Профессор Хеграмет. Единственное, что мы*

| *установили относительно кровавых алмазов, это то,*

| *что у них поразительная способность к*

| *пьезоэлектричеству. Кто-нибудь знает, что это*

| *означает?*

| *В. Они расширяются и сокращаются, когда по ним*

| *пропускают ток?*

| *Профессор Хеграмет. Да. И наоборот. Сожмите*

| *их, и они произведут электрический ток. Очень*

| *быстро, если нужно. Это основа пьезо-*

фонов и

| пьезовидения. Пятидесятимилли-ардная

| промышленность.

| В. А кто получает проценты от всего этого?

| Профессор Хеграмет. Знаете, я так и думал, что

| кто-нибудь спросит об этом. Кровавые алмазы

| найдены очень давно, в туннелях хичи на Венере.

| Задолго до Врат. Лаборатории Белла установили, как

| их использовать. На самом деле используют нечто

| другое - изобретенное ими синтетическое вещество.

| Создана обширная коммуникационная сеть, и Белл не

| должна платить никому, только себе.

| В. Хичи тоже использовали их для этого?

| Профессор Хеграмет. Мое личное мнение, что,

| вероятно, да, но я не знаю, каким образом. Вы

| *подумайте, если они их оставили повсюду, то должны*

| *были бы оставить и приемники и передатчики. Но*

| *если они их и оставили, я об этом не знаю.*

И девятнадцать дней пролетели, как час, и часы сказали нам, что мы почти прибыли. Мы все не спали, теснились в капсуле, оживленные, как дети на Рождество, которые ждут игрушек. Это был самый мой счастливый рейс и, может, вообще один из самых счастливых. "Знаете, - задумчиво сказал Дэнни Р., - мне почти жаль, что мы прилетаем". А Сузи, которая едва начала понимать наш английский, сказала:

- Sim, ja sei, - и затем:

- Мне тоже. - Она сжала мою руку, а я ее: но на самом деле я думал о Кларе. Мы несколько раз пробовали связаться по радио, но в отверстиях в пространстве, которые проделывают корабли хичи, радио не работает. Зато уж когда мы вынырнем в обычное пространство, я смогу поговорить с ней! Мне было все равно, что остальные смогут услышать. Я знал, что хочу ей сказать. Я даже знал, что она ответит. В этом не могло быть сомнения: на их корабле та же эйфория, что на нашем, и по той же причине, а со

всей этой любовью и радостью в ответе не было сомнения.

- Мы останавливаемся! - закричал Дэнни Р. - Чувствуете?

- Да! - подтвердил Мечников, подпрыгивая на маленьких колебаниях псевдогравитации, которые означали, что мы в нормальном пространстве. Был и еще один признак: золотая спираль в центре каюты начала светиться все ярче с каждым мгновением.

- Мне кажется, у нас получилось, - сказал Дэнни Р., сияя от радости, и я был так же счастлив, как и он.

- Начну сферическое сканирование, - сказал я, уверенный, что знаю, что нужно делать. Сузи открыла люк шлюпки: они с Дэнни А, должны были наблюдать за звездами.

Но Дэнни А, не присоединился к ней. Он смотрел на экран. Я тоже посмотрел туда. Корабль повернулся, и я увидел звезды. Выглядели они нормально: ничего в них не было особенного, разве что они немного расплывались почему-то.

Я споткнулся и чуть не упал. Вращение корабля не было ровным, как должно быть.

РУКОВОДСТВУ 104

| Пожалуйста, добавьте в ваше Навигационное
| руководство следующее дополнение:
| Курсовой набор, в котором содержатся линии и
| цвета, указываемые на прилагаемой схеме, как будто
| имеют определенное отношение к количеству топлива
| или другой энергии, необходимой для движения
| корабля.
| Все старатели предупреждаются, что три яркие
| оранжевые линии (схема два) как будто обозначают
| почти полное отсутствие горючего. Ни один корабль,
| в наборе которого были такие линии, не вернулся,
| даже из уже проверенных маршрутов.

- Радио, - сказал Дэнни, и Мечников, нахму-

рившись, посмотрел на вспыхнувшую лампу.

- Включите его! - закричал я. Может, будет говорить Клара. Мечников, по-прежнему хмурясь, потянулся к включателю, и тут я заметил, что спираль светится необыкновенно ярко. Я такого не видел, она как будто была очень раскалена. Но от нее не исходило никакого жара, только золотой цвет, перемежавшийся белыми полосами.

- Странно, - сказал я, показывая.

Не думаю, чтобы кто-нибудь слышал меня: из радио доносились статические разряды, в замкнутой капсуле они звучали очень громко. Мечников схватил ручку настройки и усиления громкости.

Сквозь шум я услышал голос. Вначале я его не узнал. Это был Дэнни А. "Чувствуете? - кричал он. - Это волны гравитации. Мы в беде. Прекратите сканирование!"

Я машинально прекратил его.

Но к этому времени корабельный экран повернулся, и на нем появилось нечто - не звезда и не галактика. Тускло светящаяся масса бледно-синего цвета, вся в пятнах, огромная и устрашающая. При первом же взгляде я понял, что это не солнце. Солнце не может быть таким

синим и тусклым. Глаза болели при взгляде на него, но не из-за яркости. Болело внутри глаз, в зрительном нерве. Боль была в самом мозгу.

Мечников выключил радио, и в наступившей тишине я услышал, как Дэнни А, набожно говорит: "Боже! Мы пропали. Это черная дыра".

Глава 29

С вашего разрешения, Боб, - говорит Зигфрид, - я хотел бы обсудить кое-что с вами, прежде чем вы переведете меня на пассивный режим.

Я настораживаюсь: сукин сын читает мои мысли. "Я замечаю, - немедленно говорит он, - что вы испытываете какое-то опасение. Вот его-то я и хотел бы исследовать".

Невероятно. Я как будто хочу пощадить его чувства. Иногда я забываю, что он машина. "Я не знал, что ты чувствуешь это", - извиняюсь я.

- Конечно, чувствую, Боб. Когда вы даете мне соответствующую команду, я повинуюсь ей, но ничто не мешает мне записывать и интерпретировать данные. Я полагаю, такой команды в вашем распоряжении нет.

- Ты правильно полагаешь, Зигфрид.

- Нет никаких причин, почему бы вам не познакомиться с накопленной информацией. Я не пытался вмешиваться до настоящего времени...

- А ты мог?

- Да, у меня есть возможность обратиться за соответствующей командой к своим руководителям. Но я этого не сделал.

- Почему? - Старый мешок болтов продолжает удивлять меня. Это нечто новое.

- Как я уже сказал, для этого не было причины. Но вы явно стараетесь оттянуть столкновение, и я хотел бы сказать, что думаю об этом столкновении. Чтобы вы сами могли принять решение.

- О, дьявол! - Я отбрасываю ремни и сажусь. - Не возражаешь, если я закурю? - Я знаю, каким будет ответ, но он опять меня удивляет.

- В данных обстоятельствах - нет. Если вам нужно средство, чтобы уменьшить напряжение, я согласен. Я даже подумывал об использовании легкого транквилизатора, если захотите.

- Боже! - говорю я восхищенно и закуриваю... и мне приходится удерживать себя, чтобы не предложить ему сигарету! - Ладно, давай.

Зигфрид встает, разминает ноги и переходит к более удобному креслу. Я не знал, что он может это делать. "Я стараюсь успокоить вас. Боб - говорит он, - как вы, несомненно, заметили. Вначале позвольте сказать вам кое-что о моих способностях - и ваших, - о чем, мне кажется, вы не знаете. Я могу предоставить информацию о любых клиентах. То есть вы не ограничены только теми, у кого был доступ лишь к этому терминалу".

- Не думаю, что понял, - говорю я, когда он замолкает.

- Мне кажется, вы поняли. Или поймете. Но самый важный вопрос, какое воспоминание вы пытаетесь подавить. Я считаю необходимым, чтобы вы его разблокировали. Я подумывал предложить вам легкий гипноз, или транквилизатор, или даже приглашение на сеанс человека-психоаналитика, и все это в вашем распоряжении, если захотите. Но я заметил, что вы чувствуете себя относительно комфортабельно в обсуждении того, что вы считаете объективной реальностью, в отличии от вашей придуманной реальности. Так что я хотел бы обсудить в этих терминах один эпизод из вашего прошлого.

Я старательно стряхиваю пепел с кончика сигареты. Он прав: пока разговор идет абстрактный и безличностный, я могу говорить о чем угодно. "Какой эпизод, Зигфрид?"

- Ваш последний полет с Врат, Боб. Позвольте освежить вашу память...

| *ОТНОСИТЕЛЬНО ПИТАНИЯ*
|
| *В. Что ели хичи?*
| *Профессор Хеграмет. То же, что и мы,*

вероятно.

| Я думаю, они были всеядными, ели все, что

| попадалось. Мы вообще-то ничего не знаем об их

| диете, если не считать сведений о полетах к

| оболочкам.

| В. Полеты к оболочкам?

| Профессор Хеграмет. Зафиксированы по крайней

| мере четыре курса, которые вели не к другим

| звездам, а пролегали в окрестностях Солнечной

| системы. В районе кометных оболочек, примерно в

| половине светового года. Эти полеты были признаны

| бесполезными, но я так не считаю. Я предлагал

| комиссии присудить за них научные премии. Три

| полета завершились в метеоритных роях. Четвертый -

| в районе кометы, все в ста астроно-

мических

| единицах от Солнца. Метеоритные рои - это обычно

| остатки старых комет.

| В. Вы хотите сказать, что хичи питались кометами?

| Профессор Хеграмет. Они ели то, из чего

| сделаны кометы. Вы знаете, из чего они состоят?

| Углерод, кислород, азот, водород - те же самые

| элементы, что вы едите за завтраком. Я считаю, они

| использовали кометы как источник для производства

| пищи. Я считаю, что рано или поздно в районе комет

| будет обнаружена пищевая фабрика хичи, и тогда,

| может быть, никто больше не умрет с голоду.

- Боже, Зигфрид!.

- Я знаю, вам кажется, вы все прекрасно помните, - говорит он, правильно интерпретируя мое восклицания, - и в этом смысле я не

считаю, что ваша память нуждается в стимулировании. Но в этом эпизоде интересно то, что вы тщательно скрываете все сферы ваших личных затруднений. Ваш ужас. Ваши гомосексуальные склонности...

- Эй!

- ... которые не являются ведущей тенденцией вашей сексуальности, Боб, но из-за которых вы тревожились больше, чем они заслуживают. Ваши чувства к матери. Огромное ощущение вины, которую вы чувствуете за собой. И прежде всего - женщина, Джель-Клара Мойнлин. Все это снова и снова повторяется в ваших снах, Боб, хотя вы не всегда можете это распознать. И все это присутствует в этом одном эпизоде.

Я гашу сигарету и осознаю, что курю одновременно две. "Не понимаю, при чем тут моя мать", - говорю я наконец.

- Правда? - Голограмма, которую я называю Зигфрид фон Психоанализ, поворачивается к углу комнаты. - Позвольте показать вам изображение. - Он поднимает руку - чистый театр, да и только, - и в углу появляется женская фигура. Видно не очень ясно, но женщина молода, стройна. Она сдерживает кашель.

- Не очень похоже на мою мать, - возражаю я.

- Нет?

- Ну, - великодушно говорю я, - вероятно, лучше ты не можешь. Я хочу сказать, что у тебя нет данных, кроме моего нечеткого описания.

- Это изображение, - мягко говорит Зигфрид, - составлено на основе вашего описания девушки Сузи Эрейра.

Я зажигаю новую сигарету с некоторым трудом, потому что руки у меня трясутся. "Ну и ну! - говорю я с искренним восхищением. - Снимаю перед тобой шляпу, Зигфрид. Конечно, - говорю я, испытывая легкое раздражение, - Сузи была, о Боже, всего лишь ребенком. И теперь я вижу, что некоторое сходство есть. Но возраст не тот".

- Боб, - спрашивает Зигфрид, - сколько лет было вашей матери, когда вы были маленьким?

- Она была очень молодой. - Немного погодя я добавляю:

- Кстати, выглядела она гораздо моложе своего возраста.

Зигфрид дает мне возможность посмотреть еще немного, затем снова взмахивает рукой, и фигура исчезает, а вместо нее внезапно появляется изображение двух пятиместников, соединенных шлюпками: они висят в пространстве, а за ними... за ними...

- О, Боже, Зигфрид! - говорю я.

Он ждет.

Что касается меня, то он может ждать вечно; я просто не знаю, что сказать. Мне не больно, но я парализован. Я ничего не могу сказать и не могу двинуться.

- Это, - начинает он негромко и очень мягко, - реконструкция двух кораблей вашей экспедиции в непосредственной близости от объекта НН в созвездии Стрельца. Это черная дыра или, более точно, сингулярность в состоянии чрезвычайно быстрого вращения.

- Я знаю, что это такое, Зигфрид.

- Да. Знаете. Из-за этого вращения относительная скорость того, что называется порогом событий сферы разрывности Шварцшильда превышает скорость света, и потому объект не является на самом деле черным: его можно видеть в так называемом излучении Черенкова. Именно поэтому, а также из-за необходимости изучить другие аспекты сингулярности, ваша экспедиция и получила гарантированную премию в десять миллионов долларов, которые, вдобавок к различным дополнительным выплатам, и составляют основу вашего теперешнего состояния.

- И это я знаю, Зигфрид.

Пауза.

- Не скажете ли, что еще вы об этом знаете, Боб?

Пауза.

- Не знаю, смогу ли я, Зигфрид.

Снова пауза.

Он даже не побуждает меня попробовать. Он знает, что ему этого не нужно. Я сам хочу попробовать и начинаю подражать его манерам. Есть тут что-то такое, о чем я не могу говорить, что-то пугающее меня до мозга костей: но, помимо этого главного ужаса, есть нечто, о чем я могу говорить, и это нечто - объективная реальность.

- Не знаю, хорошо ли ты разбираешься в сингулярностях, Зигфрид.

- Может, вы будете просто говорить, как будто я знаю, Боб.

Я откладываю сигарету и зажигаю новую.

- Ну, - начинаю я, - ты знаешь, и я знаю, что если бы ты действительно хотел знать, то где-то в банках информации есть все сведения о сингулярностях, и там информации больше и она гораздо точнее, чем у меня... Дело в том, что черные дыры - это ловушки. Они искривляют свет. Они искривляют время. Если попадешь туда, вырваться невозможно. Только... только...

Немного погодя Зигфрид говорит: "Если хотите поплакать, плачьте, Боб". Поэтому я вдруг осознаю, что это и делаю.

- Боже! - говорю я и прочищаю нос в одну из тряпок, которые он заботливо держит у матраца. Он ждет.

- Только я выбрался, - говорю я.

И тут Зигфрид делает то, чего я никак от него не ожидал: он шутит. "Это, - говорит он, - совершенно очевидно, потому что вы здесь".

- Я чрезвычайно устал, Зигфрид, - говорю я.

- Да, я знаю, Боб.

- Я бы хотел выпить.

Щелк.

"Только что за вами открылся шкаф, - говорит Зигфрид.

- В нем очень хорошее шерри. К сожалению, вынужден сказать, что оно сделано не из винограда; служба здоровья не позволяет такую роскошь. Но не думаю, чтобы вы почувствовали, что оно сделано из природного газа. Да, и к нему добавлено немного ТГК (тетрагидроканнабинол, лекарственное средство, которое готовят из марихуаны. - Прим, перев.) для успокоения нервов".

- Святый Боже! - говорю я, уже исчерпав всю свою способность удивляться. Шерри, как

он и сказал, очень хорошее, и я чувствую распространяющуюся внутри теплоту.

- Ну, хорошо, - говорю я, поставив стакан. - Ладно. Когда я вернулся на Врата, экспедицию уже объявили погибшей. Прошел почти год сверх срока. Ведь мы были почти внутри горизонта событий. Ты разбираешься в растяжении времени?.. Ну, неважно, - говорю я, прежде чем он может ответить, - вопрос риторический. Хочу сказать, что произошло то, что называется растяжением времени. Вблизи сингулярности происходит временной парадокс. По нашим часам прошло 15 минут, а по часам Врат... или любым другим часам в нерелятивистской вселенной - почти год. И...

Я наливаю себе еще, потом храбро продолжаю:

- И если бы мы приблизились еще, то двигались бы все медленней и медленней. Медленней, и медленней, и медленней. Чуть ближе, и пятнадцать минут растягиваются на десятилетие. Еще чуть ближе - и на целое столетие. Мы были близко. Мы были почти в западне, все мы.

Но я выбрался.

Я вспоминаю кое-что и смотрю на часы. "Говоря о времени. Я уже на пять минут превысил свое время".

- У меня сейчас нет других сеансов, Боб.

Я смотрю на него. "Что?"

Мягко: "Я очистил свое расписание перед встречей с вами, Боб".

Я не говорю снова "Святый Боже", но, несомненно, думаю. "Я чувствую себя прижатым к стене, Зигфрид!" - сердито говорю я.

- Я не заставляю вас оставаться дольше. Боб. Я просто говорю, что у вас есть выбор.

Я обдумываю это некоторое время.

- Для компьютера ты поразительно умен, Зигфрид, - говорю я. - Ну, ладно. Видишь ли, если нас рассматривать как одно целое, мы не могли вырваться. Наши корабли были пойманы, они зашли далеко за пункт возможного возвращения, и у нас всех просто не было выхода. Но старина Дэнни А., он умный парень. И он все знал о лазейках в законах. Как одно целое, мы были обречены.

- Но мы же не были единым целым! Мы были двумя кораблями! И если бы могли каким-то образом передать ускорение от одной части другой - толкнуть одну часть глубже в колодец и одновременно другую часть толкнуть наружу - вот эта часть целого могла освободиться!

Долгая пауза.

- Почему бы вам не выпить еще, Боб? - утешающе говорит Зигфрид. - После того, как перестанете плакать.

Глава 30

Страх! Я ощутил такой ужас, что больше ничего не мог чувствовать: чувства мои были перенасыщены страхом: не знаю, кричал ли я, но я делал то, что говорил Дэнни А. Мы состыковали корабли и закрепили их, шлюпка к шлюпке, и стали заталкивать оборудование, инструменты, одежду - все, что движется, в первый корабль, чтобы освободить место для десяти человек во втором. Из рук в руки, вперед и назад, мы перебрасывали грузы. Почки Дэйна Мечникова должны были прийти в ужасное состояние: он в шлюпке настраивал приборы так, чтобы за раз вытолкнуть все запасы водородно-кислородной смеси. Переживем ли мы это? Мы не знали. Оба пятиместника бронированы, и мы не думали, что можно повредить корпуса из металла хичи. Но содержимое корпусов - это мы, все десятеро, мы будем в том корабле, который должен вырваться. И, может быть, вырвется только желе из наших тел. У нас были только минуты, совсем немного. Я не менее двадцати раз за эти десять минут проходил мимо Клары, и только в первый раз мы поцеловались. Вернее, наши губы почти

соединились.

| *Дорогой Голос Врат.*

| *В среду на прошлой неделе я как раз шел из*

| *супермаркета, где получал продукты по своим*

| *карточкам, к стоянке шаттла, чтобы вернуться к*

| *себе домой, когда увидел неземной зеленый свет.*

| *Поблизости приземлился необычный космический*

| *корабль. Вышли четыре прекрасных, но очень худых*

| *молодых женщины в прозрачных одеяниях и*

| *парализовали меня какими-то лучами. Девятнадцать*

| *часов я находился на их корабле в качестве*

| *пленника. За это время я подвергся различным*

| *неприличным действиям сексуального характера;*

| *чувство собственного достоинства не позволяет мне*

| разглашать их природу. Предводительница этих

| женщин, которую зовут Мойра Глоу-Фаун, заявила,

| что, подобно нам, им не удалось полностью

| справиться со своим животным происхождением. Я

| принял их извинения и согласился доставить на

| Землю четыре сообщения. Сообщения первое и

| четвертое я не могу разглашать до определенного

| времени. Сообщение второе частного характера и

| предназначено моему менеджеру, под началом

| которого я работаю. Сообщение третье для вас, на

| Вратах, и состоит оно из трех частей. 1. Больше не

| должно быть курения. 2. Не должно быть больше

| совместного обучения девочек и мальчиков, по

| крайней мере до второго курса колледжа. 3. Вы

| должны немедленно прекратить все космические

| исследования. За нами наблюдают.

| Гарри Хеллисон

| Питсбург

| Не каждый из нас вернется домой -

| Нас плющит и жжет, и рвет на куски.

| Но тот кто вернулся с добычей - герой.

| А тот кто пустой - хоть вой от тоски.

| Но тот и другой уходят опять

| Хоть страх его сердце сжимает в кулак

| О хичи, скажите как нам узнать

| Где ваше богатство, где вы, а где мрак...

| О, хичи...

Я помню ее запах. Однажды запах мускусного масла стал так силен, что я поднял голову, но тут же забыл об этом. И все время то на одном экране, то на другом висел снаружи этот огромный зловещий широкий синий шар: фазовые эффекты образовывали тени на его поверхности: страшные волны его тяготения все время сотрясали наши внутренности. Дэнни А, находился в первом корабле, следя за временем и выталкивая

в шлюпку мешки и свертки. Они проходили в люк шлюпки, оттуда в другую шлюпку, потом снова в люк и в капсулу второго корабля, где я принимал их и заталкивал во все углы, чтобы вошло побольше. "Пять минут!" - крикнул он. Потом: "Четыре минуты!". Потом: "Три минуты, откройте эту проклятую крышку! И наконец: "Все! Эй, вы все! Бросайте, что делаете, и бегите сюда". И мы так и поступили. Все, кроме меня. Я слышал крики остальных, они меня звали; но я упал, наша шлюпка была загромождена, и я не мог подобраться к люку. Я пытался убрать с дороги какой-то проклятый тюк, а Клара по радио кричала: "Боб, Боб, ради Бога, иди сюда!" И я знал, что уже поздно, захлопнул люк и прыгнул вниз. Последнее, что я слышал, был голос Дэнни А.: "Нет! Нет! Погоди..."

Погоди...

Очень, очень долго.

Глава 31

Немного погодя - не знаю, сколько времени прошло, - я поднимаю голову и говорю: "Прости, Зигфрид".

- За что, Боб?

- За плач. - Я физически истощен. Как будто меня десять миль прогоняли сквозь строй, а сумасшедшие чокто (одно из племен североамериканских индейцев. - Прим, перев.) колотили меня своими дубинками.

- Вы себя лучше чувствуете, Боб?

- Лучше? - Я удивляюсь этому глупому вопросу, потом начинаю думать, и, странно, мне действительно лучше. - Да. Кажется. Не то, что называется хорошо. Но лучше.

- Отдохните немного, Боб.

Мне это замечание кажется глупым, и я ему говорю об этом. У меня осталось столько энергии, как у сдохшей неделю назад медузы, и мне ничего не остается, как отдыхать.

Но я чувствую себя лучше. "Я чувствую, - говорю я, - будто наконец позволил себе ощутить свою вину".

- И пережили это.

Я обдумываю его слова. "Кажется, да", - говорю я.

- Обсудим вопрос о вине, Боб. Почему вина?

- Потому что я отбросил девять человек, чтобы спастись самому, идиот.

- Вас кто-нибудь обвинял в этом? Кроме вас самого?

- Обвинял? - Я снова прочищаю нос, думая. - Нет. А зачем? Вернувшись назад, я стал чем-то вроде героя. - Я думаю о Шики, таком по-матерински добром, о Френси Эрейра, который обнимал меня, позволяя выплакаться, несмотря на то что я убил его двоюродную сестру. - Но их там не было. Они не видели, как я прочистил баки, чтобы выбраться.

- Вы прочистили баки?

- О, дьявол, Зигфрид, - говорю я, - не знаю. Я собирался. Я протянул руку к кнопке.

- Как вы думаете, мог ли корабль, который вы планировали покинуть, очистить соединенные баки шлюпок?

- А почему бы и нет? Не знаю. Во всяком случае, - говорю я, - ты не сможешь придумать оправдания, о котором я бы уже не подумал. Я знаю, что, может быть, Клара и Дэйн нажали свою кнопку раньше меня. Но я протянул к своей

руку!

- И как вы думаете, какой корабль при этом должен был освободиться?

- Их. Мой, - поправляюсь я. - Не знаю.

Зигфрид серьезно говорит: "В сущности, вы поступили очень разумно. Вы знали, что все выжить не могут. Для этого не было времени. Единственный выбор заключался в том, умрут ли все или только некоторые. Вы решили, что лучше пусть выживут некоторые.

- Вздор! Я убийца!

Пауза, цепи Зигфрида обрабатывают мои слова. "Боб, - осторожно говорит он, - мне кажется, вы себе противоречите. Разве вы не сказали, что они все еще живы в этой разрывности?"

- Да, они живы! Время для них остановилось!

- Тогда как же вы можете быть убийцей?

- Что?

Он повторяет: "Как вы можете быть убийцей, если никто не умер?"

... - не знаю, - говорю я, - но, честно, Зигфрид, я больше не хочу об этом говорить сегодня.

- Вы и не должны, Боб. Не знаю, представляете ли вы, чего достигли за последние два с половиной часа? Я горжусь вами!

| Робинетту Броудхеду.

|

| 1. Признано, что установление вами нового

| курса на Врата-Два привело к экономии около ста

| дней на каждый полет к этой цели.

| 2. Решением комиссии вам присуждается один

| процент доходов от всех открытий, сделанных

| экипажами, воспользовавшимися вашим курсом.

| Авансом вам начисляется 10000 долларов.

| 3. Решением комиссии половина этих доходов у

| вас вычитается в качестве штрафа за поврежденный

| корабль.

| 4. На вашем счету имеется: проценты от

| открытий (решение комиссии А-135-7) с учетом

| вычетов (решение комиссии А-135-8) 5000 долларов

| На вашем счету всего 6192 доллара

И странно, нелепо, но я верю, что все его чипы, голограммы, цепи хичи - все это мною гордится, и мне приятно в это верить.

- Вы можете уйти в любое время, - говорит он, вставая и очень жизнеподобно отходя к креслу. Он даже улыбается мне. - Но я хотел бы показать вам кое-что.

Мои защитные механизмы сносились до предела. Я только спрашиваю: "Что именно, Зигфрид?"

- Другую нашу возможность, о которой я упоминал, Боб, - говорит он, - но которую мы никогда не использовали. Я хотел бы показать вам другого пациента, из прошлого.

- Другого пациента?

Он мягко говорит: "Посмотрите в угол, Боб".

Я смотрю...

... там стоит она.

- Клара! - И как только я ее вижу, я тут же понимаю, откуда ее взял Зигфрид: у машины, с которой Клара консультировалась на Вратах. Она висит, положив руку на стойку, ноги ее легко шевелятся в воздухе, она оживленно говорит: широкие черные брови нахмурены, она улыбается, все ее лицо улыбается, потом расслабляется.

- Если хотите, можете услышать, что она говорит, Боб.

- А я хочу?

- Необязательно. Но бояться здесь нечего. Она любила вас, Боб, любила, как умела. Как и вы ее.

Я долго смотрю, потом говорю: "Убери ее, Зигфрид".

В восстановительной комнате я чуть не засыпаю на мгновение. Никогда я не чувствовал себя так спокойно.

Я умываюсь, выкуриваю еще одну сигарету и выхожу на яркий рассеянный дневной свет под Пузырем, и все кажется хорошим и дружеским. С любовью и нежностью я думаю о Кларе, в глубине сердца я прощаюсь с ней. Потом вспоминаю о С.Я., с которой у меня сегодня свидание. Я еще не опоздал на него. Но она подождет. Она хороший товарищ, почти как Клара.

Клара.

Я останавливаюсь посреди аллеи, и люди натыкаются на меня.

Маленькая старушка в коротких шортах спрашивает: "Что-нибудь случилось?"

Я смотрю на нее и не отвечаю, потом поворачиваюсь и возвращаюсь в кабинет Зигфрида.

| *Робинетту Броудхеду:*
|
| *На ваш счет переведены следующие суммы:*
|
| *- гарантированная премия за полет 88-90А (вся*
| *сумма делится на выживших) $10000000*
| *- научная премия, присужденная комиссией - $ 8500000*
| *Всего - $18500000*
| *Всего на счету - $18506036*

Там никого нет, даже голограммы. Я кричу: "Зигфрид! Где ты?"

Никого. Никто не отвечает. Я впервые нахожусь в кабинете без него. Вижу, что здесь реально, а что голограммы. Реального мало. Металлические стены, выступы проекторов. Матрац - реальный; шкаф с выпивкой - реальный; несколько других предметов мебели, которых можно коснуться, которыми можно пользоваться. Но Зигфрида нет. Нет даже стула, на котором он обычно сидит.

"Зигфрид!"

Я продолжаю кричать, сердце мое бьется в горле, в голове все вертится. "Зигфрид!" - кричу

я, и тут возникает что-то вроде дымки, потом вспышка, и вот он, в костюме Зигмунда Фрейда, вежливо смотрит на меня.

- Да, Боб?

- Зигфрид, я не убил ее! Она ушла!

- Я вижу, вы расстроены, Боб, - говорит он. - Не скажете ли, что вас беспокоит?

- Расстроен! Я больше чем расстроен, Зигфрид, я убил девятерых, чтобы спасти свою жизнь. Может, не в "реальности"! Может, не "целенаправленно". Но в их глазах я их убил. В моих тоже.

- Но, Боб, - рассудительно говорит он, - мы ведь все это уже обсуждали. Она жива. Они все живы. Время для них остановилось...

- Я знаю, - вою я. - Неужели ты не понимаешь, Зигфрид? В этом-то все дело! Я не только убил ее, я и сейчас убиваю ее!

Терпеливо: "Вы думаете, это правда, Боб?"

- Она так думает! Теперь и бесконечно - пока жива. Для нее это произошло не годы назад. Только минуты, и это продолжается всю мою жизнь. Я здесь внизу старею, стараюсь забыть, а Клара там вверху, у НН Стрельца, плавает, как муха в янтаре.

Я падаю на голый пластиковый матрац,

плачу. Постепенно Зигфрид восстанавливает внешность кабинета, то тут, то там появляются знакомые декорации. На стене повисла голограмма озера Гарда, над ним воздушные лодки, а в озере купающиеся.

- Пусть боль выйдет, - мягко говорит Зигфрид. - Пусть она вся выйдет.

- А что я делаю, по-твоему? - я переворачиваюсь на пенном матраце, глядя в потолок. - Я мог бы преодолеть боль и вину, если бы она смогла. Но для нее все еще не кончилось. Она там, застряла во времени.

- Продолжайте, Боб, - подбадривает он.

- Я продолжаю. Каждая секунда - это все та же секунда в ее мозгу, та секунда, когда я отбросил ее жизнь, чтобы спасти свою. Я живу, и старею, и умру, Зигфрид, а для нее все будет тянуться эта секунда.

- Продолжайте, Боб. Выскажитесь.

- Она думает, что я предал ее, и думает это сейчас! Я не могу жить с этим!

Долгое, долгое молчание, наконец Зигфрид говорит:

- Вы живете.

- Что? - Мысли мои улетели на тысячу световых лет.

- Вы живете с этим, Боб.

- И это ты называешь жизнью? - насмехаюсь я, садясь и вытирая нос одной из его миллионов тряпок.

- Вы очень быстро реагируете на все, что я говорю, Боб, - замечает Зигфрид, - и иногда мне кажется, что ваш ответ - это контрудар. Вы парируете мои слова словами. Позвольте мне нанести еще один удар. И пусть он попадет в цель: вы живете.

- ... ну, вероятно, ты прав. - Это правда. Просто жизнь не очень приятна.

Еще одна долгая пауза, потом Зигфрид говорит:

- Боб. Вы знаете, что я машина. Вы знаете также, что мои функции - справляться с человеческими чувствами. Я не могу чувствовать чувства. Но я могу представить себе их в виде моделей, анализировать их, я могу их оценивать. Я могу это сделать для вас. Я могу это сделать даже для себя. Я могу построить парадигму, внутри которой у меня будет доступ к эмоциям. Вина? Это болезненная вещь; но поскольку она болезненна, она совершенствует поведение. Я могу так сделать, что вы будете избегать действий, вызывающих чувство вины, и это было

бы полезно и для вас, и для общества. Но вы не сможете воспользоваться этим, если не почувствуете вину.

- Я чувствую ее, Зигфрид! Боже, Зигфрид, ты ведь знаешь, что я чувствую!

- Знаю, - говорит он, - что теперь вы позволили себе ощутить ее. Теперь она открыта, и вы можете позволить ей действовать, приносить вам пользу, а не таиться внутри вас и вызывать только боль. Для этого я и существую, Боб. Вызвать наружу ваши чувства, чтобы вы могли ими воспользоваться.

- Даже плохие чувства? Вина, страх, боль, зависть?

- Вина. Страх. Боль. Зависть. Мотиваторы. Усовершенствователи. Те качества, Боб, которыми я сам не обладаю, разве что в гипотетическом смысле, когда создаю парадигму и углубляюсь в нее.

Еще одна пауза. У меня странное ощущение. Паузы Зигфрида должны либо позволить его аргументам глубже проникнуть в мое сознание, либо дать ему возможность рассчитать новый, более сложный аргумент. Но на этот раз, мне кажется, не то и не другое. Он думает, но не обо мне. Наконец он говорит:

"Теперь я могу ответить на вопрос, который вы мне задали, Боб".

- Вопрос? Какой?

- Вы меня спросили: "И это можно назвать жизнью?" И я отвечаю, да. Именно это называется жизнью. И в своем гипотетическом плане я очень завидую вам.